

*Джозеф Стиглицу
Амартия Сен
Жан-Поль Фитусси*

Неверно оценивая нашу жизнь

Почему ВВП не имеет смысла?

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen and
Jean-Paul Fitoussi

Mis-measuring Our Lives

Why GDP Doesn't Add Up

The report by the Commission on
the Measurement of Economic
Performance and
Social Progress

THE NEW PRESS
NEW YORK · 2010

Джозеф Стиглиц, Амартия Сен
и Жан-Поль Фитусси

Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?

Доклад Комиссии по измерению
эффективности экономики
и социального прогресса

Перевод с английского
Инны Кушнаревой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2016

УДК 65.01
ББК 330.163.15
С80

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.

С80 Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 216 с.

ISBN 978-5-93255-427-2

В феврале 2008 г. президент Франции Николя Саркози обратился к нобелевским лауреатам по экономике Джозефу Стиглицу и Амартии Сену, а также выдающемуся французскому экономисту Жану-Полю Фитусси с предложением создать комиссию из ведущих экономистов для изучения вопроса о том, является ли ВВП надежным индикатором экономического и социального прогресса.

Настоящая книга — результат работы этой комиссии. Авторы предлагают всестороннее рассмотрение недостатков ВВП как показателя благополучия общества, обращая внимание, например, на то, что ВВП не учитывает экономического неравенства или последствий экономических решений для окружающей среды. Вместо ВВП авторы предлагают целый спектр понятий — от устойчивых показателей экономического благосостояния до измерений сбережений и богатства и «зеленого ВВП». В то время когда правительства во всем мире сталкиваются с беспрецедентными глобальными финансовыми и экологическими проблемами, настоящая книга может служить руководством для изменения того, что действительно важно.

© 2010 by The New Press

Foreword © 2009 by Nicolas Sarkozy

Preface © 2010 by Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen and Jean-Paul Fitoussi

© Издательство Института Гайдара, 2016

Все права сохранены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена ни в каком виде без письменного разрешения издателя. Публикуется по соглашению с The New Press, New York

ISBN 978-5-93255-427-2

СОДЕРЖАНИЕ

Николя Саркози. Вступительное слово · 9

Предисловие · 21

Расчеты национального дохода, находившиеся в ведении специалистов, становятся предметом публичного обсуждения · 23; Системы измерения формируют наши убеждения и выводы · 24; Система показателей и политика · 25; Статистика и теория информации · 26; Зачем пересматривать систему показателей именно сейчас? · 27; Кризис как удачный момент · 29; Успех в исследованиях · 30; Одна единица измерения или панель индикаторов? · 31; Изменяющиеся задачи · 31; Потребность в многообразии показателей · 33; Глобальный резонанс и глобальный и национальный диалог · 34; Незаконченное дело · 35; Замечания по персоналиям · 37; Эта книга · 39; Благодарности · 40

Краткое содержание доклада · 43

Для чего был написан этот доклад? · 43; Почему этот доклад важен? · 47; Кем написан этот доклад? · 50; Кому адресован этот доклад? · 50; В чем суть рекомендаций? · 52; Благополучие многогранно · 61; Что дальше? · 69

Глава 1. Проблемы классического ВВП · 71

Введение · 71; Вменение — полнота охвата или понимание? · 75; Что можно сделать с существующим аппаратом измерений? · 77; Улучшение измерения услуг в целом · 81; Совершенствование оценки услуг,

оказываемых государством · 82; Вывести на первый план точку зрения домохозяйств · 91

Глава 2. Качество жизни · 113

Введение · 113; Концептуальные подходы к измерению качества жизни · 115; Субъективное измерение качества жизни · 117; Объективные характеристики, формирующие качество жизни · 121; Перекрестные вопросы · 145

Глава 3. Устойчивое развитие и окружающая среда · 158

Введение · 158; Инвентаризация запасов · 161; Скорректированные чистые накопления (Adjusted Net Savings — ANS) · 173; Следы · 179; Квантификация устойчивости общепринятым способом: основные препятствия · 183; Выводы · 197; Физические и другие неденежные индикаторы: что выбрать? · 204

Другие члены Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса

Бина Агарвал	Университет Дели
Кеннет Дж. Эрроу	Стэнфордский университет
Энтони Б. Аткинсон	Директор колледжа Наффилд
Франсуа Бургиньон	Школа экономики
Жан-Филип Коти	Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE, Франция)
Ангус С. Дитон	Принстонский университет
Кемаль Дервиш	Отдел ООН по населению (UNPD)
Марк Флербей	Университет Париж-5
Нэнси Фолер	Массачусетский университет
Жан Гадрей	Университет Лилля
Энрико Джованнини	ОЭСР
Роже Гезнери	Коллеж де Франс
Джеймс Д. Хеман	Чикагский университет
Джефри Хил	Колумбийский университет
Клод Анри	Институт политический исследований (Sciences-Po), Колумбийский университет
Дэниэль Канеман	Принстонский университет
Алэн Б. Крюгер	Принстонский университет
Эндрью Дж. Освальд	Уорикский университет
Роберт Д. Патнэм	Гарвардский университет
Ник Штерн	Лондонская школа экономики
Кэсс Санштеней	Чикагский университет
Филипп Вейль	Институт политический исследований (Sciences-Po)

В подготовке доклада участвовали:

Жан-Этьен Шапрон руководитель, Национальный инсти-
тут статистики и экономических
исследований (INSEE, Франция)

ДИДЬЕ БЛАНШЕ	INSEE
ЖАК ЛЕ КАШЕ	Центр по исследованиям экономической конъюнктуры (OFCE)
МАРКО МИРА Д'ЭРКОЛЬ	ОЭСР
ПЬЕР-АЛЕН ПИОНЬЕ	INSEE
ЛОРАНС РИУ	INSEE
ПОЛЬ ШРЕЙЕР	ОЭСР
КСАВЬЕ ТИМБО	Центр по исследованиям экономической конъюнктуры (OFCE)
ВЕНСАН МАРКЮ	INSEE

Вступительное слово

Николя Саркози

У МЕНЯ есть твердая уверенность: мы не изменим нашего поведения до тех пор, пока не поменяем то, как мы измеряем наше экономическое развитие.

Если мы не хотим, чтобы наше будущее и будущее наших детей и внуков было полно финансовых, экономических, социальных и экологических бедствий, которые в конечном счете оказываются человеческими бедствиями, мы должны изменить наш образ жизни, потребления и производства. Мы должны изменить критерии, управляющие нашей социальной организацией и публичной политикой.

Нас ждет мощнейшая революция — мы все можем это почувствовать.

Эта революция свершится полностью, если будет революцией в наших умах, в нашем образе мысли, мировоззрении и ценностях.

Такая революция немыслима без того, чтобы бросить вызов тому, как мы представляем себе последствия того, что предпринимаем, результаты наших действий.

Если мы применим критический подход, предлагаемый Комиссией, во главе которой стоял Жозеф Стиглиц, к последним двум-трем десятилетиям, мы должны будем пересмотреть наши суждения о последствиях наших решений; если наши модели в конечном счете окажутся контрмоделями, если

наши показатели в конечном счете окажутся слабыми, тогда потребность в изменениях предстанет перед нами со всей безотлагательной очевидностью.

Но если мы будем по-прежнему убеждены, что за эти годы добились настоящего, устойчивого прогресса, тогда зачем что-то менять?

Наша статистика и отчетность отражают наши устремления, ценность, которую мы придаем вещам. Они неотделимы от нашего взгляда на мир, экономику и общество и от нашей концепции человека и наших взаимосвязей друг с другом. Обращаться со всем этим как с объективными данными, как если бы они были внешними по отношению к нам, не вызывали вопросов или обсуждений, без сомнения, очень спокойно и удобно, но это опасно. Опасно потому, что мы дошли до того, что перестали спрашивать себя о цели того, что мы делаем, что именно мы на самом деле измеряем и какие уроки должны извлекать.

Именно так ум начинает замыкаться на доктринерском подходе, в котором нет места сомнению.

Именно так мы начинаем слепо идти вперед, будучи убеждены, что знаем, куда направляемся.

Именно так мы начинаем создавать пропасть непонимания между экспертом, уверенным в своем знании, и гражданином, чей жизненный опыт полностью расходится с историей, которую рассказывают данные. Эта пропасть опасна потому, что в конце концов граждане начинают думать, что их обманывают. Нет ничего более разрушительного для демократии.

Люди по всему миру полагают, что им лгут, что цифры фальшивые, что ими манипулируют... И у них есть веские основания для того, чтобы так думать.

Многие годы людям, чья жизнь становилась все сложнее, говорили, что их уровень жизни растёт.

Неудивительно, что они почувствовали себя обманутыми. Многие годы людям говорили, что финансы — мощный двигатель роста, и вдруг в один прекрасный день выяснилось, что риск, который они накопили, был так велик, что погрузил мир в хаос. Любому ясно, почему те, кто потерял дом, работу, пенсию, чувствуют себя обманутыми.

Многие годы статистика изображала постоянно крепнущий экономический рост как победу над дефицитом до тех пор, пока не выяснилось, что этот рост поставил под угрозу будущее планеты и разрушал больше, чем создавал. Так ли удивительно, что те, кого мы теперь просим сделать над собой усилие, пойти на жертвы и изменить свой образ жизни, прежде чем будет слишком поздно, чувствуют себя обманутыми?

Дело не в том, что кто-то хотел намеренно обмануть людей, поскольку ни статистики, защищающие адекватность ВВП или индекса цен, ни бухгалтеры, убежденные, что их «разумная цена» — лучшая единица измерения стоимости активов из всех возможных, не являются лжецами.

Проблема связана с тем фактом, что наши мир, общество и экономика изменились, а методы измерения не поспевают за этими измерениями. Проблема связана с тем фактом, что в конечном счете, сами того не понимая, статистику и отчетность заставили сообщать то, чего они не сообщали и не могли сообщить. В конце концов мы стали ошибочно принимать представления о богатстве за само богатство и наши представления о реальности за саму реальность. Но последнее слово всегда остается за реальностью.

Можно долгое время жить, не платя истинную цену за дефицит и риск, при этом будучи убежденными в обратном, но рано или поздно настоящую

цену придется заплатить. И тогда счет может оказаться гораздо больше, поскольку поведение, основанное на ошибочных экономических расчетах, усилило этот дефицит и риск.

Именно в такой ситуации мы сегодня оказались.

Мы сделали из данных культ и оказались его заложниками. Обширные последствия того, что мы сделали, только начинают до нас доходить.

С учетом всего вышесказанного, в феврале 2008 г. я попросил Джозефа Стиглица, Амартию Сена и Жана-Поля Фитусси создать комиссию из ведущих мировых экспертов. Чтобы исправить ситуацию, с которой мы сталкиваемся, мы должны порвать со старым образом мыслей. Необходимо наконец начать обсуждение. Оно должно вестись на высочайшем уровне компетенции. И должно стать глобальным.

Таков был дух, в соответствии с которым отбирались и выполняли свои задачи члены Комиссии. Они вложили в выполнение этой миссии свое время, ум и знания. За восемнадцать месяцев они добились замечательных результатов. Была начата дискуссия на международном уровне. И она будет продолжена.

В особенности я бы хотел отметить вклад Джозефа Стиглица, Амартии Сена и Жана-Поля Фитусси. Без них ничего бы не вышло. Именно благодаря их влиянию, авторитету и энергии стало возможно соединить столь обширные экспертные знания.

Отныне будет «до» этой Комиссии и «после».

«До» и «после» этого доклада.

В результате произошедших событий этот доклад появился в решающий момент. Кризис не только дает нам свободу представить себе другие модели, другое будущее и другой мир — он принуждает нас это сделать.

Было бы невозможно начать эти дебаты в мире, полном уверенности в том, что он движется в правильном направлении. В лучшем случае доклад ограничился бы миром академии. Его бы обсуждали эксперты. Было бы принято решение изменить несколько индексов. Возможно, произошел бы прогресс в нескольких специфических направлениях. Но не произошло бы изменений в том, как происходят измерения и как рассматриваются данные. Мы бы не смогли принудить к обсуждению наших коллективных представлений и целей наших действий.

Это показывает, что в нынешних обстоятельствах этот доклад важен не только с технической точки зрения. Он также имеет политическую важность. Он обращается к вопросам, касающимся не только экономистов, статистиков и бухгалтеров, но и политиков.

Франция будет включать дебаты, посвященные выводам данного доклада, в повестку каждой международной встречи и каждой дискуссии, касающейся создания нового глобального экономического, социального и экологического порядка. Франция постарается заставить все международные организации изменить свои статистические системы в соответствии с рекомендациями Комиссии. Она предложит европейским партнерам стать примером внедрения этих рекомендаций в жизнь. Франция также соответствующим образом модифицирует свою статистическую систему и включит изучение этого доклада в обязательную программу всех учебных заведений страны, занимающихся подготовкой кадров для государственной службы.

Если бы в тот или иной момент своего обучения каждый из тех, кто занимает в мире ответственный пост, изучил бы содержание этого доклада

и установил минимальную критическую дистанцию по отношению к господствующим статистическим и учетным моделям, решения больше не принимались бы так, как они принимаются сегодня, и мир оказался бы радикально измененным.

У нас нет времени ждать, пока медленное изменение мировоззрения и постепенное пробуждение все большего числа лидеров, ученых и экспертов принесет свои плоды.

В феврале 2008 г. я почувствовал настоятельную потребность разобраться с устоявшимися идеями и догмами, в тисках которых находится наше мышление и действие и которые заставляют нас лгать самим себе. Я почувствовал настоятельную потребность перестать отвечать всем тем, кто говорит о своих несчастьях, трудностях, страданиях, сомнениях и тревогах: «Вы неправы: наша статистика показывает обратное». Я чувствую настоятельную потребность прекратить этот диалог глухих, подрывающий демократию.

Среди комментариев к работе Комиссии, которые Джозеф Стиглиц, Амартия Сен и Жан-Поль Фитусси мне послали, я заметил следующую фразу: «Одна из причин того, почему большинство людей ощущают, что стали жить хуже, хотя средний ВВП растет, состоит в том, что *они действительно стали жить хуже*». Тот факт, что об этом столь откровенно высказались некоторые из наших прославленных экономистов, был совершенно необходим для того, чтобы ситуация у нас в голове прояснилась, чтобы в основе наших дебатов снова лежала истина и чтобы изменить наши отношения с нею. То, что мы подсчитываем, и то, как используем наши результаты, действительно давняя проблема. Эксперты уже давно это сознавали и обсуждали. Но эти обсуждения ничего не меняли. Не имели никакого

значения. Мы знали, что наши индикаторы имеют некоторые ограничения, но продолжали ими пользоваться так, как будто этих ограничений не было. Они упрощали коммуникацию. Прежде всего эти индикаторы были ключевым компонентом нашего видения экономики и общества и той идеологии, которая получила распространение по всему миру; казалось, усомниться в них столь возмутительно, что никто и не помышлял об этом. Мы предпочитали ждать, чтобы противоречия и тупики сами проявились на нашем пути. Этот день настал. Но, как все мы знаем, победа отнюдь не предрешена.

Началась интеллектуальная, моральная и политическая битва между теми, кто хочет, чтобы все было как раньше, потому что не способны изменить свой образ мыслей, или из-за эгоистического интереса, и теми, кто убежден, что ничто не может быть как раньше и что необходимо как можно быстрее меняться.

Франция выбрала свой лагерь. Она станет силой предложений и изменений. Все те, кто играют роль в ведении мировых дел, несут историческую ответственность.

Завтра мир не будет прежним, таким, как до кризиса, потому что была пробита брешь в умах и ее нельзя заделать.

Мир завтра не будет прежним, потому что повсюду меняется и будет продолжать меняться менталитет.

Есть несправедливости, нечестность, проявления безумия, с которыми в будущем больше не будут мириться.

Пока неясно, сможем ли мы произвести эти изменения в относительно быстрый срок и путем сотрудничества, руководствуясь здравым смыслом, или же мы будем ждать новых катастроф, чтобы

навязать себе изменения, в отношении которых не могли принять самостоятельного решения.

Мы переживаем такой исторический период, когда политики не могут довольствоваться положением менеджеров, которые просто разбираются в текущей экономической ситуации и способствуют переменам.

Они должны подстегивать перемены, ускорять их и определять их цели. Политика — это коллективный проект, который человек противопоставляет детерминизму и фатализму всех видов. Это наша общая свобода выбирать свою судьбу.

Ситуация не терпит отлагательств.

Мы живем в одну из таких эпох, когда наша уверенность оказывается поколеблена и наши традиционные способы мышления демонстрируют свою немощь, все приходится выстраивать и придумывать заново. Мы живем в эпоху, в которой центральный вопрос политики — с какой моделью развития, с какой моделью общества и цивилизации мы хотим жить и какую модель хотим завещать нашим детям?

После стольких эксцессов и ошибок и оказавшись лицом к лицу с сегодняшним серьезным кризисом, когда мир так близко подошел к грани пропасти, вопрос об определении «политики цивилизации» перестает быть вопросом, оторванным от реальности, рассмотрение которого можно отложить до какого-то далекого будущего и который не имеет отношения к трудностям настоящего. Это сегодняшний вопрос, который требует немедленного ответа, потому что пришло время изменить траекторию нашего развития. Среди всех этих трудностей мы не можем как ни в чем не бывало реагировать только на повседневные проблемы, не задумываясь о перспективе; мы не выйдем из кризиса при помощи сиюминутных решений.

Мы должны знать, в каком направлении хотим идти и какие цели ставим перед собой.

Когда Комиссия рассматривает отношения между количеством и качеством, между объективным и субъективным и между рыночным и нерыночным секторами, очевидно, что она размышляет о нашей концепции того, что мы называем цивилизацией, об основе для наших будущих суждений о наших достижениях.

Если мы обращаемся к образу мира, где услуги, которые люди оказывают внутри семьи, не имеют ценности по сравнению с тем, что мы можем получить на рынке, мы представляем идею цивилизации, в которой семья больше не имеет значения. Разве это не влечет за собой никаких последствий?

Если досуг не имеет учетной стоимости, потому что наполнен в основном нерыночной деятельностью, такой как спорт и культура, это означает, что мы ставим критерий высокой производительности выше критерия осуществления человеческого потенциала вопреки гуманистическим ценностям, которые провозглашаем. Разве это не влечет за собой никаких последствий?

Если плохое состояние транспортной инфраструктуры вызывает больше аварий и увеличивает расходы на ремонт и даже медицинские расходы, что ведет к росту производства; если мы считаем деятельность, которая удлиняет расстояние между домом и работой и увеличивает риски и исключение, позитивным вкладом в прогресс; если постоянно растущее нервное напряжение, стресс и тревога подрывают общество, а еще большие ресурсы, направленные на борьбу с их последствиями, включаются в экономический рост — если мы делаем все это, то что осталось от нашего понятия о прогрессе?

Если мы в наших счетах не приписываем никакой ценности общественным услугам; если мы остаемся запертыми внутри индекса экономического прогресса, который включает в себя только то, что создается, а не то, что разрушается; если мы смотрим только на валовое внутренне производство, которое растет в случае землетрясения, пожара или экологической катастрофы; если мы не вычитаем из того, что производим, того, что потребляем в ходе производства; если мы не включаем те кредиты, которые берем за счет будущего; если не принимаем во внимание то, как инновации ускоряют амортизацию основных фондов — как мы можем ожидать осознания того, что мы на самом деле делаем, и принятия на себя ответственности?

Тот вид цивилизации, который мы строим, зависит от того, как мы ведем учет, просто потому, что это меняет ценность, которую мы приписываем вещам. И я говорю не только о рыночной ценности.

Наша система измерений рассматривает финансовый трейдинг как деятельность с высокой добавленной стоимостью. Но она устроена так, чтобы справляться с риском, который был создан намеренно, и способствует его увеличению. Если финансовый трейдинг создает волатильность, от которой он якобы защищает, где ценность оказанных услуг для общества?

Если наша система измерений переоценивает полезность для общества спекуляции в сравнении с трудом, предпринимательством и творческим умом, то это опасным образом переворачивает систему ценностей, лежащую в основе нашего видения прогресса и вводит в самый центр капитализма противоречие, которое может в конце концов его только разрушить.

Наши системы измерений заставляют нас оперировать средними величинами. Но если мы будем продолжать это делать, мы будем основывать свои убеждения и строить решения на данных, которые все сильнее расходятся с реальной жизнью. Средний индивид не существует, и усиливающееся неравенство еще больше отрывает это среднее от реального опыта жизни, потому что разговор о средних величинах — это попытка избежать разговора о неравенстве.

За культом данных, за всеми нашими статистическими и бухгалтерскими презентациями лежит культ рынка, который всегда прав. Есть эта идея, что рынок может разрешить все проблемы и дать всему его настоящую цену.

Если бы рынок имел ответ на все вопросы, мы бы об этом знали, и если бы он никогда не ошибался, это было бы очевидно.

Есть неполные рынки, и есть несовершенные рынки.

Рынок не дает нам ощущения смысла, или ответственности, или проектов, или видения — тем более рынок финансовый.

Мы не знаем ценности актива, потому что рынок оценивает его каждую секунду. Истина — это полная противоположность.

Закон спроса и предложения должен находить выражение.

Рынок дает нам ценную информацию. Но проект общества или цивилизации не может строиться с опорой только на рынок. Проект цивилизации рождается из коллективной воли, коллективного усилия в течение длительного времени. Это не плод мимолетного столкновения спроса и предложения.

Мы не решим проблемы глобального потепления, просто позволив установиться равновесию ме-

жду спросом и предложением на углеводородном рынке, не более чем могли бы контролировать экономические и финансовые рынки, позволив установиться равновесию на венчурных рынках.

Мы не можем сосредотачиваться только на тех данных, которые нам предоставляет рынок. Действуя так, как будто рынок — источник всех истин, сам себя заставляешь в это верить. Но если бы эта вера отражала истину, мы бы не оказались там, где сейчас находимся. Рынки и статистику заставляли говорить такие вещи, которые они не способны были сказать.

Я твердо верю, что с этого момента это стало невозможным.

Данный доклад не говорит нам о том, где находится истина, но он говорит, как именно ее искать. Он заставляет каждого принять на себя ответственность, рассуждать по-иному и принимать решения по-иному. Этот доклад не подменяет один статистический подход другим — и именно это делает его столь богатым и полным смысла. Он расшатывает саму идею доктринерского подхода. Он освобождает нас от этой трагической веры, в которую мы были пойманы как в ловушку, из-за чего казалось, что больше нечего решать, потому что есть лишь один взгляд на вещи.

Этот доклад освобождает наш ум.

Сейчас или никогда.

Единственное, что нас спасет, — это раскрепощение нашего ума, чтобы набраться сил для осуществления необходимых перемен.

Единственное, что нас спасет, — это раскрепощение нашего ума, чтобы мы могли освободиться от конформизма, консерватизма и близоруких интересов.

Пусть не будет сомнений в том, что этот доклад работает именно ради этой цели.

Предисловие

В ОБЩЕСТВЕ, которое все больше ориентируется на показатели, система измерения имеет значение. То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неправильная система показателей, мы стремимся не к тем вещам. Стараясь увеличить ВВП, мы рискуем в итоге получить общество, в котором граждане живут хуже.

Слишком часто мы путаем цели со средствами. Одно из критических замечаний в адрес нашей экономики за год до кризиса состояло в том, что именно этим она и занималась: финансовый сектор — это средство для повышения эффективности экономики, не цель сама по себе. Еще хуже путать улучшение в измерении благосостояния с улучшением самого благосостояния. Предполагается, что наша экономика должна улучшать наше благосостояние. Она тоже не является целью сама по себе.

Задачей этой международной Комиссии было привести измерения благосостояния в более тесное соответствие с тем, что по-настоящему важно для качества жизни, и тем самым помочь всем нам направить усилия на то, что действительно важно.

Комиссия была назначена Николя Саркози, Президентом Французской Республики, в начале 2008 г. в ответ на растущую озабоченность адекватностью текущих оценок экономического развития, в особенности тех из них, которые основаны на расче-

тах ВВП, или на более широкую озабоченность релевантностью этих цифр в качестве метода измерения благосостояния общества, а также в качестве меры экономической, экологической и социальной устойчивости.

Комиссии было поручено рассмотреть целый ряд вопросов, и ей была предоставлена полная независимость в проведении этой работы. Комиссия состояла из международной группы экспертов, отобранных как специалистов в той или иной интересующей ее области. Ее целью было выявление ограничений ВВП как индикатора экономического развития и социального прогресса, рассмотрение дополнительной информации, требуемой для создания более релевантной картины, обсуждение того, как наиболее подходящим образом представить эту информацию и возможность появления альтернативных инструментов измерения. Работа Комиссии не была сосредоточена только на Франции или на развитых странах. Предполагалось, что результаты, достигнутые Комиссией, дадут образец для каждой заинтересованной страны или группы стран и подстегнут работу над этой проблематикой и ее обсуждение по всему миру.

Комиссию возглавлял профессор Джозеф Стиглиц из Колумбийского университета. Профессор Амартия Сен из Гарвардского университета выступал главным советником. Профессор Жан-Поль Фитусси из Института политических исследований в Париже, президент Французского Института экономических исследований (OFCE) был координатором Комиссии. В Комиссию входили признанные эксперты из университетов, правительственных и межправительственных организаций из нескольких стран (Соединенные Штаты Америки, Франция, Великобритания, Индия). Вспомогательный

персонал предоставил Французский национальный институт статистики (Insee), Французский институт экономических исследований и ОЭСР. Полный список тех, кто работал в Комиссии, приводится в начале книги.

Итоговый доклад Комиссии был обнародован 14 сентября 2009 г. на заседании под председательством президента Саркози вместе с выступлениями совета экспертов и комментариями от глав международных организаций и французских министров: Хосе Анхеля Гурриа, генерального секретаря ОЭСР; Хуана Сомавии, генерального директора Международного агентства по труду; Жака Барро, вице-президента Европейской комиссии; Кристины Лагард, министра по делам экономики, промышленности и занятости; Шанталь Жуанно, государственного секретаря, министра по экологии, энергетике, устойчивому развитию и морским ресурсам, отвечающего за переговоры по экологически чистым технологиям и изменениям климата. МВФ и Всемирный банк также были представлены на высшем уровне.

Расчеты национального дохода, находившиеся в ведении специалистов, становятся предметом публичного обсуждения

Легко понять, почему внезапно набор вопросов, которые когда-то находились исключительно в ведении специалистов, стал источником публичных политических дебатов. Попытка понять, что способствует хорошему состоянию общества, занимает центральное место в социальных науках. Мы видим

мир через призму идеологии и идей, но также и через призму статистики, которой мы пользуемся для оценки происходящего, при этом последняя часто увязывается с первыми. ВВП на душу населения — это повсеместно используемый метод измерения: правительства довольны, если могут отрапортовать, что среднедушевой ВВП вырос, скажем, на 5%. Но другие цифры могут нарисовать совершенно иную картину. В России сокращение ожидаемой продолжительности жизни показывает, что есть подспудные проблемы, даже если ВВП на душу населения растет. Точно так же и в США большинство людей наблюдали снижение дохода с учетом инфляции с 1999 по 2008 г., хотя среднедушевой ВВП рос, что дает совершенно иное представление о развитии. Такого рода несоответствие возникает, когда неравенство в распределении доходов растет одновременно с ростом доходов.

Системы измерения формируют наши убеждения и выводы

Теории, которые мы создаем, гипотезы, которые проверяем, и убеждения, которые имеем, — все формируется нашими системами измерения. Ученые, занимающиеся социальными науками, часто слишком легкомысленно пользовались легко доступными цифрами, такими как ВВП, как основой для своих эмпирических моделей, не задавая себе лишних вопросов об ограничениях и предвзятости таких систем. Неправильная или предвзятая статистика может привести нас к неверным выводам. В годы, предшествовавшие кризису, многие в Европе, сосредоточив свое внимание на темпах роста ВВП, рекомендовали следовать американской модели.

Если бы они обратили внимание на другие показатели (например медианного дохода) или внесли бы необходимые поправки с учетом растущей задолженности американских домохозяйств и страны в целом — с последующим риском нарушения устойчивости, — их энтузиазм несколько поутих бы.

Экономисты неизбежно пытаются делать выводы о желательности тех или иных политических мер, проводя сравнение между разными эпохами и странами, и если используемая система измерения несовершенна, есть риск предвзятых, искаженных или ошибочных заключений. Нас беспокоит то, что если есть систематические ошибки в измерениях, скажем, выпуска продукции в государственном секторе, выводы о роли крупного государственного сектора в экономическом развитии могут быть попросту неверными просто потому, что чем больше этот сектор, тем больше искажение. Большая часть из обширного количества эмпирических трудов, в которых делаются такие «перекрестные» сравнения по странам, недостаточно учитывает подобные ограничения.

Система показателей и политика

Для политического лидера эти вопросы носят не просто академический характер. Ошибочные заключения влияют на экономическую политику. Системы показателей, которые уделяют недостаточно внимания окружающей среде (загрязнению воздуха, воды или шумовому загрязнению), придают недостаточное значение чему-то, что имеет жизненную и постоянно растущую важность для многих граждан. Для политического лидера губительно игнорировать эту озабоченность.

Политического лидера, пытающегося выполнить пожелания своих граждан и способствовать улучшению их благосостояния, тянут в разные стороны: о нем будут судить по экономическим показателям, хотя над большинством из них он не властен. Но граждан также волнуют многие аспекты качества жизни, включая качество окружающей среды. Нынешние системы показателей предполагают, что возможны компромиссы — можно улучшить условия окружающей среды, пожертвовав индикатором роста. Но если бы мы располагали комплексным показателем благосостояния, возможно, этот выбор показался бы нам ложным: можно было бы отследить рост благосостояния, если мы улучшим окружающую среду, даже если традиционным образом измеряемый выпуск продукции падает. И именно по этой причине работа Комиссии вызвала такой интерес у гражданского общества.

Статистика и теория информации

Едва ли есть какое-то решение в современной жизни, которое не было бы представлено в категориях статистики и бухгалтерского учета. В центре внимания исследований Стиглица в течение многих лет было влияние, которое информация оказывает на экономические и политические решения. Наши статистические системы и системы бухгалтерского учета составляют, как мы отмечали, важную часть аппарата, при помощи которого мы видим и анализируем мир. Они являются критическими частями нашей «информационной» системы.

Показатели, которые кажутся расходящимися с ощущениями индивидов, особенно проблематичны. Если ВВП растет, но большинство людей чув-

ствуют, что живут хуже, они могут решить, что государство манипулирует статистикой в надежде на то, что если оно им скажет, что они живут лучше, им действительно станет казаться, что они живут лучше. В этих случаях подрывается вера в государство, а с подрывом этой веры — и способность государства заниматься решением жизненно важных для общества проблем.

Хотя эта озабоченность была частью импульса, побудившего Комиссию начать работу, ее члены с самого начала решили ограничиться в своей работе самой статистической системой и не заниматься политическими последствиями, которые могут вытекать из наличия усовершенствованной статистической системы. В некоторых случаях эти политические последствия очевидны, и членам комиссии было бы легко прийти к консенсусу. В других случаях разумные люди могут прийти к разным политическим позициям.

Что касается вопросов реформирования нашей статистической системы, следует отметить степень единодушия, царившего среди членов Комиссии.

Зачем пересматривать систему показателей именно сейчас?

Многие из проблем со статистикой ВВП хорошо известны. Но некоторые факторы придают усилиям нашей Комиссии особое значение. В нашем обществе и в структуре нашей экономики произошли изменения, которые заставляют более серьезно задуматься об ограничениях, связанных с методами расчета ВВП. Одно из них мы уже упоминали: если неравенство растет, как это происходит в большинстве, если не во всех, странах мира, будет возникать

все большее расхождение между средним доходом и медианным доходом (доходом репрезентативного индивида); один может расти, тогда как другой будет падать.

Проблемы измерения государственных услуг, которые не торгуются на рынке, хорошо известны, но эти проблемы приобретают все большую важность по мере того, как доля государственных затрат в странах ОЭСР (в среднем) растет, она выросла с 25% до более чем 45% за последние 50 лет.

Очевидно, что гораздо труднее дать количественную оценку качественных улучшений, чем подсчитать количественный рост, например, числа автомобилей, но такие качественные улучшения приобретают все большую важность. Если каждая семья имеет машину, возросшее потребление «автомобильных услуг» примет форму совершенствования автомобилей, а не увеличения их количества. Но тогда нам нужны способы измерения этих различий в качестве. Это особенно трудно, когда нам приходится измерять рост услуг.

Глобализация сама по себе означала, что благосостояние граждан внутри страны может резко отличаться от объема производства в этой стране. По иронии судьбы, показатель, сфокусированный на первом, ВВП, вышел из моды, уступив дорогу ВВП, который сосредоточен на производстве, в то время как глобализация делает это различие все более важным. У этого различия есть очевидные политические последствия.

Когда проблемы глобализации и устойчивости окружающей среды и ресурсов сочетаются, показатель ВВП может оказаться особенно обманчивым. Развивающаяся страна с неадекватным экологическим регулированием, продающая загрязняющую концессию на добычу с низким лицензионным воз-

награждением, может наблюдать рост ВВП, но ее благосостояние снизится.

Есть также озабоченность тем, что чрезмерное внимание к материальным аспектам ВВП может оказаться особенно неподходящим, когда мир столкнулся с кризисом, вызванным глобальным потеплением. Должны ли мы «наказывать» страну — с точки зрения наших оценок результатов, — если она решит воспользоваться некоторыми из плодов увеличения производительности, вызванного новыми знаниями, в форме досуга, вместо того чтобы потреблять все больше товаров?

Кризис как удачный момент

Есть несколько причин того, почему время, в которое президент Саркози выступил со своей инициативой, оказалось особенно удачным. Одна из них — кризис, охвативший мир, когда мы начали нашу работу.

Комиссия была создана до того, как случилась рецессия; и ее научная работа, отражающая продолжающиеся исследования проблем измерения экономического развития и социального прогресса, не испытала на себе влияния кризиса. Но, в особенности для некоторых членов Комиссии, кризис подчеркнул важность и значение работы Комиссии и выделил некоторые проблемы, которыми она занималась. Еще до кризиса члены Комиссии выражали веру в то, что хороший набор методов измерения отразит понятие экономической и экологической устойчивости. Было ясно, что ВВП сам по себе этого не сделает. Точно так же до кризиса члены Комиссии выражали озабоченность адекватностью использования рыночных цен, в особенности для оценки долгосрочной устойчивости.

Кризис подтвердил обоснованность обоих опасений. Внешне сильные показатели некоторых стран до кризиса (судя по ВВП) не были устойчивыми и основывались на ценах «пузыря», преувеличивавших прибыль и объем производства.

Успех в исследованиях

В то время как изменения в экономике и обществе, включая те, о которых мы говорили выше, в результате создали впечатление, что старые показатели оказываются все более недостаточными, в особенности для оценки уровня благосостояния, успехи в научных исследованиях в целом ряде дисциплин дали нам возможность разработать более полные по охвату методы измерения благосостояния. Некоторые из этих аспектов отражены в традиционной статистике, но на них делается больший акцент: безработица оказывает на благосостояние воздействие, далеко выходящее за рамки потери дохода, которую она за собой влечет.

Момент создания Комиссии был удачным и еще по одной причине. Критика традиционных показателей звучала во многих местах, в том числе в гражданском обществе. Изменения в структуре нашей экономики ставили вопросы о том, по-прежнему ли уместны некоторые из допущений, принятых в прошлом. Глобальное потепление вывело вопросы устойчивости развития на первый план и в центр.

Для чего-то могут существовать объективные измерения, в других случаях повторимые субъективные оценки могут дать наилучший подход к измерению. На индивидов, например, может влиять ощущение безопасности и связей с другими людьми. Но даже внешне неэкономические факторы ис-

пытывают на себе влияние экономических структур. Реформы на рабочем месте могут привести к росту рыночной эффективности, но к меньшей удовлетворенности работника своей работой и поэтому к ощущению того, что его благосостояние уменьшилось. Некоторые экономические реформы последних лет могли увеличить ВВП, но могли также возыметь обратное действие на важные аспекты качества жизни.

Например, глобализацию (в том виде, в котором она происходила), в частности, критикуют за то, что она способствовала ослаблению чувства сообщества, тем самым создав ощущение, что благосостояние уменьшилось. Важно иметь показатели, которые позволили бы нам оценивать такого рода претензии.

Эта работа находится всего лишь на начальной стадии, и тем не менее на данный момент получены весьма многообещающие результаты. Было четко установлено, что воспроизводимое измерение многих факторов, влияющих на благополучие и качество жизни, возможно.

Одна единица измерения или панель индикаторов?

У нашей статистической системы много целей, и показатель, разработанный для одной цели, может плохо подходить для другой.

Изменяющиеся задачи

Статистика национального дохода, такая как ВВП или ВНП, первоначально внедрялась для того, чтобы измерять уровень рыночной экономической дея-

тельности (включая государственный сектор, но исключая домашнее производство). В особенности после развития кейнсианской экономики и после Великой депрессии, когда государство взяло на себя обязанность управления экономикой, ему было важно иметь статистику, описывающую состояние экономики. Управление экономикой при отсутствии индикаторов того, насколько хорошо в ней идут дела, описывалось как попытка управления самолетом без приборов. Двое первопроходцев этого направления, Саймон Кузнец и Ричард Стоун, получили Нобелевскую премию, отчасти, за свой вклад в создание системы расчета национального дохода.

Большая часть работы статистиков по национальному доходу в последующие годы была направлена на корректировку недостатков в измерении рыночной деятельности (например, оценки жилищных услуг или правительственной деятельности). Некоторые из работ были направлены на расширение охвата экономической деятельности, например включение домашнего производства.

Но все чаще эти показатели рассматривались в качестве показателей общественного благосостояния. Конечно, хорошие статистики, занимающиеся национальным доходом, предупреждали о злоупотреблении этими данными, хотя и много работали над тем, чтобы наши оценки лучше отражали реальный уровень экономической активности и уделяли больше внимания измерению, например, реального дохода домохозяйств.

Значительная часть экономической деятельности происходит дома — и это вносит не меньший, а, возможно, и больший вклад в благосостояние, чем рыночное производство. Изменение места производства необязательно может указывать на улучшение благосостояния.

Тем не менее целью данной работы было *адаптировать* рыночные измерения таким образом, чтобы они лучше отражали благосостояние общества. Сегодня растет спрос на более всеобъемлющие оценки социального прогресса и благосостояния общества, которые, включая в себя оценки рыночной деятельности, ими, однако, не ограничиваются. Одно из достижений Комиссии — придать дополнительный импульс этим попыткам.

Потребность в многообразии показателей

Не существует единственного индикатора, который был бы способен описать нечто столь сложное, как наше общество. Попытка зафиксировать то, что происходит используя набор цифр, который слишком мал, может ввести в заблуждение. Нам, возможно, хочется знать, с какой скоростью мы ведем машину (55 миль в час) и сколько еще можем проехать, пока не закончится бензин (250 миль), но единая система измерения, образованная, скажем, путем сложения этих двух цифр (305), ничего бы нам не сказала ни по одному из этих вопросов.

Мы обеспокоены нашими показателями «в совокупности», но нас также беспокоит то, что происходит с распределением дохода. Более того, мы беспокоимся не только о том, насколько хорошо мы живем сегодня, но и о том, насколько хорошо будем жить в будущем. Если мы берем займы у будущего, мы, по крайней мере, хотим знать, что наш текущий уровень благосостояния является неустойчивым. Хотя у устойчивости есть множество аспектов, все большее значение приобретает экологическая устойчивость, в особенности с пониманием того,

что в результате глобального потепления мир в настоящий момент не идет по пути устойчивости.

Цель, таким образом, в том, чтобы сконструировать простой набор показателей, которые передавали бы большую часть того, что занимает центральное место в этой обеспокоенности. Поэтому мы должны ожидать, что пересмотренный ВВП будет продолжать использоваться в качестве показателя рыночной деятельности, но при этом будет дополнен показателями, которые шире отражают то, что происходит с большинством граждан (измерения медианного дохода), с бедными (измерения бедности), с окружающей средой (измерения истощения ресурсов и ухудшения окружающей среды) и того, что происходит с экономической устойчивостью (измерения долга).

Глобальный резонанс и глобальный и национальный диалог

Озабоченность, выраженная президентом Саркози и нашей Комиссией, что неудивительно, вызвала резонанс по всему миру. Она вызвала резонанс на глобальном уровне. Еще до начала работы Комиссии Бутан активно работал, создавая метод измерения валового национального счастья, ВНС, а Таиланд работал над своим собственным индексом.

Поскольку то, что мы выбираем для проведения измерений, и то, как мы конструируем наши показатели, играет такую важную роль в принимаемых решениях, следует вести открытое и публичное обсуждение нашей системы показателей.

Будем надеяться, что этот доклад сыграет свою роль в этом публичном диалоге. Мы действительно полагаем, что наш доклад может стимулировать

вать подобный диалог, так что страны начнут анализировать то, что для них важно, и задумаются о том, адекватно ли их системы показателей передают эти ценности. Примером оживленной дискуссии, уже идущей в настоящее время, может послужить III Всемирный форум ОЭСР по статистике, знанию и политике, проходивший в Пусане, Южная Корея, 27–30 октября 2009 г. На нем участники рассматривали, как лучшие способы измерения прогресса общества могут сыграть важную роль не только в мониторинге прогресса, но и в «построении образа» и «улучшении жизни».

Незаконченное дело

Мы рассматриваем наше исследование как начало, а не конец пути. Комиссии повезло, что она могла опереться на большой корпус работ по вопросам, которыми мы занимались. Первые разработчики ВВП явно осознавали те допущения, которые были заложены при создании этого индекса, лучше, чем многие из тех, кто впоследствии пользовался этим показателем. Но напомнив современным исследователям об ограничениях и предвзятости существующих показателей, мы надеемся, что некоторые направления нашего анализа приведут не только к улучшению системы измерений, но и вызовут целую волну исследований, которые помогли бы нам понять уязвимость, например, тех выводов, которые дает используемая система показателей.

Мы посвятили значительные усилия осмыслению того, какого рода реформы наших систем измерений могут привести к созданию более точных индикаторов. Но часто требуемые данные отсутствуют. Таким образом, большая часть нашего доклада

посвящена рекомендациям для будущей работы, включая рекомендации статистическим агентствам по сбору данных.

Это только первый шаг в том, что должно стать постоянной работой. Даже если бы мы успели создать идеальный показатель для сегодняшнего дня, изменения в нашей экономике и обществе потребовали бы постоянного возвращения к этим вопросам. Но мы слишком далеки от этой цели.

Кроме того, усилие по усовершенствованию нашей статистики должно стать глобальным, таким, для которого необходимо политическое лидерство, если мы хотим набрать определенную скорость. Это было одной из причин, почему столь многие из членов Комиссии, посвятивших большую часть своей профессиональной жизни этим вопросам, с таким энтузиазмом отнеслись к этой инициативе: президент Саркози дал политический импульс.

Наш доклад в сентябре 2009 г. получил теплый прием и укрепил нашу уверенность в важности вопросов, поднятых Комиссией. Мы надеялись на то, что ее работа приведет к более широкому диалогу о целях общества, о том, насколько общепринятые показатели соответствуют этим целям, и о том, есть ли альтернативы, которые лучше соответствуют повсеместно разделяемым ценностям.

Таким образом, наш доклад оказался своевременным. Он совпал с широким проявлением гражданами скептицизма в отношении того, куда движется общество. Глобальное потепление стало громадной проблемой во многих частях мира, но при этом по-прежнему никто не принимал в расчет вредоносные последствия увеличения материального потребления — похоже, похвального с точки зрения показателей ВВП — и то, сможет ли планета пережить это увеличение.

При начале доклада в Париже 14 сентября 2009 г. президент Саркози и Анхель Гурриа, генеральный секретарь ОЭСР, пообещали продолжить работу Комиссии. На III Международном форуме знаний работа Комиссии позволила организовать обсуждение новых подходов к оценке благосостояния. Ряд стран начал работу по внедрению идей Комиссии. А президент Саркози скорее после этого вынес обсуждение этих вопросов на встречу «двадцатки» в Питсбурге.

Замечания по персоналиям

Как мы отмечали, многие члены Комиссии были заняты этими и другими похожими вопросами большую часть своей профессиональной жизни. Они выступали за реформы нашей статистической системы и проведение исследований, на основе которых их можно было бы осуществить.

Амартия Сен работал вместе с Махбубом уль Хаком над созданием «Подхода ООН к развитию человека», систематически представляя информацию о благосостоянии и свободе людей, самой простым выражением которой стал Индекс развития человеческого потенциала (хорошо известный HDI). Индекс развития человеческого потенциала показал, что ранжирование стран с использованием более широкой методики измерения, которая включала бы в себя здоровье и образование, может значительно отличаться от ранжирования исключительно по доходу. Подход с точки зрения возможностей, который Сен разрабатывал ранее, оказал большое влияние на мировоззрение членов Комиссии.

Мы отмечали ранее, что аппарат отчетности, как на корпоративном, так и на национальном уровне, является важной частью нашей информацион-

ной системы. Стиглиц давно занимался (и в своих теоретических работах, и в должности главы экономических советников при президенте Клинтоне, и ведущего экономиста Всемирного банка) тем, как мы можем усовершенствовать аппарат отчетности и улучшить качество информации, которая создает основу для принятия решений в нашей экономической и политической системе. Некоторые из предложенных нами реформ были гораздо менее амбициозными, чем то, что предлагается здесь — просто улучшение учета истощения ресурсов и ухудшения условий окружающей среды. И все-таки политическое сопротивление было так велико, что эти инициативы столкнулись с препятствиями. Это показывает силу информации. Были те, кто боялся света, который может пролить улучшенная информационная система. То, что ключевые заинтересованные группы не хотели, чтобы такого рода информация распространялась публично, показывает, что эти реформы нашей статистической системы могли вызвать реальное действие.

Как ведущий экономист Всемирного банка, Стиглиц был особенно обеспокоен тем, как суждения о влиянии того или иного фактора на ВВП могли привести к принятию неверных решений о разработке ресурсов. Многие развивающиеся страны заставляли проводить приватизацию добычи природных ресурсов, даже если это означало, что большая часть прибылей будет уходить за границу. ВВП увеличился бы за счет деятельности по добыче. Но если учитывать тот факт, что прибыли уходят за границу, ВВП может и не вырасти. А если принять во внимание еще и истощение ресурсов и негативное воздействие на здоровье и окружающую среду, становится еще яснее, что жизнь граждан страны может ухудшиться.

Главной задачей исследований Фитусси на протяжении многих лет было показать, как изменения в распределении микроэкономических переменных влияют на восприятие не только макроэкономических переменных, но и на выводы макроэкономических моделей. Неравенство играет важнейшую роль, и если не принимать его должным образом во внимание, это может привести к ошибочным выводам о макроэкономической политике.

Многим членам Комиссии возможность работать в ней дала шанс выдвинуть повестку, с которой они уже давно ассоциируются, — дать ей импульс в международном масштабе.

Эта книга

Хотя заключение Комиссии было в основном написано представителями социальных наук (главным образом экономистами, но Комиссия включала также выдающегося политолога и выдающегося специалиста по психологии экономики), мы хотели как можно больше ее расширить. Как мы отмечали, нас интересовала не только лучшая система показателей, но и использование показателей для начала более широкого диалога о ценностях и задачах общества. Главы, содержащиеся в этой книге, представляют собой нетехнический доклад Комиссии (технические главы доступны на сайте Комиссии: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr). Но для того чтобы установить контекст для обсуждаемых вопросов, мы начинаем эту книгу с широкого обзора, написанного Фитусси, Сенем и Стиглицем.

Предмет наших исследований был столь широким и сложным, что на первых заседаниях Комиссии было решено разделить работу между тремя

рабочими группами. Одна сосредоточится на стандартных, но сложных вопросах учета национального дохода: измерении продукции правительства, корректировках с учетом открытой экономики, подходе к домашнему производству и досугу и «защитных» расходах, т. е. расходах, необходимых для поддержания статуса-кво, например поддержания безопасности. Вторая группа сосредоточила свои усилия на измерении «качества жизни», чувства благосостояния. А третья — на устойчивости. Перекрестный фокус, оказывавший влияние на работу всех групп, касался вопросов распределения — как правильно отобразить различные ситуации, с которыми сталкиваются разные индивиды. Большинство статистических индикаторов касается средних величин, но когда неравенство меняется, то, что происходит внизу или даже в середине, может существенно отличаться от того, что происходит, скажем, с ВВП на душу населения.

Первое заседание Комиссии прошло в Париже в апреле 2009 г. Последующие пленарные заседания Комиссии и рабочих групп проходили в Нью-Йорке и Париже. Предварительная версия доклада Комиссии была размещена на интернет-сайте. Многие из предложений комментаторов нашли отражение в окончательном варианте доклада.

Благодарности

Мы не смогли бы завершить доклад, если бы не та огромная работа по теме, проделанная на протяжении значительного периода времени учеными и статистиками, занимавшимися расчетом национального дохода, лишь некоторые из которых упомянуты в главах книги.

За те годы, которые прошли с момента новаторских исследований Кузнеця и Стоуна, была проделана огромная работа во множестве обсуждаемых здесь областей: измерение выпуска продукции в государственном секторе или внутри домохозяйства; измерение истощения ресурсов и ухудшения окружающей среды; измерение отдельных проблем, которые возникают в «открытых экономиках», имеющих дело с последствиями неравенства или обеспечивающих устойчивость и увеличивающих «счастье».

Мы должны признать важный вклад ОЭСР, которая не только помогала выдвинуть на первый план обсуждаемые вопросы и предоставляла техническую помощь, но также поддерживала работу Комиссии, в том числе благодаря Энрико Джованни, бывшему главному статистiku ОЭСР, который возглавлял ее работу в этой области и был руководителем одной из трех рабочих групп Комиссии.

Мы закончим словами благодарности всем тем, чей вклад сыграл такую важную роль в работе Комиссии. Прежде всего мы хотели бы поблагодарить Президента Французской Республики Николя Саркози за то, что он собрал эту Комиссию, за ту поддержку, которую он нам оказывал, и за полную свободу в проведении работы, которую он нам предоставил. Мы также хотим поблагодарить других сотрудников Комиссии за огромные усилия, которые они вложили в ее работу, и за их чувство преданности и целеустремленность, позволявшие примирять даже очень разные позиции. Учитывая их самоотверженный труд, нам не хотелось бы выделять кого-то по отдельности, но мы чувствуем, что нельзя не упомянуть тех, кто стоял во главе трех рабочих групп — Энрико Джованни, Джеффа Хила и Алэна Крюгера, руководивших соответственно

рабочими группами по проблемам «стандартной» статистики национального дохода, по измерению устойчивости и по измерению благосостояния и качества жизни. Мы также должны поблагодарить за работу составителей доклада во главе с Жаном-Этьеном Шапроном, которые принимали близко к сердцу все замечания и предложения членов Комиссии и смогли подготовить окончательный вариант доклада. Наконец, мы хотим поблагодарить министра по делам экономики Франции и Французский национальный институт статистики (INSEE) за материально-техническое обеспечение и интеллектуальную помощь, которую они предоставляли нам в течение восемнадцати месяцев работы Комиссии.

*Джозеф Стиглиц,
Аматия Сен
и Жан-Поль Фитусси
январь 2010 г.*

Краткое содержание доклада

Для чего был написан этот доклад?

В ФЕВРАЛЕ 2008 г. Президент Французской Республики Николя Саркози, испытывая недовольство нынешним состоянием статистической информации об экономике и обществе, попросил Джозефа Стиглица (президент Комиссии), Амартию Сена (советник) и Жана-Поля Фитусси (координатор) создать Комиссию, которая впоследствии будет названа Комиссией по измерению экономического развития и социального прогресса (СМЕРСП). Целью комиссии было выявление ограниченности показателя ВВП в качестве индикатора экономического развития и социального прогресса, включая проблемы его измерения; рассмотрение того, какая дополнительная информация может потребоваться для получения более адекватных индикаторов социального прогресса, оценка пригодности альтернативных инструментов измерения и обсуждение того, как представлять статистическую информацию подходящим образом.

Действительно, статистические индикаторы важны для выработки и оценки политики, направленной на поддержку прогресса в обществе, а также для оценки и воздействия на функционирование экономических рынков. Роль этих индикаторов за последние два десятилетия существенно усилилась. В этом отразилось улучшение уровня образования

населения, рост сложности современных экономик и повсеместное распространение информационной технологии. В «информационном обществе» доступ к данным, включая статистические данные, значительно упростился. Все больше людей обращаются к статистике, чтобы повысить степень своей осведомленности или при принятии решений. В ответ на рост спроса на информацию объемы ее предоставления постоянно растут, охватывая все новые области и явления.

То, как мы осуществляем измерения, влияет на то, что мы делаем, и если есть недостатки в измерениях, наши решения могут оказаться неправильными. Выбор между поддержкой ВВП и защитой окружающей среды может оказаться ложным, как только ухудшение условий окружающей среды будет должным образом включено в наши оценки экономического развития. Аналогично мы часто делаем выводы о том, какая политика является хорошей, с оглядкой на то, благоприятствует ли она экономическому росту или нет; но если есть изъян в нашей системе показателей, с изъяном могут оказаться и выводы, к которым мы приходим.

Однако часто существует четкая дистанция между стандартными показателями важных социально-экономических переменных, таких как экономический рост, инфляция, безработица и т. д., и имеющими широкое хождение представлениями о них. Стандартные измерения могут, например, показывать, что инфляция ниже или рост больше, чем кажется людям, и разрыв может быть настолько велик и универсален, что его нельзя объяснить через денежную иллюзию или человеческую психологию. В некоторых странах этот разрыв подорвал веру в официальную статистику (например, во Франции и в Великобритании только треть гра-

ждан доверяет официальным цифрам, и эти страны — не исключение), что очевидным образом скажется на публичном дискурсе об экономических условиях и необходимых мерах.

Можно найти несколько объяснений разрыва между статистическими измерениями социально-экономических явлений и восприятием этих явлений гражданами:

- статистические *концепции* могут быть правильными, но несовершенным может быть сам процесс измерения;
- во многих случаях идут споры о том, какие концепции являются правильными, и о правильном использовании различных концепций;
- когда происходят значительные изменения в уровне неравенства (говоря шире, в распределении доходов), валовой внутренний продукт (ВВП) или любая другая агрегатная величина, взятая в расчете на душу населения, может не дать точной оценки ситуации, в которой оказалось большинство людей. Если рост неравенства в значительной степени превышает увеличение среднего ВВП на душу населения, положение большинства людей может ухудшиться, хотя средний доход растет;
- повсеместно используемая статистика может не отражать некоторых явлений, воздействие которых на благосостояние граждан все больше усиливается. Например, транспортные пробки могут увеличить ВВП за счет роста использования бензина, но, очевидно, не улучшить качество жизни. Более того, если граждане озабочены качеством воздуха, а уровень его загрязнения растет, в этом случае статистические измерения, игнорирующие загрязнение воздуха, дадут

неточную оценку того, что происходит с благосостоянием граждан. Или же тенденция к изменению постепенных изменений может оказаться неадекватной для того, чтобы заметить риски, связанные с резкими изменениями в окружающей среде, например изменением климата;

- то, в какой форме представляются или используются статистические данные, может создать искаженное представление об экономическом явлении. Например, как правило, большой акцент делается на ВВП, хотя чистый национальный продукт (который учитывает эффект амортизации) или реальный доход домохозяйства (который фокусируется на реальном доходе домохозяйств внутри экономики) могут оказаться более релевантными показателями. Эти цифры могут в значительной степени расходиться. Таким образом, ВВП не является *неверным* сам по себе, но его неверно используют. Требуется прежде всего лучше понимать, как правильно использовать каждый показатель.

Действительно, долгое время существовала озабоченность адекватностью современных способов оценки экономического развития, в частности, тех, что основываются исключительно на ВВП. Кроме того, есть еще более широкая озабоченность релевантностью этих цифр в качестве метода оценки благосостояния общества. В частности, если сосредоточиться только на роли неодушевленных удобств (например, в ВВП и ВВП, стоявших в центре тысяч экономических исследований прогресса), это в конечном счете можно оправдать — в определенной мере — тем, насколько прямо или косвенно эти удобства влияют на жизнь человека. Более того, уже давно выяснилось, что ВВП — неадекват-

ный показатель для того, чтобы судить о благосостоянии во времени, в особенности его экономического, социального и экологического аспектов, некоторые из которых часто называют *устойчивостью* (sustainability).

Почему этот доклад важен?

За то время, которое прошло между началом работы Комиссии над данным докладом и ее завершением, экономический контекст радикально изменился. Сегодня мы переживаем один из худших финансовых, экономических и социальных кризисов в послевоенной истории. Реформа системы показателей, которую рекомендовала Комиссия, была бы крайне желательна, даже если бы у нас не было кризиса. Но некоторые члены Комиссии полагают, что кризис придает этим реформам дополнительную неотложность. Они считают, что одна из причин, почему кризис столь многих застал врасплох, состоит в том, что системы измерения подвели нас и/или участников рынка и что государственные деятели сосредоточили внимание на неверном наборе статистических показателей. По их мнению, ни частные, ни государственные системы отчетности не были в состоянии вовремя подать сигнал и не смогли предупредить нас о том, что *внешне* блестящие показатели роста мировой экономики в период 2004–2007 гг., возможно, были достигнуты за счет будущего роста. Кроме того, ясно, что некоторые показатели развития оказались «миражом», прибылями от цен, взвинченных за счет пузыря. Возможно, излишне надеяться, что, будь у нас более совершенная система измерения, та, что оповещала бы о проблемах заранее, государства смог-

ли бы раньше принять меры, чтобы избежать или, по крайней мере, смягчить нынешнюю катастрофу. Но вероятно, если бы ограниченность стандартных показателей, таких как ВВП, осознавалась лучше, было бы меньше эйфории по поводу показателей экономического развития в годы, предшествовавшие кризису; показатели, которые включали бы в себя оценку устойчивости (например рост задолженности), дали бы более взвешенное представление об экономическом развитии. Но во многих странах отсутствует полный обновленный набор показателей для оценки благосостояния — «балансовый отчет» для экономики, — который давал бы полную картину активов, долгов и обязательств основных участников экономической деятельности.

Кроме того, на нас надвигается экологический кризис, связанный, в частности, с глобальным потеплением. Рыночные цены отражают действительность в искаженном виде, потому что не введено никакой платы за выбросы углекислого газа и стоимость этих выбросов никак не учитывается в стандартной системе национальных счетов. Ясно, что оценка экономического развития, которая отражала бы эти экологические расходы, могла бы выглядеть совершенно иначе, чем стандартные оценки.

Хотя приведенный выше взгляд разделялся не всеми членами Комиссии, в целом мы убеждены в том, что кризис преподал нам очень важный урок: те, кто пытается руководить нашей экономикой и обществом, подобны пилотам, пытающимся проложить курс без надежного компаса. Решения, которые они (и мы как индивидуальные граждане) принимаем, зависят от наших измерений, от того, насколько они хороши и насколько хорошо понимаются. Мы оказываемся почти слепы, когда параметры, на которые полагаются наши дей-

ствия, недостаточно хорошо разработаны или когда они плохо понимаются. Усовершенствованные исходные параметры нужны нам для многих целей. К счастью, исследования последних лет дали возможность их улучшить, и пришло время включить некоторые из этих усовершенствований в наши системы измерения. Кроме того, члены Комиссии пришли к согласию относительно того, что усовершенствованные измерения помогут эффективнее провести экономику через кризис и вывести ее из него. Многие предложения данного доклада помогут в достижении этой цели.

Доклад посвящен, скорее, измерениям, чем политике, поэтому в нем не обсуждается, как лучше всего нашим обществам двигаться вперед, совместными действиями приближая достижение различных целей. Однако поскольку наш метод проведения измерения влияет на наши стремления — а они в свою очередь влияют на метод измерений, — доклад и его реализация могут оказать существенное влияние на то, как наши общества видят себя, и, тем самым, на то, каким образом вырабатывается, осуществляется и оценивается наша политика.

Комиссия отмечает важный прогресс в статистических измерениях, имевший место в последние годы, и настоятельно призывает не прекращать усилий по улучшению нашей базы статистических данных и индикаторов, конструируемых с опорой на эту базу. Доклад указывает на пути приложения больших или иных усилий в различных областях, и мы надеемся, что таким образом мы повлияем на будущую статистическую политику как в развитых, так и в развивающихся странах, а также на работу международных организаций, играющих ключевую роль в развитии статистических стандартов по всему миру.

Кем написан этот доклад?

Этот доклад был написан экономистами и представителями социальных наук. Члены Комиссии представляют широкий спектр специализаций — от национальных счетов до экономики климатических изменений. Члены Комиссии провели исследования социального капитала, счастья, здоровья и психического благополучия. Они придерживаются того убеждения, что важно проложить мосты между разными сообществами, которые в последние годы сильно удалились друг от друга — между теми, кто производит, и теми, кто использует статистическую информацию, к какой бы дисциплине они ни принадлежали. Члены Комиссии считают, что их экспертная оценка дополняет доклады на схожие темы, которые были написаны с иных точек зрения, например, учеными, которые занимаются изменениями климата, или психологами, изучающими психическое здоровье. Хотя ядро этого доклада носит довольно технический характер, краткое изложение технической части было написано с максимальным, насколько это было возможно, использованием нетехнического языка.

Кому адресован этот доклад?

Комиссия надеется, что найдет равнодушных читателей среди четырех различных групп, и доклад написан именно с таким расчетом. Доклад адресован прежде всего политическим лидерам. В наше кризисное время, когда необходимы новые политические нарративы для того, чтобы понять, куда должно двигаться общество, в этом докладе мы высту-

паем за перенос внимания с системы показателей, «ориентированной на производство», на такую систему, в центре которой находилось бы благосостояние нынешнего и будущих поколений, т. е. на более широкое измерение социального прогресса.

Во-вторых, доклад предназначен для тех, кто занимается разработкой политики и желает получить более точное представление о том, какие показатели имеются и как они помогают разрабатывать, осуществлять и оценивать политику, направленную на улучшение благосостояния и укрепление социального прогресса. Доклад напоминает им и о богатстве, и о недостатках существующих данных, а также о том факте, что надежная количественная информация «не растет на деревьях» и что значительные инвестиции требуются для того, чтобы развивать статистику и индикаторы, которые дают разработчикам политики информацию, нужную им для принятия решений.

В-третьих, этот доклад был написан для академического сообщества, статистиков и тех, кто усиленно пользуется статистикой. Им мы хотим напомнить о том, как трудно порой производить надежные данные, а также о многочисленных допущениях, которые лежат за всеми статистическими сериями. Надеемся, что академические ученые будут более осмотрительны в выборе статистики, которой они доверяют. Те же, кто работает в национальных агентствах статистики, надеемся, найдут полезные соображения, касающиеся тех областей, в которых особенно важно дальнейшее развитие.

Наконец, доклад был написан для организаций гражданского общества, которые одновременно и используют, и сами производят статистические данные. В более общем виде он адресован широкой публике, будь она из более богатых или более бед-

ных стран или из более богатых или более бедных слоев внутри одной страны. Мы надеемся, что благодаря лучшему пониманию статистических данных и имеющихся индикаторов (их достоинств и их ограничений) публика сможет лучше оценить проблемы, с которыми сталкивается общество. Мы надеемся, что доклад также будет полезен журналистам и прессе, чья обязанность — давать гражданам возможность разобраться в том, что происходит в обществе, в котором они живут. Информация — это общественное благо; чем лучше мы информированы о том, что происходит в обществе, тем успешнее будет функционировать демократическое общество.

В чем суть рекомендаций?

Доклад различает оценку *текущего благосостояния* и оценку *устойчивости* этого благосостояния, т. е. того, сколько оно может продлиться. Настоящее должно иметь дело одновременно и с экономическими ресурсами, такими как доход, и с неэкономическими аспектами жизни людей (с тем, что они делают и что могут делать, что чувствуют, с природной средой, в которой они живут). Может ли такой уровень благосостояния поддерживаться на протяжении долгого времени, зависит от того, передаются ли запасы капитала, который значим для нашей жизни (природного, физического, человеческого, социального), будущим поколениям.

Чтобы организовать свою работу, Комиссия разделилась на три рабочие группы, занявшиеся соответственно вопросами классического ВВП, качества жизни и устойчивости, и разработала следующие идеи и рекомендации:

*К улучшению измерения экономического развития
в сложной экономике*

Прежде чем выйти за рамки ВВП и обратиться к более сложной задаче измерения благосостояния, стоит задать вопрос о том, нуждаются ли существующие показатели экономического развития в улучшении. Измерение производства — переменной, которая, среди прочего, определяет уровень занятости — имеет первостепенное значение для мониторинга экономической деятельности. Основная идея нашего доклада: пришло время адаптировать нашу систему показателей экономической деятельности таким образом, чтобы она лучше отражала структурные изменения, характеризующие эволюцию современной экономики. Растущая доля услуг и производство все более сложной продукции по сравнению с прошлым затрудняет оценку объемов выпуска продукции и состояния экономики. Сегодня существует множество продуктов со сложными, многообразными и быстро меняющимися качествами. Это очевидно для товаров, таких как автомобили, компьютеры, стиральные машины и тому подобное, но еще больше это касается услуг, таких как медицинские, образовательные, информационные и коммуникационные технологии, научная деятельность и финансовые услуги. В некоторых странах и секторах растущий «выпуск продукции» — скорее, вопрос роста качества производимых и потребляемых товаров, а не их количества. Выражение качественных изменений — это огромная проблема, однако это имеет важнейшее значение для измерения реального дохода и реального потребления, являющихся одними из ключевых факторов материального благосостояния граждан. Недооценка качественных изменений равноценна

переоценке темпов инфляции и тем самым недооценке реального дохода. Обратное верно, когда переоцениваются качественные изменения.

Правительства играют важную роль в сегодняшней экономике. Они предоставляют услуги «коллективного» характера, такие как безопасность, и услуги более «индивидуального» характера, например, медицинские и образовательные. То, как — частным или общественным порядком — предоставляются индивидуальные услуги, существенно варьируется по странам и периодам времени. Помимо того, что предоставление коллективных услуг вносит вклад в уровень жизни граждан, индивидуальные услуги, в особенности образование, медицинские услуги, социальное жилье или общественные спортивные сооружения, почти наверняка позитивно оцениваются гражданами. Эти услуги, как правило, тяготеют к широкому масштабу и значительно увеличились со времен Второй мировой войны, но во многих случаях они по-прежнему плохо измеряются. Традиционно эти измерения основываются на затратах, требуемых для производства этих услуг (например числе врачей), а не на реально произведенных результатах (например числе отдельных медицинских процедур). Поправки на изменение качества сделать еще труднее. Поскольку считается, что выпуск продукции движется в тандеме с затратами на ее производство, изменение производительности при предоставлении этих услуг игнорируется. Отсюда следует, что если в государственном секторе есть позитивное (негативное) изменение производительности, наши оценки занижают или завышают экономический рост и реальный доход. Для удовлетворительного измерения экономического развития и уровня жизни, таким образом, важно заняться измерением госу-

дарственного производства. (В соответствии с нынешней, по всеобщему признанию, несовершенной системой измерения на основе расходов государственное производство составляет во многих странах ОЭСР около 20% ВВП, тогда как совокупные государственные расходы для стран ОЭСР составляют более 40%.)

Хотя и существуют методологические разногласия относительно того, как сделать корректировку с учетом качества или как измерять государственное производство, достигнут широкий консенсус относительно того, что такие корректировки должны быть внесены, и даже в отношении тех принципов, в соответствии с которыми они должны осуществляться. Разногласия возникают при применении этих принципов на практике. Комиссия в данном докладе обратилась одновременно и к принципам, и к трудностям в их применении.

От производства к благосостоянию

Еще одна ключевая мысль, и сквозная тема, этого доклада состоит в том, что настало время *сместить акцент в нашей системе показателей с измерения экономического производства на измерение благосостояния людей*. Измерения благосостояния в свою очередь должны быть встроены в контекст устойчивого развития. Несмотря на недостатки нашего измерения производства, мы знаем о нем гораздо больше, чем о благосостоянии. Сместить акцент не значит полностью отказаться от ВВП и показателей производства. Эти показатели родились из озабоченности рыночным производством и занятостью, они по-прежнему дают ответы на многие важные вопросы, такие как вопрос о мониторинге экономической деятельности. Но акцент на благосостоянии

важен, потому что, по-видимому, образовался разрыв между информацией, содержащейся в агрегатных данных по ВВП, и показателями, имеющими значение для благосостояния обычных людей, и этот разрыв продолжает расти. Это означает, что необходимо заняться разработкой статистической системы, которая дополнила бы измерение рыночной активности измерениями, направленными на благосостояние людей, и измерениями, которые в состоянии передать устойчивость. Такая система непременно должна быть плюралистической, поскольку ни один из аспектов сам по себе не может суммировать нечто столь сложное, как благосостояние членов общества, наша система показателей должна охватывать целый спектр различных видов показателей. Вопрос об агрегировании данных из разных областей (т. е. вопрос о том, как мы складываем, например, показатели здоровья с показателями потребления обычных товаров) хотя и важен, но имеет второстепенное значение по сравнению с созданием широкой статистической системы, которая могла бы описывать максимально большое число релевантных областей. Такая система должна измерять не только *средние* уровни благосостояния в данном сообществе и то, как они со временем меняются, но должна также фиксировать многообразие человеческого опыта и связи, существующие между различными аспектами жизни человека. Благосостояние имеет несколько аспектов, но начать целесообразно с измерения материального благосостояния или уровня жизни.

Рекомендация 1: *При оценке материального благосостояния смотреть на доход и потребление, а не на производство.* ВВП — наиболее широко используемый способ измерения экономической деятель-

ности. Есть международные стандарты для его подсчета, и много сил было потрачено на осмысление его статистической и концептуальной основы. Выше были выделены некоторые важные области, в которых необходимо добиться большего прогресса в расчетах. Как хорошо известно статистикам и экономистам, ВВП в основном измеряет рыночное производство, выраженное в денежных единицах, и полезен в таком виде. Однако очень часто к нему относились так, как будто он является показателем благосостояния. В результате такого смешения можно получить неправильные данные о том, как живут люди, что может привести к принятию неверных политических решений. Уровень материальной жизни теснее связан с показателями чистого национального дохода, реального дохода домохозяйства и потребления: производство может расширяться, тогда как доход — падать, или наоборот, если принять в расчет амортизацию, приток доходов в страну и их отток из нее и различия между ценами выпущенной продукции и ценами на потребительские продукты.

Рекомендация 2: Вынести на первый план точку зрения домохозяйства. Хотя мониторинг развития экономики в целом очень информативен, тренды уровня материальной жизни граждан лучше отслеживать через измерение дохода домохозяйства и потребления. Имеющиеся национальные счета показывают, что в ряде стран ОЭСР реальный доход домохозяйства рос совершенно иначе, чем реальный ВВП на душу населения, и, как правило, более низкими темпами. Взгляд с точки зрения домохозяйства позволяет учесть трансферы между секторами, например, налоги, поступающие государству, социальные выплаты, исходящие от государства,

и выплаты процентов по семейным займам, поступающие финансовым корпорациям. Строго говоря, доход и потребление домохозяйства должны также отражать типовые услуги, предоставляемые государством, такие как субсидирование здравоохранения и образовательных услуг. Кроме того, потребуются серьезная попытка согласовать статистику, чтобы понять, почему некоторые показатели, например доход домохозяйства, могут двигаться иначе в зависимости от статистического источника, на котором они основываются.

Рекомендация 3: *Рассматривать доход и потребление совместно с благосостоянием.* Доход и потребление играют ключевую роль при оценке уровня жизни, но в конечном счете их можно измерять только вместе с благосостоянием. Домохозяйство, тратящее свое богатство на потребительские товары, увеличивает текущее благосостояние, но за счет будущего благосостояния. Последствия такого поведения найдут отражение в балансовом отчете домохозяйства, то же самое относится к другим отраслям и к экономике в целом. Чтобы составить балансовый отчет, мы должны полностью учесть активы и пассивы. Балансовые отчеты для отдельных стран — не новая идея, но пока их слишком мало и их создание необходимо всячески поощрять. Измерение благосостояния занимает центральное место в измерении устойчивости. То, что переносится в будущее, должно быть представлено в форме запаса — физического, природного, человеческого и социального капитала. Правильная оценка этих запасов играет ключевую роль и зачастую оказывается проблематичной. Кроме того, есть потребность и в балансовых отчетах по принципу «стресс-теста» с альтернативными оценками,

когда для активов отсутствуют рыночные цены или когда такие цены образуют пузыри и лопаются. Более непосредственные неденежные индикаторы могут оказаться предпочтительными, когда монетарная оценка слишком ненадежна или же ее трудно вывести.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 4: *Вынести на первый план распределение доходов, потребление и благосостояние.* Средний доход, потребление и благосостояние — это вполне осмысленные статистические показатели, но они не дают полного представления об уровне жизни. Например, рост среднего дохода может неравномерным образом распределяться по группам, в результате чего некоторые домохозяйства начинают жить беднее, чем другие. Таким образом, средние измерения дохода, потребления и благосостояния должны сопровождаться индикаторами, которые отражают их распределение. Медианное потребление (доход, благосостояние) дает более точное измерение того, что происходит с «типичным» человеком или домохозяйством, чем среднее потребление (доход, благосостояние). Но во многих случаях также важно знать, что происходит в нижней части распределения дохода/благосостояния (что передает статистика, касающаяся бедности) или на самом его верху. В идеале такая информация должна предоставляться не изолированно, а в связанном виде, т. е. желательно иметь информацию о том, как обстоят дела в состоятельных домохозяйствах с точки зрения различных аспектов уровня материальной жизни: дохода, потребления и благосостояния. В конце концов домохозяйства с низким доходом и с богатством выше среднего необязательно живут хуже, чем домохозяйства со средним доходом, но без богатства. (Потребность в инфор-

мации о «совместном распределении» различных аспектов благосостояния людей еще будет фигурировать в последующих рекомендациях по измерению качества жизни.)

РЕКОМЕНДАЦИЯ 5: *Расширить измерение дохода за счет изменения нерыночной деятельности.* В функционировании домохозяйств и общества произошли значительные изменения. Например, многие услуги, которые люди в прошлом получали от других членов семьи, теперь покупаются на рынке. Этот переход конвертируется в рост дохода в том виде, в котором он измеряется в национальных счетах, и может создать ложное впечатление изменения уровня жизни. Многие услуги, которые домохозяйства производят для себя, не отображаются в официальных измерениях дохода и производства, и все же они образуют важную часть экономической деятельности. При том, что их исключение из официальных измерений отражает скорее неуверенность в данных, чем концептуальные трудности, поскольку в этой области наблюдался прогресс; но все равно требуется проделать еще много работы по систематизации. Начать следует с информации о том, как люди проводят свое время, с цифр, которые можно сопоставить по странам и годам. Полные и систематические счета деятельности домохозяйства в качестве спутника основного национального счета должны дополнить картину. Производство благ (например, пищи или крыши над головой) домохозяйствами играет важную роль в развивающихся странах. Мониторинг такого домашнего производства благ важен для оценки уровня потребления в домохозяйствах этих стран.

Если сосредоточить внимание на нерыночной деятельности, встает вопрос о досуге. Если люди

потребляют одну и ту же корзину товаров и услуг, но работают 1500 часов в год вместо 2000 часов, это означает, что уровень жизни растет. Хотя оценка досуга сталкивается со множеством трудностей, сравнение уровня жизни по разным периодам и странам должно учитывать количество свободного времени, которым располагают люди.

Благосостояние многогранно

Определить благосостояние означает дать многостороннее определение. Основываясь на академических исследованиях и ряде конкретных инициатив, предпринимавшихся по всему миру, Комиссия выявила следующее ключевое направление, которое нужно обязательно принять во внимание. По крайней мере, в принципе эти аспекты должны рассматриваться все вместе:

- материальный уровень жизни (доход, потребление и достаток);
- здоровье;
- образование;
- персональная активность, включая работу;
- политическое представительство и управление;
- социальные связи и отношения;
- окружающая среда (настоящие и будущие условия);
- недостаток безопасности, как экономической, так и физической.

Эти аспекты формируют благосостояние людей, однако традиционные измерения дохода упускают многие из них из виду.

*Объективные и субъективные стороны благосостояния
важны в одинаковой мере*

РЕКОМЕНДАЦИЯ 6: *Качество жизни зависит от объективных условий и способностей людей.* Необходимо предпринять шаги по улучшению оценки уровня здоровья людей, их образования, персональной активности и условий окружающей среды. В частности, значительные усилия должны быть направлены на разработку и внедрение в жизнь надежных, обоснованных оценок социальных связей, политического представительства и недостатка безопасности, которые, как можно показать, определяют степень удовлетворенности жизнью.

Релевантная для оценки качества жизни информация выходит за рамки того, что люди сообщают о себе и как себя воспринимают, включая измерение их «функционирования» и свобод. В действительности по-настоящему важны именно возможности людей, т. е. размеры набора имеющихся у них вариантов действий и степень свободы в их выборе, жизнь, которую они ценят. Выбор соответствующих действий и возможностей в любом измерении качества жизни — это ценностное суждение, более чем техническая задача. Но хотя точный список характеристик, влияющих на качество жизни, неизбежно опирается на ценностные суждения, все сходится на том, что качество жизни зависит от здоровья и образования людей, их повседневной деятельности (которая включает в себя и право на достойную работу и жилье), их участия в политическом процессе, социальной и природной среды, в которой они живут, и факторов, определяющих их личную и экономическую безопасность. Оценка всех этих характеристик требует как объективных, так и субъективных данных. Во всех этих областях стоит за-

дача по улучшению достигнутых результатов, выявлению пробелов в существующей информации и инвестированию в совершенствование статистики по тем разделам (например использование времени), в которых имеющиеся индикаторы недостаточны.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 7: *Индикаторы качества жизни во всех рассматриваемых аспектах должны в полной мере давать оценку неравенства.* Учет неравенства в положении людей является неотъемлемой частью любой оценки качества жизни по странам и того, какие изменения происходят со временем. Большинство аспектов качества жизни требуют отдельного измерения неравенства, но, как отмечалось выше, с учетом взаимосвязей и взаимозависимостей. Необходимо оценивать неравенство в качестве жизни отдельных людей, социально-экономических групп, людей с разной гендерной принадлежностью и разных поколений, уделяя особое внимание тем видам неравенства, которые возникли относительно недавно, например в связи с эмиграцией.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 8: *Должны быть проведены исследования по оценке связей между различными аспектами качества жизни для каждого человека, и эта информация должна использоваться при выработке политики в различных областях.* Крайне важно обратиться к вопросам о том, как развитие одной из сторон качества жизни влияет на другие стороны и как изменения во всех разнообразных областях соотносятся с доходом. Это важно, потому что совокупное влияние множества недостатков сказывается на качестве жизни гораздо сильнее, чем простая сумма их индивидуальных эффектов. Работа над измерением

этих кумулятивных эффектов требует информации о «совместном распределении» самых характерных черт качества жизни каждого жителя страны, которую могут дать специальные обследования. Шаги в этом направлении, помимо прочего, можно сделать, если включить во все исследования ряд стандартных вопросов, позволяющих классифицировать респондентов на основании ограниченного ряда характеристик. При разработке политики в конкретных областях воздействие на индикаторы, относящиеся к различным аспектам качества жизни, должно рассматриваться совместно, чтобы было отражено взаимодействие между аспектами и потребностями людей, которые оказались в ущемленном положении по ряду показателей.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 9: *Статистические агентства должны предоставлять информацию, необходимую для агрегирования данных по разным аспектам качества жизни, что даст возможность создать разные индексы.* Хотя оценка качества жизни требует множества разных индикаторов, есть устойчивая потребность в сводной единице измерения. Сводных единиц измерения качества жизни может быть несколько в зависимости от рассматриваемого вопроса и применяемого подхода. Одни из этих единиц уже используются, например, средний уровень удовлетворенности жизнью для страны в целом или составные индексы, которые агрегируют средние величины в объективных областях, например Индекс развития человеческого потенциала. Другие могут быть введены в оборот, если национальные системы статистики сделают соответствующие инвестиции, чтобы обеспечить данные, необходимые для их расчета. Они включают в себя измерение доли времени, когда, по словам респондента,

самое сильное из испытываемых им чувств является негативным, измерения, основанные на подсчете того, с какой частотой и интенсивностью в жизни людей проявляются некоторые объективные особенности, и измерения (равноценного дохода), основанные на состояниях и предпочтениях людей.

Комиссия полагает, что помимо субъективных индикаторов благосостояния должны также рассматриваться субъективные оценки качества жизни.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 10: Измерения и объективного и субъективного благосостояния дают ключевую информацию о качестве жизни людей. Статистические агентства должны включать в свои анкеты вопросы, фиксирующие то, как люди оценивают свою жизнь, личный опыт и приоритеты.

Исследования показали, что можно собрать полные смысла и надежные данные как о субъективном, так и об объективном благосостоянии. Субъективное благосостояние охватывает различные аспекты (когнитивную оценку своей жизни, счастье, удовлетворенность, позитивные эмоции, такие как радость и гордость, и негативные эмоции, такие как боль и беспокойство): каждый из них должен измеряться отдельно, чтобы получить более полную оценку жизни людей. Количественные измерения этих субъективных аспектов действительно дают не только хорошую меру качества жизни как такового, но и лучшее понимание определяющих его факторов, помимо доходов людей и материальных условий жизни. Несмотря на то что многие вопросы остаются нерешенными, эти субъективные оценки дают важную информацию о качестве жизни. Поэтому те типы вопросов, которые доказали свою ценность в мелкомасштабных и не-

официальных исследованиях, должны быть включены в крупномасштабные исследования официальных статистических организаций.

*Использовать прагматический подход
к оценке устойчивости*

Измерение и оценка устойчивости находились в центре внимания Комиссии. Основная проблема, связанная с устойчивостью, — определить, сможет ли благосостояние сохраниться, по крайней мере, на нынешнем уровне для будущих поколений. По самой своей природе устойчивость имеет дело с будущим, и ее оценка включает множество допущений и нормативных выборов. Ситуация еще больше осложняется из-за того, что некоторые аспекты экологической устойчивости (а именно изменения климата) испытывают на себе влияние взаимодействий между разными социально-экономическими и экологическими моделями, которых придерживаются отдельные страны. Этот вопрос сложнее и без того сложного вопроса об измерении благосостояния или развития.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 11: *Для оценки устойчивости нужна панель индикаторов.* Отличительной чертой компонентов этой панели должна быть возможность интерпретировать их в качестве вариации одних и тех же лежащих в их основе «запасов». На этой панели найдется место для монетарного индекса устойчивости, однако при нынешнем состоянии дел он должен по-прежнему отражать в основном ее экономические аспекты.

Оценка устойчивости дополняет вопрос о текущем благосостоянии или экономическом развитии, и ее изучение должно вестись отдельно. Это может

показаться банальным, но, тем не менее, это необходимо подчеркнуть, потому что некоторые из существующих подходов не в состоянии применить этот принцип, в результате чего их выводы могут ввести в заблуждение. Например, путаница может возникнуть, если попытаться соединить в одном индикаторе текущее благосостояние и устойчивость. Приведем аналогию: при поездке на автомобиле датчик, который показывал бы в одной цифре текущую скорость автомобиля и уровень топлива в бензобаке, оказался бы совершенно бесполезен для водителя. Обе информации крайне важны и должны быть выведены по отдельности в разных, четко разделенных зонах приборной панели.

Для измерения устойчивости нам, как минимум, потребуются индикаторы, которые информируют об изменениях в количествах разных факторов, важных для будущего благосостояния. Иначе говоря, устойчивость требует одновременного сохранения или увеличения нескольких «запасов»: количества и качества природных ресурсов и человеческого, социального и физического капитала.

Есть два варианта подхода к устойчивости с точки зрения запасов. В одном варианте просто смотрят на вариации (изменения) в каждом из запасов по отдельности, оценивая то, растет он или идет на убыль, особенно если необходимо приложить все усилия, чтобы не давать ему упасть ниже какого-то критического порога. Второй вариант переводит все эти активы в денежный эквивалент, тем самым имплицитно предполагая, что различные типы капитала взаимозаменяемы, так что, например, убыль природного капитала может компенсироваться достаточным приростом физического капитала (специальным образом взвешенного). Такой подход

имеет существенный потенциал, но в то же время несколько ограничений, самым главным из которых является отсутствие множества рынков, на которых могла бы основываться оценка активов. Даже если рыночная оценка имеется, нет гарантий, что она адекватно отражает значение, которое различные виды активов имеют для будущего благосостояния. Монетарный подход требует условных величин и моделирования, создающих информационные затруднения. Все это подсказывает, что начать нужно с более скромного подхода, а именно заняться сначала монетарным агрегированием тех предметов, для которых существуют технологии разумной оценки, а именно для физического капитала, человеческого капитала и некоторых природных ресурсов. Таким образом появится возможность оценить «экономический» компонент устойчивости, т. е. то, не слишком ли быстро люди потребляют свое богатство.

*Физические индикаторы
проблем окружающей среды*

РЕКОМЕНДАЦИЯ 12: *Экологические аспекты устойчивости заслуживают отдельного рассмотрения на основе хорошо подобранного набора физических индикаторов.* В частности, есть потребность в четком представлении о том, насколько мы приблизились к опасному уровню экологического ущерба (такому, который связан с климатическим изменением или с истощением запасов рыбы).

По вышеупомянутым причинам зачастую затруднительно приписать монетарные значения природной среде, и для осуществления ее мониторинга требуется отдельный набор физических индикаторов. Это особенно актуально в случае необратимых

и/или дискретных изменений в окружающей среде. По этой причине члены Комиссии, в частности, полагают, что необходим четкий индикатор увеличения концентрации в атмосфере парниковых газов, которая указывал бы на приближение к опасным уровням климатических изменений (или уровням выбросов, которые, согласно разумным оценкам, приведут к такой концентрации в будущем). Климатические изменения (в связи с ростом концентрации в атмосфере парниковых газов) также имеют особое значение, поскольку являются по-настоящему глобальной проблемой, которую нельзя оценивать с оглядкой на национальные границы. Физические индикаторы такого рода могут выявляться только с помощью научного сообщества. К счастью, большая часть работы в этой области уже проделана.

Что дальше?

Комиссия рассматривает свой доклад, скорее, как начало дискуссии, а не как ее завершение. Доклад указывает на вопросы, которые должны рассматриваться в контексте более широких исследовательских усилий. Другие органы, на национальном и международном уровнях, должны обсудить рекомендации данного доклада, выявить его ограничения и посмотреть со своей точки зрения, какой вклад они могут внести в эту широкую повестку.

Комиссия полагает, что глобальные дебаты по вопросам и рекомендациям, предложенным в данном докладе, создают важную площадку для обсуждения общественных ценностей, того, о чем мы, как общество, заботимся, и того, действительно ли мы все устремлены к чему-то важному.

На национальном уровне должны быть организованы круглые столы с участием всех заинтересованных лиц с целью выявить и поставить на первое место индикаторы, которые помогают сообща посмотреть на то, как идет социальный прогресс и как его можно поддерживать.

Комиссия надеется, что это доклад послужит стимулом не только для более широкого обсуждения, но и для продолжения исследований, направленных на создание более совершенных методов измерения, которые дадут нам возможность точнее оценивать экономическое развитие и социальный прогресс.

ГЛАВА 1

Проблемы классического ВВП¹

Введение

ВАЛОВОЙ внутренний продукт (ВВП) — наиболее широко используемый метод измерения экономической деятельности. Существуют международные стандарты для его расчета, и много усилий было потрачено на осмысление его статистической и концептуальной основы. Но ВВП измеряет главным образом *рыночное* производство, хотя часто рассматривался и в качестве меры экономического благосостояния. Смешение двух этих понятий может привести к появлению неверных данных о том, хорошо ли живут люди, и повлечь за собой принятие неправильных политических решений.

Одна из причин того, почему монетарное измерение экономического развития и уровня жизни стало играть столь важную роль в наших обществах, состоит в том, что монетарная оценка товаров и услуг упрощает сложение количеств крайне разнородных по своей природе вещей. Когда мы знаем цены на яблочный сок и DVD-плееры, мы можем сложить эти значения и рассуждать о производстве и потреблении, пользуясь единой цифрой. Но рыночные цены — нечто большее, чем просто инстру-

1. Факты и ссылки, подкрепляющие эти утверждения, представлены в сопроводительном техническом докладе.

мент учета. Экономическая теория гласит, что когда рынки работают должным образом, отношение одной рыночной цены к другой отражает относительную оценку двух продуктов теми, кто их покупает. Более того, ВВП охватывает все конечные продукты в экономике, независимо от того, потребляются ли они домохозяйствами, фирмами или государством. Таким образом, оценка продуктов по их ценам может показаться хорошим способом выразить в одной цифре, насколько хорошо в данный момент живет общество. Кроме того, если поддерживать цены в неизменном виде, при этом отслеживая, как с течением времени движутся объемы товаров и услуг, включенных в ВВП, это может показаться разумным способом суждения о том, как эволюционирует уровень жизни общества в реальном выражении.

Как выяснилось, в действительности все сложнее. Во-первых, на некоторые товары и услуги может не быть цен (если, например, государство предоставляет бесплатную медицинскую страховку или если домохозяйства сами занимаются воспитанием детей), что ставит вопрос о том, как оценивать эти услуги. Во-вторых, даже там, где есть рыночные цены, они могут отклоняться от лежащей в их основе оценки общества. В частности, когда потребление или производство отдельных продуктов влияет на общество в целом, цена, которую люди платят за эти продукты, будет отличаться от их ценности для всего общества. Хорошо известный пример — экологический ущерб, вызванный отдельными видами производства или потребления, который не отражается в рыночных ценах.

Есть еще одна проблема. Хотя говорить о концепциях «цен» и «количеств» может быть несложно, совершенно другой вопрос — определение и измерение того, как они изменяются на практике. Как

правило, многие продукты со временем меняются — они либо полностью исчезают, либо у них появляются новые особенности. В таких областях, как информационные и коммуникационные технологии, *изменения качества* могут происходить очень быстро. Также есть продукты с комплексным, многообразным качеством, которое трудно измерять, например, медицинские, образовательные услуги, исследовательская деятельность и финансовые услуги. Кроме того, возникают трудности со сбором данных в эпоху, когда все большая доля продаж приходится на Интернет и на распродажи, а также на дисконтные магазины. Как следствие, для статистиков становится огромной проблемой правильно зафиксировать изменения качества, хотя это крайне важно для измерения реального дохода и реального потребления, одних из определяющих факторов благосостояния людей. Недооценка улучшений качества равноценна завышению темпов инфляции и, соответственно, занижению реального дохода. Например, в середине 1990-х гг. доклад, в котором делался обзор инфляции в США (Доклад комиссии Боскина), установил, что недостаточный учет улучшений качества товаров и услуг привел к ежегодному завышению инфляции на 0,6%. Это в свою очередь привело к ряду изменений в индексе потребительских цен США.

В Европе дебаты шли в противоположном направлении: официальную статистику цен там критиковали за *занижение инфляции*. Частично это происходило потому, что представления людей об инфляции отличается от национальных средних величин, нашедших выражение в индексе потребительских цен, а также потому, что складывается впечатление, что статистики делают чрезмерные поправки на улучшение качества продуктов, тем

самым рисуя слишком радужную картину реально-го дохода граждан.

Чтобы рыночные цены отражали оценку, которую потребители дают товарам и услугам, также необходимо, чтобы потребители были свободны в своем выборе и располагали нужной информацией. Легко догадаться, что так бывает отнюдь не всегда. Сложные финансовые продукты — пример того, как невежество потребителей мешает рыночным ценам сыграть роль носителя правильных экономических сигналов. Сложные и постоянно меняющиеся наборы услуг, предлагаемых телекоммуникационными компаниями, — еще один такой случай, когда трудно обеспечить прозрачность и сравнение ценовых сигналов.

Из вышеприведенных соображений можно сделать вывод, что ценовые сигналы нужно интерпретировать с осторожностью при сравнении их во времени и пространстве. Для ряда целей они не предоставляют полезного средства агрегирования количеств. Из этого не следует, что использование рыночных цен при создании методов оценки экономического развития порочно в принципе. Но это побуждает быть осмотрительными, в особенности в отношении зачастую слишком переоцененного показателя — ВВП.

В этой главе предлагается пять способов учесть некоторые из недостатков ВВП как индикатора уровня жизни. Во-первых, не забывать и о других хорошо себя зарекомендовавших показателях национальных счетов, помимо ВВП. Во-вторых, улучшить эмпирическое измерение ключевых видов производственной деятельности, в особенности предоставления медицинских и образовательных услуг. В-третьих, вынести на первый план точку зрения домохозяйств, которая имеет самое непо-

средственное отношение к рассмотрению уровня жизни. В-четвертых, дополнить данные о средних уровнях дохода, потребления и богатства информацией об их распределении. Наконец, расширить охват измеряемых параметров. Так, существенная часть экономической деятельности протекает вне рынков и зачастую не отражается в установленных национальных счетах. Однако когда рынков нет, нет и рыночных цен, и оценка таких видов деятельности требует предположительных оценок («вменение»). Они вполне целесообразны, но обходятся недешево, и мы обсудим их, прежде чем обращаться к другим предложениям.

Вменение — полнота охвата или понимание?

Вменение существует по двум связанным друг с другом причинам. Первая — полнота охвата. Есть производительная деятельность и связанные с ней потоки доходов (как правило, неденежных), которые проходят вне рыночной сферы, и некоторые из них включались в ВВП. Самое важное вменение — потребительская стоимость услуг, которые владельцы жилья получают за счет того, что живут в собственном жилище. Нет никакой рыночной транзакции и не происходит никаких платежей, но в национальных счетах эта ситуация представляется так, как будто владельцы жилья платят ренту самим себе. Большинство людей согласятся, что если два человека получают один и тот же денежный доход, но один из них живет в собственном доме, а другой арендует жилье, у них неравное богатство — поэтому, чтобы лучше сравнить доходы по времени или по странам, используется вменение. Это подводит

нас ко второй причине его использования, *принципу инвариантности*: значение основных агрегированных показателей не должно зависеть от институционального устройства страны. Например, если совершенно идентичные медицинские услуги в одном случае предоставляются государственным сектором, а в другом — частным, переход между двумя институциональными укладами никак не должен сказываться на общей оценке производства. Главное достоинство следования принципу инвариантности — более удобное сравнение по времени и по странам. Поэтому, например, измерение «откорректированного располагаемого дохода» для домохозяйств (см. ниже) включает в себя вмененную величину государственных услуг, напрямую оказываемых гражданам.

Вмененных величин может быть меньше или больше в зависимости от страны и от рассматриваемых агрегатных величин национального счета. Во Франции и в Финляндии, например, основные вмененные величины составляют одну треть откорректированного чистого дохода домохозяйства, а в Соединенных Штатах — всего лишь более 20%. Таким образом, без вмененных величин уровень жизни французских и финских домохозяйств окажется заниженным по сравнению с Соединенными Штатами.

Однако за вменение приходится расплачиваться. Во-первых, качеством данных: вмененные величины как правило менее надежны, чем наблюдаемые. Во-вторых, тем, как вменение отражается на понимании национальных счетов. Не все вмененные величины воспринимаются людьми как эквивалентные доходу, в результате может возникнуть расхождение между изменениями в доходе в том виде, в котором он воспринимается, и из-

менениями в измеряемом доходе. Эта проблема усугубляется, когда мы расширяем масштаб экономической деятельности за счет включения других услуг, не опосредуемых рынком. Наши предположительные оценки работы по дому, приводимые ниже, достигают около 30% ВВП, измеренного общепринятым образом. Еще 80% или около того добавляется, если учесть еще и досуг. Нежелательно, чтобы данные, основанные на допущениях, так сильно отражались на результирующих агрегатах.

Простого решения конфликта между полной охвата и пониманием нет, если только не предоставлять пользователям оба вида информации и не поддерживать различие между основными и вспомогательными счетами. Возможно, например, что полный набор счетов домохозяйств будет не очень хорошо смотреться в ядре агрегатных данных национальных счетов. Но вспомогательный счет, содержащий широкую по охвату оценку форм производства в рамках домохозяйства, послужил бы существенным улучшением.

Что можно сделать с существующим аппаратом измерений?

Не забывать о других агрегатных данных национальных счетов, помимо ВВП

Первым шагом к снятию некоторых критических замечаний в отношении ВВП как способа измерения уровня жизни является смещение акцента на другие агрегаты национальных счетов, помимо ВВП, например, путем учета амортизации, что позволяет иметь дело, скорее, с чистыми, чем с валовыми показателями экономической деятельности.

Валовые показатели не принимают в расчет потребление основного капитала. Если большой объем выпущенной продукции должен быть отложен на то, чтобы обновлять оборудование или другие виды основного капитала, потребительская способность общества оказывается меньше, чем была бы, если бы требовалось лишь небольшое количество из отложенного. Причина того, почему экономисты больше полагались на ВВП, чем на чистый внутренний продукт (ЧВП), отчасти заключается в том, что амортизацию сложно подсчитать. Когда структура производства остается без изменений, ВВП и ЧВП сближаются. Но в последние годы структура производства изменилась. Активы информационных технологий (ИТ) стали важной частью основного капитала. Срок службы компьютеров и программного обеспечения оказывается короче, чем у сталелитейных заводов. На этом основании расхождение между ВВП и ЧВП может вырасти, и, как следствие, объем ЧВП может расти медленнее, чем ВВП. Например, реальный ВВП в Соединенных Штатах за период 1985–2007 гг. рос почти на 3% в год. Амортизация за тот же период выросла на 4,4%. Таким образом, реальный чистый национальный продукт так или иначе рос более медленными темпами, чем ВВП.

Еще большую озабоченность у некоторых стран вызывает то, что стандартные измерения амортизации не учитывали ухудшение качества природной среды. Были предприняты разные попытки расширить понятие амортизации, чтобы оно отражало ухудшение экологического положения (или же его улучшение, если таковое имеет место), но без особого успеха. Проблема — надежное измерение и монетарная оценка изменений качества окружающей среды.

Случай с истощением природных ресурсов несколько иной: по крайней мере, здесь есть рыночная стоимость, даже если она не отражает экологического ущерба в связи с использованием природных ресурсов. Истощение можно учесть через исключение стоимости природных ресурсов, взятой от стоимости произведенной продукции в таких секторах, как добывающая или лесная отрасли. Их производство тогда будет заключаться только в чистой добыче или лесозаготовках с соответствующим уменьшением ВВП. Вторая возможность может быть связана с учетом истощения природных ресурсов при измерении амортизации. В этом случае ВВП не изменится, но ВЧП уменьшится.

В мире глобализации могут существовать большие различия между *доходом* граждан какой-то страны и показателем внутреннего *производства*, но первый, очевидно, более непосредственным образом связан с измерением благосостояния граждан. Позднее мы будем утверждать, что сектор домохозяйств играет особую роль в наших соображениях и что для домохозяйств оценка с точки зрения дохода подходит гораздо больше, чем оценка с точки зрения производства. Часть дохода, созданного резидентами, посылается за границу, а некоторые резиденты получают доход из-за границы. Эти потоки выражаются через *чистый национальный располагаемый доход*, стандартную переменную в национальных счетах.

На рис. 1.1 показано, как доход Ирландии убывает по сравнению с ее ВВП, что отражает растущую долю прибыли, которая репатрируется иностранными инвесторами. Хотя прибыли и включаются в ВВП, они не укрепляют покупательную способность граждан страны. Если сообщить бедной раз-

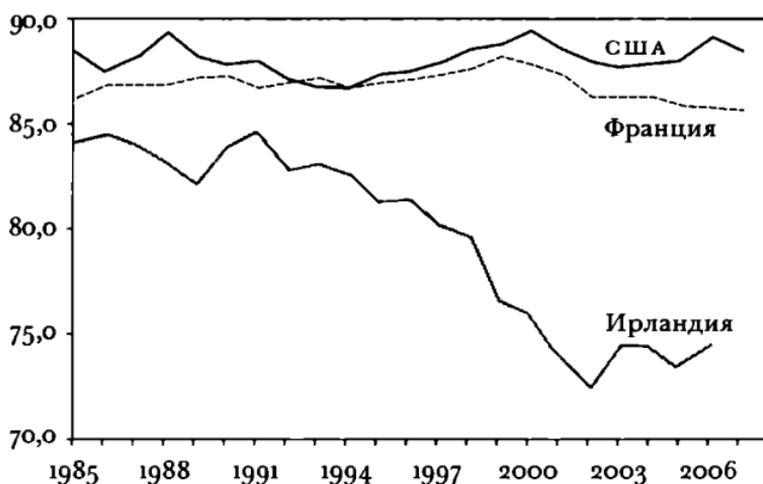

РИС. 1.1. Чистый национальный располагаемый доход в процентах от валового внутреннего продукта

Источник: Ежегодные национальные счета стран ОЭСР.

вивающейся стране, что у нее вырос ВВП, для нее это может оказаться совершенно неважным. Она хочет знать, стали ли лучше жить ее граждане, и измерения национального дохода имеют более прямое отношение к этому вопросу, чем ВВП.

Более того, цены импорта развиваются совершенно иначе, чем цены экспорта, и эти изменения в относительных ценах следует учитывать при оценке уровня жизни. Приведенные на рис. 1.2 цифры показывают расхождение между реальным доходом и производством в Норвегии, богатой нефтью стране ОЭСР, чей доход рос быстрее ВВП, когда росли цены на нефть. Для многих развивающихся стран, чьи экспортные цены имели тенденцию падать по сравнению с ценами импорта, верно обратное.

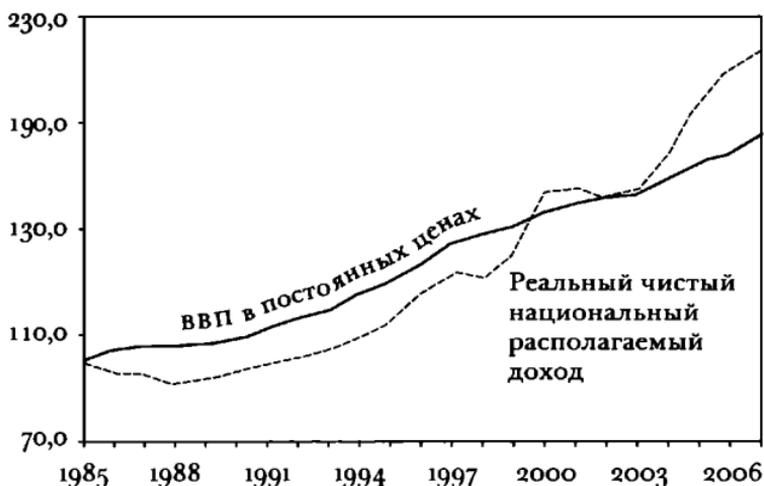

РИС. 1.2. ВВП и располагаемый доход
в Норвегии

Источник: Ежегодные национальные
счета стран ОЭСР.

Улучшение измерения услуг в целом

В сегодняшней экономике на услуги приходится до двух третей всего производства и занятости, однако измерение цен и объемов оказанных услуг сложнее, чем в случае товаров. Примером могут служить услуги розничной торговли. В принципе при измерении оказанных услуг необходимо принимать во внимание множество аспектов: объем товаров, участвующих в сделке, а также качество услуги (доступность магазина, общий уровень обслуживания, ассортимент и представление продуктов и т. д.). Эти услуги сложно не только измерить, но даже просто дать им определение. Статистические агентства в качестве показателя оказанных

услуг как правило используют данные об объеме продаж. То, что верно для розничной торговли, верно и для многих других отраслей сферы обслуживания, включая общественные услуги, например здравоохранение и образование. Необходимо предпринять больше усилий для того, чтобы эффективнее отслеживать количество и качество услуг в современной экономике.

Совершенствование оценки услуг, оказываемых государством

Государство играет важную роль в сегодняшней экономике. Говоря широко, оно оказывает два вида услуг — услуги «коллективного» характера, такие как безопасность, и услуги «индивидуального» характера, такие как медицинские и образовательные услуги. Из этого не следует, что государство является единственным поставщиком этих услуг, действительно, соотношение между частным и государственным предоставлением индивидуальных услуг значительно варьируется по странам. И хотя о вкладе коллективных услуг в уровень жизни граждан можно спорить, индивидуальные услуги, в особенности образование, здравоохранение и общественные спортивные сооружения, почти наверняка положительно оцениваются гражданами. Это обычно широкомасштабные услуги, но измеряются они плохо. Традиционно измерение нерыночных услуг, предоставляемых государством, основывалось на затратах на производство этих услуг, а не на их выпуске. Непосредственным следствием такого подхода становится то, что изменения в эффективности оказываемых государством услуг игнорируются, потому что считается, что выпуск услуг

движется теми же темпами, что и расходы. Отсюда следует, что если есть положительный рост эффективности в общественном секторе, наши измерения занижают рост.

Во многих странах началась работа по созданию методов измерения выпуска государственных услуг, которые не зависели бы от затрат, но это громадная задача. Рассмотрим следующий пример: расходы Соединенных Штатов на здравоохранение на душу населения больше, чем во многих европейских странах, однако по стандартным показателям здоровья результаты хуже. Означает ли это, что американцы получают меньше медицинских услуг? Или это означает, что их здравоохранение дороже и/или эти услуги предоставляются менее эффективно? Или то, что показатели здоровья также зависят от специфических для американского общества факторов, а не только от расходов на здравоохранение? Мы должны разделить изменения в расходах на здравоохранение на эффекты цены и эффекты выпуска. Но какие именно объемы выпущенных услуг мы ищем? Есть соблазн измерить их через состояние здоровья населения. Проблема в том, что связь между расходами на здравоохранение и состоянием здоровья в лучшем случае слабая: расходы соответствуют ресурсам, которые поступают институтам, оказывающим медицинские услуги, тогда как состояние здоровья населения зависит от множества факторов, — и очень похожая ситуация в образовании. Например, образ жизни людей будет оказывать влияние на здоровье, а время, которое родители проводят с детьми, — на результаты экзаменов. Если приписывать изменения в состоянии здоровья или уровне образования исключительно больницам или школам и истраченным деньгам, все эти факторы будут упущены и оценки могут оказаться ошибочными.

Ведутся поиски более точных методов измерения объема роста государственных услуг. Ряд европейских стран, а также Австралия и Новая Зеландия разработали измерения, основанные на выпуске ключевых услуг, оказываемых государством. Основная проблема, с которой сталкиваются эти попытки, все тот же способ фиксации изменения качества. Без хороших измерений качества (или, что равноценно, хорошей оценки роста эффективности) невозможно удостовериться, занижается или завышается рост в конвенциональных измерениях расходов. Если используются недифференцированные количественные измерения, такие как простая численность студентов или пациентов, изменения в составе и качестве результатов могут быть упущены. Но надо с чего-то начинать, и поскольку используемые цифры важны, этот вопрос нельзя игнорировать. Например, согласно измерениям, основанным на производстве услуг, темпы роста британской экономики в период 1995–2003 гг. составляли 2,75%, тогда как если бы продолжала действовать предшествующая традиция, темпы роста составили бы 3% (Atkinson, 2005). Нечто подобное можно наблюдать и в случае Франции. Датское исследование измерения услуг здравоохранения указывает другой путь: производство услуг, измеренное на основе результатов, росло быстрее, чем производство, измеряемое на основе затрат (рис. 1.3).

Важный критерий понятности измерений, основанных на выпуске, состоит в том, что они базируются на наблюдениях, достаточно детальных, чтобы избежать смешения реальных объемов изменений с составными эффектами. Мы можем спросить, сколько студентов обучается, и просто посчитать их число. Если затраты на одного студента

возросли, можно заключить, что стоимость единицы образовательных услуг выросла. Этот вывод может, однако, сбить с толку, если стоимость выросла, потому что студенты учатся в более мелких группах, или если большая доля студентов выбирает технические специальности, обучение которым дороже. Ошибки в измерениях случаются, простое количество студентов слишком недифференцированная мера, чтобы иметь смысл, так что требуется более детальная структура. Например, целесообразно было бы рассматривать один час занятий со студентом технической специальности как продукт, отличный от часа занятий со студентом-первокурсником, изучающим искусство, и тем самым провести учет некоторых изменений в качестве и структуре услуги. Та же логика применима к здравоохранению: лечение разных заболеваний должно рассматриваться как разные медицинские услуги. Как оказалось, системы здравоохранения некоторых стран предоставляют административные данные, необходимые для получения подробной информации. Мы делаем вывод, что несмотря на сложность задачи, совершенствование измерения индивидуальных услуг, предоставляемых государством, играет центральную роль в улучшении оценки уровня жизни. Использование новых источников административных данных — один из путей прогресса в данном направлении. В идеале эта информация также будет включать качество, например, то, как пациентов принимают в больницах, или время, которое уделяет им медицинский персонал, хотя такие данные, возможно, непросто собрать. В этом случае могут потребоваться новые источники первичных данных, например опросы.

Усовершенствование измерения выпуска не отменяет потребности в улучшении — и публикации —

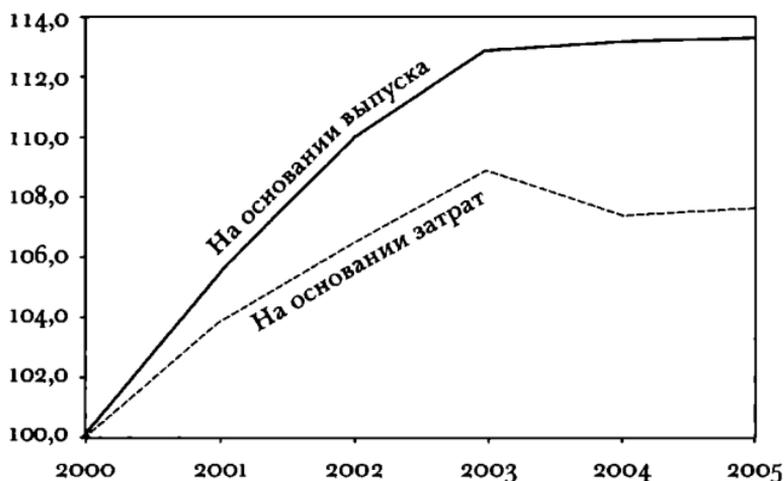

РИС. 1.3. Объем выпуска медицинских услуг в Дании

Источник: Deveci, Heurlén and Sørensen (2008) «Non-Market Health Care Service in Denmark – Empirical Studies of A, B and C Methods», работа, представленная на заседании Международной ассоциации исследований дохода и богатства, Словения.

измерений объема расходов. Только когда и выпуск, и расходы на производство услуг будут должным образом зафиксированы, станет возможной оценка изменений в производительности и сопоставление производительности разных стран.

*Пересмотреть концепцию
«защитных» расходов*

Расходы, необходимые для поддержания уровней потребления или функционирования общества, могут рассматриваться как своего рода промежуточный ресурс — нет прямой прибыли, и в этом смысле они не создают конечного товара или услуги.

Нордхаус и Тобин, например, в своей основополагающей работе 1973 г. называют «защитными» те виды деятельности, которые «очевидно, сами напрямую не являются источником полезности, но, к сожалению, являются необходимым ресурсом для видов деятельности, которые могут создавать полезность». В частности, они корректируют доход в сторону уменьшения с поправкой на издержки, которые возникают как следствие урбанизации и сложности современной жизни. Многие из таких «защитных расходов» несет государство, тогда как другие берет на себя частный сектор. Например, расходы на тюрьмы могут рассматриваться как защитные расходы, которые несет государство, а расходы, связанные с ежедневной поездкой на работу, — это частные защитные расходы. Ряд авторов советовал считать эти расходы промежуточными, а не конечными продуктами. Соответственно в ВВП они включаться не должны.

В то же время, когда дело доходит до выяснения, какие расходы являются «защитными», а какие нет, возникает масса трудностей. Например, если открывается новый парк, является ли это защитными расходами, направленными на борьбу с негативными последствиями городской жизни, или же это не защитная, а рекреационная услуга? Какой здесь можно найти выход? Некоторые варианты:

- во-первых, *сосредоточить внимание на потреблении домохозяйств, а не на конечном потреблении.* Во многих случаях эта переменная дает более осмысленные результаты. И все затраты государства, связанные с коллективным потреблением (которые включают в себя, например, расходы на тюрьмы, оборонные расходы и расходы на ликвидацию разливов нефти), автоматически

исключаются из конечного потребления домохозяйств;

- во-вторых, *расширить границы активов*. Во многих случаях защитные расходы включают в себя элементы *капиталовложений* и *капитальные товары*. В этих случаях с ними следует обращаться так же, как с эксплуатационными расходами в случае обычного производства. Например, расходы на здравоохранение могут считаться капиталовложениями в человеческий капитал, а не конечным потреблением. Если есть какой-то актив, который определяет качество окружающей среды, затраты на его улучшение или поддержание также могут рассматриваться в качестве капиталовложений. И наоборот, последствия экономической деятельности, наносящие ущерб этому активу, могут быть переданы как расширенный показатель амортизации или ухудшения, так что *чистый* показатель дохода или производства будет соответствующим образом сокращаться. И, как подчеркивалось ранее,
- при оценке уровня жизни мы должны в большей мере ориентироваться на чистые, а не валовые показатели;
- в-третьих, *расширить границы производства в домохозяйстве*. Некоторые «защитные» расходы не могут разумным образом рассматриваться в качестве капиталовложения. Возьмем пример ежедневных поездок на работу. Домохозяйства производят транспортные услуги — для этой цели они используют свое время (трудовые затраты) и деньги (билет на транспорт). За исключением покупки потребителем билета на пригородный электропоезд, которая считается конечным потреблением, ни один из вышеуказанных потоков не включается в измерение

производства и дохода. Это можно исправить, если включить туда производство транспортных услуг домохозяйством, которые рассматривались бы как неоплаченная поставка промежуточных ресурсов фирмам, «субсидируемая» частными домохозяйствами. Хотя такой подход не изменит итоговый ВВП, он продемонстрирует больший вклад в производство домохозяйств и меньший вклад фирм.

Самое большое препятствие для таких подходов — осуществление на практике. Как именно должен быть определен объем защитных расходов? Как должны оцениваться новые активы и соответствующие потоки? И, конечно, расширение объема активов и производственных показателей несет с собой дополнительное вменение.

*Доход, богатство и потребление
должны рассматриваться вместе*

Потоки доходов — важный показатель для измерения уровня жизни, но в конечном счете важнее оказывается потребление и его возможности *с течением времени*. Временное измерение вводит параметр богатства. Домохозяйство с низким доходом, но с богатством выше среднего, живет лучше, чем домохозяйство с низким доходом и без богатства. Существование богатства — также одна из причин того, что доход и потребление необязательно равны: для данного дохода потребление может быть поднято путем снижения стоимости активов или путем увеличения долга, и оно может сокращаться за счет сбережений или прибавления к активам. По этой причине богатство является важным индикатором устойчивости существующего потребления.

То же самое относится к экономике в целом. Для того чтобы построить баланс экономики, нам нужны полные учетные данные по ее активам (физическому капиталу и, вероятно, человеческому, природному и социальному капиталу) и пассивам (по ее долгам другим странам). Чтобы знать, что происходит с экономикой, нам нужно точно определить изменения в уровне богатства. В некоторых случаях проще учесть изменения богатства, чем дать оценку его совокупной стоимости. Изменения богатства влекут за собой крупные инвестиции (в физический, природный, человеческий и социальный капитал) минус амортизация и истощение этих активов.

Хотя информация о некоторых центральных аспектах богатства домохозяйств в принципе имеется в балансе национальных счетов, она зачастую неполна. Более того, некоторые активы не признаются в качестве таковых в рамках стандартного бухгалтерского учета, не в последнюю очередь — человеческий капитал. Исследования, подсчитывавшие стоимость запасов человеческого капитала в денежном эквиваленте, выяснили, что на них приходится подавляющая часть всего богатства (80% или более). Систематическое измерение запасов человеческого капитала представляет интерес с ряда точек зрения. Оно является неотъемлемой частью расширенного измерения производства в домохозяйстве (см. ниже) и дает исходные данные для получения индикаторов устойчивости.

Отметим фундаментальную проблему, связанную с оценкой запасов. Когда есть рынки для активов, цены, по которым активы продаются и покупаются, служат для оценки запасов в целом. Но для некоторых активов может не быть рынков или же ими могут не торговать на существующих рынках, как это недавно было с некоторыми финансовыми активами. Поэтому встает вопрос о том, как их оценивать.

И даже если рыночные цены существуют, трансакции соответствуют лишь малой доли существующего запаса и могут быть настолько волатильными, что могут ставить под вопрос возможность интерпретации балансов. Тем не менее базовая информация об активах и пассивах — ключ к оценке экономического здоровья различных секторов и финансовых рисков, которым они подвергаются.

Вывести на первый план точку зрения домохозяйств

Доход может подсчитываться как для частных домохозяйств, так и для экономики в целом. Часть дохода граждан изымается в форме налогов, и поэтому они ею больше не располагают. Но у государства есть причина для изъятия этих денег: предоставление общественных благ и услуг, инвестирование, например, в инфраструктуру и передача этих денег другим (обычно менее обеспеченным) индивидам. Повсеместно используемый показатель дохода домохозяйства складывает и вычитает эти трансферные платежи. Полученный в результате показатель называют мерой располагаемого дохода домохозяйства. Однако располагаемый доход фиксирует только денежные трансферы между домохозяйствами и государством, тем самым упуская из виду неденежные услуги, которые предоставляет государство.

Корректировка измерений дохода домохозяйств с учетом неденежных услуг государства

Ранее в этом тексте мы упоминали принцип инвариантности, согласно которому *переход какого-то вида деятельности из государственного сектора в част-*

ный или наоборот не меняет нашей оценки показателей, за исключением того, в какой степени это может сказаться на качестве или доступности услуг. Именно здесь измерение дохода, основанное исключительно на рынке, упирается в свои ограничения, и для сравнения по времени или по странам может потребоваться показатель, учитывающий разницу в институциональном укладе. *Скорректированный располагаемый доход* — это показатель национальных счетов, в котором в некоторой мере учитывается принцип инвариантности, по крайней мере в том, что касается «социальных неденежных трансферов» со стороны государства.

Значение откорректированного располагаемого дохода лучше всего объяснить на примере (табл. 1.1). Предположим, что трудовой доход общества — 100 и что индивиды, активные на рынке труда, покупают частные медицинские страховки. Их ежегодные выплаты за страховку равны 10, что можно разбить на 8 единиц страховой премии (страховая стоимость платежа 8) и две единицы потребленных услуг по страховке. В то же время заболевшие люди получают 8 единиц как возмещение расходов на медицину. В этом случае — назовем его случаем А — никаких налогов не платится и обращение за страховой выплатой и премия компенсируют друг друга, так что располагаемый доход домохозяйства составляет 100. Теперь предположим, что государство решает предоставить такой же объем страхового покрытия всем, финансируя его при помощи налога в 10 единиц. Ничего не изменилось, за исключением того, что теперь государство собирает платежи и распределяет льготы (случай В). Но, согласно статистическим стандартам национальных счетов, располагаемый доход домохозяйств упал до 90 единиц. Таким образом, в данном случае располагае-

мый доход дает искаженное сравнение. Если добавить социальный перевод неденежных средств, которые домохозяйства получают от государства в случае В (8 единиц, соответствующих возмещению расходов на лечение, и две единицы, соответствующие настоящей стоимости страховки), скорректированный показатель располагаемого дохода указывает на равенство двух случаев.

Вышеприведенный пример, однако, оставляет в стороне любые соображения, касающиеся того, какой страховой режим работает более эффективно с экономической точки зрения и какие прибыли могут быть получены частными страховыми компаниями, — просто делается допущение, что частные и государственные услуги по страхованию эквивалентны двум единицам. На практике это почти наверняка не так, хотя общие наблюдения об относительной эффективности этих схем делать не так просто. Если страховая индустрия не полностью конкурентна (вполне разумное допущение в большинстве стран), перевод ответственности из частного в государственный сектор найдет отражение в уменьшении прибылей и снижении цен на страховые полисы. Даже если прибыли распределяются между домохозяйствами в форме дивидендов, изменение формы предоставления услуг (с частной на государственную) может сделать страховые услуги более доступными. Наличие возможности застраховаться от некоторых видов риска позитивно сказывается на благосостоянии людей, которые не любят рисковать.

Хотя неспособность определить ценность предоставляемых страховых услуг вызывает набор искажений, есть и другие искажения, которые возникают в связи с тем фактом, что ценность некоторых неденежных социальных трансферов (тех, что

ТАБЛИЦА 1.1. Схемы частного и государственного страхования

	Частное (случай А)	Государственное (случай Б)
Трудовой доход	100	100
Налог	0	-10
Страховые премии (исключая страховые услуги)	-8	0
Обращение за страховой выплатой	+8	0
Располагасмый доход домохозяйств	100	90
Неденежные социальные трансферы	0	+10
возмещения		+8
текущая стоимость страховки		+2
Скорректированный располагаемый доход домохозяйства	100	100

соответствуют текущим ценам на страховку в выше-приведенном примере) измеряется по стоимости производства этих услуг. В некоторых странах, в частности в развивающемся мире, стоимость подобных услуг может значительно превышать их ценность для домохозяйств, которые могут получать мало или вообще ничего. В этой ситуации результат использования откорректированного дохода домохозяйств приведет к широкомасштабной переоценке их уровня дохода и потребления. С некоторыми из этих проблем можно справиться, если использовать показатели, основанные на объеме выпуска, для медицинских и образовательных услуг, производимых государством. Кроме того, вполне вероятно, что разные слои населения в неравной мере извлекают выгоду из неденежных социальных

РИС. 1.4. Неденежные социальные трансферы от государства, Франция, 2007 г.

Источник: INSEE.

трансферов, предоставляемых государством. Таким образом, здесь есть важный дистрибуционный аспект.

Основные статьи неденежных социальных трансферов — это медицинские и образовательные услуги, субсидирование жилья, спортивные сооружения, сооружения для отдыха и тому подобное, предоставляемые гражданам бесплатно или по низкой цене. Во Франции государство предоставляет все эти услуги почти полностью, что в 2007 г. обошлось в примерно в 290 млрд евро. На услуги образования и здравоохранения по отдельности пришлось почти одна треть совокупных неденежных трансферов, а на жилье, рекреационную и культурную деятельность (музеи, общественные парки и т. д.) приходится около 10% (рис. 1.4).

*Медианы и средние величины — распределение
дохода, потребления и богатства*

Средние показатели дохода и богатства на душу населения не дают указаний относительно того, как ресурсы распределяются по людям и домохозяйствам. Сходным образом среднее потребление не показывает, как люди на самом деле получают пользу от этих ресурсов. Например, *средний* доход на душу населения может оставаться неизменным, тогда как распределение дохода становится более неравномерным. Поэтому необходимо смотреть на данные по располагаемому доходу, потреблению и богатству для разных групп населения. Простой концептуальный способ отразить распределительные аспекты — измерить *медианный* доход (такой доход, при котором половина всех индивидов оказывается выше этого дохода, а половина — ниже), медианное потребление и медианное богатство. Медианный индивид в некотором смысле — «типичный» индивид. Если неравенство возрастает, разница между медианными и средними значениями может существенно возрасти, так что фокус на средних величинах может не дать точной картины экономического благосостояния «типичного» члена общества. Например, если весь рост дохода общества попадает к верхним 10%, медианный доход может остаться неизменным, тогда как средний доход возрастет. За последние два десятилетия господствующей тенденцией в странах ОЭСР был весьма широко распространявшийся рост неравенства в доходах, с резким подъемом в Финляндии, Норвегии, Швеции (с низкой точки) и Германии, Италии, Новой Зеландии и в США (с высокой точки). В этих случаях медианные и средние величины дадут разную картину того, что происходит с общественным благосо-

стоянием. И наоборот, изменения в располагаемом доходе различных групп можно отследить. При таком подходе, например, в центре внимания окажутся критический уровень дохода или средний доход тех, кто находится в нижнем или верхнем дециле. Похожие вычисления могут оказаться полезными для потребления и богатства. Эмпирические исследования неоднократно показывали, что распределение потребления может существенно отличаться от распределения дохода. Разумеется, наиболее адекватные оценки распределения материального уровня жизни, вероятно, основываются на *совместном* рассмотрении положения домохозяйств или индивидов по доходу, потреблению или богатству.

На практике переход от средних величин к медианным труднее, чем может показаться на первый взгляд. Показатели средних величин получают путем деления совокупных величин на численность населения. Чтобы рассматривать распределительные элементы, необходима микроэкономическая информация, которая давала бы сведения об индивидуальных домохозяйствах или группах домохозяйств. Микроэкономические измерения относятся к людям, которые живут в частных домохозяйствах и, как правило, выводятся из исследований дохода домохозяйств, тогда как макроэкономические измерения национальных счетов основаны на ряде разных источников и включают людей, живущих в коллективных домохозяйствах (таких как тюрьмы и институты по долгосрочному уходу).

Также важен выбор единицы измерения. Макрооценки приводят суммарные величины для целой страны или сектора, тогда как микроданные сохраняют домохозяйство (или семью) как единицу, внутри которой объединяются и делятся ресурсы, и корректируют доход с поправкой на различия

в «потребностях». Так, например, есть фиксированные издержки на поддержание домохозяйства, позволяющие более крупным семьям с тем же самым подушным доходом иметь более высокий уровень жизни. Еще один шаг на пути к тому, чтобы ввести демографию и некоторые аспекты распределения в измерение дохода — рассматривать располагаемый доход из расчета на единицу потребления, а не на человека. Единицы потребления — это домохозяйства, чей размер был откорректирован с учетом эффектов экономики масштаба в том, что касается жилья и других расходов. Эта корректировка приобретает все большую важность по мере того, как размер домохозяйства уменьшается.

На этом фоне мы можем рассмотреть эволюцию среднего и медианного дохода домохозяйств в нескольких странах. На рис. 1.5 показаны некоторые результаты для Франции и Соединенных Штатов. Средний доход на душу населения и средний доход на единицу потребления расходятся, отражая тенденцию к уменьшению размера домохозяйства. Измерения, приводимые в исследованиях дохода, позволяют сравнивать средний и медианный доходы. В случае Франции эти две величины движутся параллельно. По крайней мере с этой точки зрения нет свидетельства расширения неравномерности в распределении дохода. Иная картина складывается для США, где средний доход на душу населения и на единицу потребления растет одними и теми же темпами, но где существует постоянно расширяющийся разрыв между медианным и средним доходом, указывающий на более неравномерное распределение.

Существует множество вопросов, которые могут повлиять на приведенные выше положения. Один из источников расхождения между микро- и макрооценками — это доход от собственности, будь то вме-

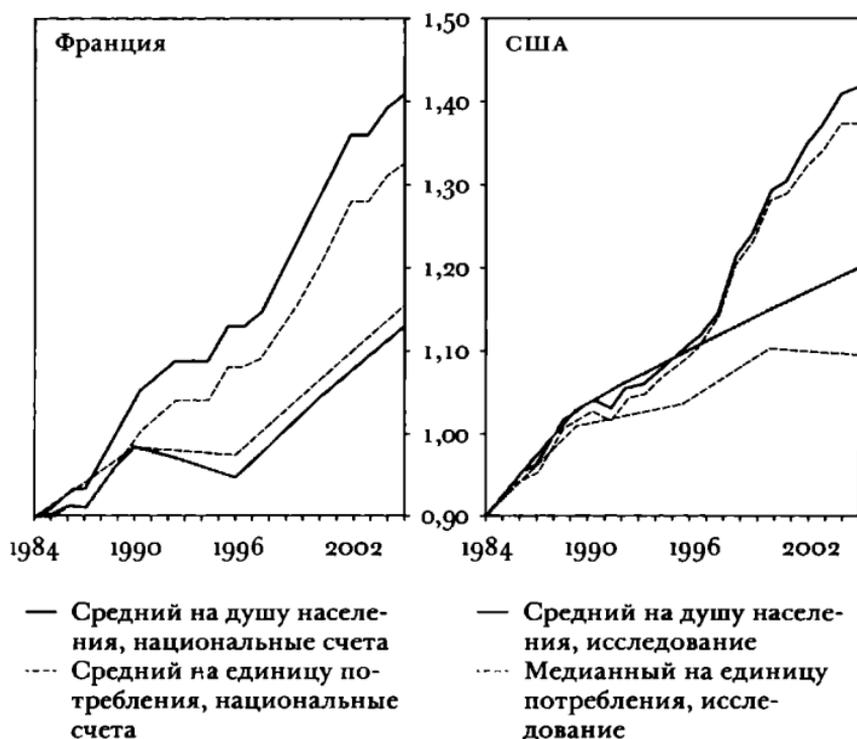

РИС. 1.5. Тенденции в различных измерениях располагаемого дохода домохозяйства

Источник: Расчеты, основанные на национальных счетах стран ОЭСР и данных о распределении доходов.

ненный или нет. Если этот агрегатный показатель не очень хорошо измеряется в микрооценках, это может объяснить, почему средний и медианный доходы в этих оценках идут параллельно во Франции, где не так важно неравенство в заработной плате, как неравенство в доходах от собственности. Кроме того, вполне возможно, что самый высокий доход в исследованиях дохода домохозяйств представлен недостаточно. Наконец, возможность сравнивать исследования домохозяйств по всему миру далека от совершенства.

С точки зрения уровня жизни важно, чтобы распределение дохода, потребления и богатства определяли бы, кто получает доступ к товарам и услугам, производимым в обществе. Дополнение измерений среднего дохода измерениями с распределительным элементом является, таким образом, ключевой задачей для официальной статистики. В идеале такие распределительные измерения должны по охвату быть сравнимы со средними показателями из национальных счетов.

Точно так же важно распределение объема потребления. На один и тот же доллар можно купить разные корзины продуктов в зависимости от того, к какой группе по доходам принадлежит покупатель. Переход от номинального к реальному доходу и от стоимости к объему потребления означает применение индекса цен; вопрос в том, *индекс каких цен* мы измеряем. Концептуальные обсуждения индекса цен часто ведутся так, как будто существует один репрезентативный потребитель. Рассчитывая индекс цен, статистические агентства смотрят, сколько стоит покупка среднего набора товаров. Проблема в том, что разные люди покупают разные наборы товаров, например, бедные больше тратят на еду, а богатые — на развлечения. Люди также покупают товары и услуги в разных типах магазинов, которые продают «похожие» товары по очень разным ценам. Когда все цены движутся одинаково, разные индексы цен для разных людей, возможно, не будут так уж различаться. Но в последнее время с резким рывком вверх цен на нефть и на продукты питания эти различия стали более ярко выраженными. Находящиеся внизу могли заметить, что это сильнее сказалось на их реальных доходах, чем на доходах тех, кто наверху.

Индекс цен для (актуального) частного потребления крупных групп населения (возраст, доход, сель-

ский/городской житель) необходим, если мы хотим дать оценку их экономическому положению. Среди рекомендаций Комиссии по измерению покупательной способности домохозяйств (2008) во Франции было предложение о разработке индекса потребительских цен для владельцев жилья, для домохозяйств, которые арендуют жилье, и для домохозяйств, которые готовятся его купить. Однако разработка полных индексов цен, дифференцированных по социально-экономическим группам, требует сбора данных по различным ценам и по разным сегментам населения, чтобы социально-экономические аспекты принимались в расчет при разработке методов сбора данных. Скорее всего, это будет сложный и дорогой процесс, который должен стать среднесрочной целью исследований. Эта рекомендация повторяет похожий вывод Конференции по концептуальным вопросам, вопросам измерений и другим статистическим проблемам разработки индексов стоимости жизни, прошедшей в 2002 г. в Соединенных Штатах. Подобная работа не только укрепит качество процедур дефлирования, она также облегчит гражданам сравнение их личного положения с некоторыми данными по доходам и ценам, предоставляемыми статистическими агентствами.

*Более широкие измерения
экономической деятельности домохозяйств*

Произошли крупные измерения в функционировании домохозяйств и общества. Например, многие из услуг, которые в прошлом людям предоставляли другие члены семьи, теперь покупаются на рынке. Этот переход переводится в рост доходов в том виде, в котором они измеряются в национальных счетах, и создает ложное впечатление

изменения уровня жизни, тогда как он отражает просто переход от нерыночного к рыночному предоставлению услуг. Подобно тому, как мы утверждали, что переход от частного к государственному предоставлению некого товара или услуги или наоборот не должен сказываться на измеряемом выпуске продукции, переход производства от домашнего к рыночному или наоборот не должен влиять на измеряемый выпуск. Ранее мы отмечали, что на практике существующие конвенции и в том и в другом случае приводят к изменениям в измеряемом доходе.

Представим себе домохозяйство из двух родителей с двумя детьми и доходом 50 тыс. денежных единиц в год, в котором только один родитель работает полный рабочий день за плату, а второй специализируется на домашнем производстве. Родитель, который остается дома, целиком берет на себя покупки, приготовление пищи и уборку и в одиночку занимается уходом за детьми. В результате данному домохозяйству не требуется выделять никакой доли своего рыночного дохода на покупку этих услуг. Теперь представим домохозяйство из двух родителей с двумя детьми, в котором *оба* родителя работают полный рабочий день за ту же самую суммарную оплату (50 тыс. в год), и ни у одного из них не остается времени на домашнее производство или на уход за детьми. Они должны платить за приобретение продуктов, приготовление пищи, уборку и уход за детьми из своего кармана. Имеющийся у них доход, таким образом, сокращается. В традиционных измерениях эти два домохозяйства рассматриваются так, как если бы у них был одинаковый уровень жизни, но в действительности он разный. Акцент на рыночном производстве даст искаженную картину уровня жизни — часть зафик-

сированного роста рыночного производства может попросту отражать *смещение* места производства из домохозяйства на рынок.

Чтобы получить представление о том, насколько экономически важно домашнее производство, нужно начать с изучения того, как люди используют свое время. Рис. 1.6 дает первое сравнение времени, которое тратится домохозяйством в день на различную деятельность. Домашнее производство включает в себя время, потраченное на работу по дому, покупку товаров и услуг, уход и помощь членам и нечленам домохозяйства, волонтерскую деятельность, телефонные звонки, почту и электронную почту, и время на передвижение, связанное с этими видами деятельности. «Уход за собой» состоит главным образом из сна, еды и питья, тогда как в определении досуга были включены спорт, религиозная и духовная деятельность, а также другие виды досуговой деятельности.

Эти определения показывают, в европейских странах на домашнее производство тратится больше времени, чем в США, а времени на досуг больше тратится в Финляндии, Франции, Италии, Германии и Великобритании, чем в США (см. рис. 1.6). Заметим, что это отчасти двусмысленная классификация, так что к результатам нужно относиться с осторожностью. Например, еда и питье включены в определение «уход за собой», тогда как, предположительно, они могут частично входить во время, потраченное на досуг. Картина использования времени также могла бы измениться, если иначе распределять время на еду. Мы делаем вывод, что распределение специфических видов деятельности по категориям использования времени, а также их международное сравнение оставляют место для совершенствования и гармонизации.

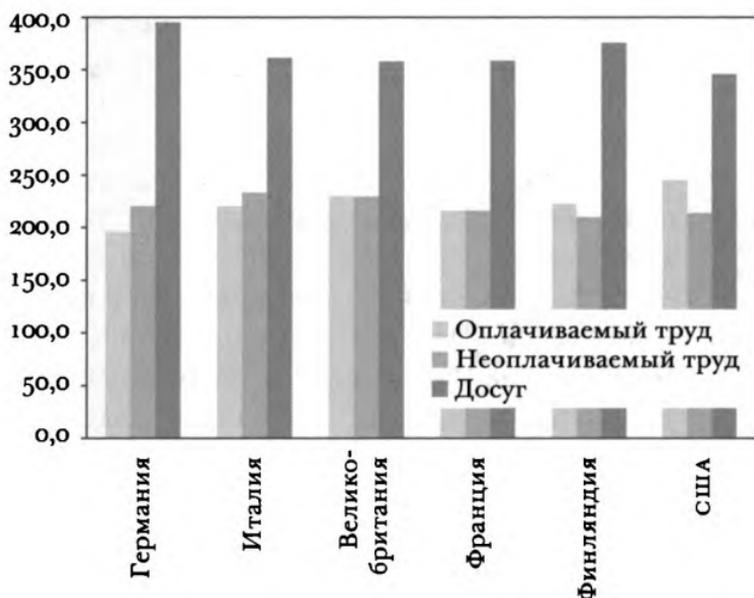

РИС. 1.6. Работа по дому, оплачиваемый труд и досуг (минут в день на человека, последний имеющийся год)

Примечание: Используются нормализованные серии для ухода за собой; США — 2005, Финляндия — 1998, Франция — 1999, Германия — 2002, Италия — 2003, Великобритания — 2001.

Источник: ОЭСР (2009), *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries*; Paris.

Если мы отработаем эти проблемы, можно будет выполнить показательный расчет стоимости домашнего производства для Франции, Финляндии и США. Избранный здесь подход прост: стоимость производства домашних услуг измеряется расходами на них. Стоимость труда оценивается с применением расценок обобщенного домашнего работника к числу часов, которые люди тратят на работу по дому. В этом контексте имеет значение методология, и результаты могут ощутимо различаться, особенно в за-

висимости от гипотез, избранных для оценки труда и капитала. Нам также не хватает оценок изменений производительности в домашнем производстве.

Однако наши оценки дают представление о порядке величин. Очевидно, и это неудивительно в свете предшествующих исследований, что временные величины для производства за свой счет домашних услуг весьма значительны во всех странах. Домашнее производство достигает около 35% традиционно измеряемого ВВП во Франции (в среднем в 1995–2006 гг.), около 40% — в Финляндии и 30% — в США за один и тот же период.

Как только начинают размышлять о нерыночном доходе, приходится задумываться о досуге. За счет времени, потраченного на создание дохода (рыночного или нерыночного), мы покупаем или производим товары и услуги для удовлетворения наших нужд или просто ради удовольствия. Время, имеющееся для досуга, очевидно, влияет на благосостояние. Изменения в количестве досуга во времени и различия между странами представляют один из более важных аспектов ситуации с благосостоянием в этом отношении. Акцент на товарах и услугах может, таким образом, исказить относительные измерения уровня жизни. Это вызывает особую озабоченность, поскольку мир начинает привыкать к ограничениям, накладываемым экологией. Может так случиться, что нельзя будет и далее наращивать производство, в особенности товаров, сверх некоего лимита из-за ущерба окружающей среде, который это за собой влечет. Могут быть введены налоги и законы, которые будут тормозить производство. Однако было бы неправильно, если бы в результате этих мер мы решили, что уровень жизни упал, тогда как количество свободного времени (и качество окружающей среды)

выросло. По мере того как общество развивается, было бы вполне разумно ожидать, что люди будут наслаждаться некоторыми плодами этого развития в форме досуга. Разные общества могут по-разному реагировать на более высокий уровень жизни, и мы не хотим быть предвзятыми в наших суждениях (например об успехе), выступая *против* общества, которое решило больше наслаждаться досугом.

Измерение стоимости досуга снова начинается с данных об использовании времени. Мы умножаем средний показатель свободного времени в день на количество трудоспособного населения, а затем на среднюю ставку заработной платы в экономике. И снова эта процедура ставит множество вопросов об измерении, но цель в данном случае в том, чтобы показать, что оценки возможны и позволяют провести разумное сравнение по странам. Для трех имеющихся стран стоимость досуга увеличивается чистый располагаемый досуг домохозяйства приблизительно вдвое. Более интересно, что уровни номинального дохода — это вопрос того, как рассмотрение досуга сказывается на измерении темпов роста *реального* дохода и их сравнении по странам. В табл. 1.2 показана эволюция дохода домохозяйств, теперь уже с поправкой на работу по дому (верхняя строка) и работу по дому плюс досуг (нижняя строка). Для всех стран новые показатели реального дохода растут медленнее, чем традиционные показатели дохода. Будучи выраженными в виде дохода на единицу потребления (например, по домохозяйству, с поправкой на его размер), темпы роста доходов трех стран оказываются очень похожими.

Нужно снова упомянуть о неточности, связанной с вышеуказанными оценками. Это в лучшем случае порядок величин, и не стоит слишком увлекаться их интерпретацией. Однако ясно, что признание

ТАБЛИЦА 1.2. Доход домохозяйств
в реальном выражении, %

	Франция	США	Финляндия
Скорректированный располагаемый доход + работа по дому:			
итого	1,9	2,9	2,0
на единицу потребления	1,1	1,7	1,6
Скорректированный располагаемый доход + работа по дому и досуг:			
итого	1,4	2,3	1,4
на единицу потребления	0,7	1,0	0,9

более широких измерений экономической деятельности и досуга существенно отражается на сравнениях по времени и по странам. Нужно проделать дополнительную работу по тестированию методологии, отбору наиболее критических параметров и тестированию надежности подобных измерений. Только в случае определенного доверия к расширенным показателям дохода они будут шире применяться статистическими агентствами.

Вместо того чтобы оценивать темпы изменений реального дохода, поучительнее оценить, как производство и досуг в домохозяйстве выглядят при сравнении *уровней* дохода по странам. Должны сравниваться уровни дохода в реальном выражении, поэтому мы конструируем конверторы валюты, так называемые *паритеты покупательной способности (ППС)*, которые позволяют сравнивать «полный» доход (включая работу по дому и досуг) по странам. На рис. 1.7 сравниваются три совокупных показателя дохода для Франции и Соединенных Штатов. В первом сравнении используется устоявшееся измерение располагаемого дохода. Здесь подушный доход во Франции составляет около 66% сравниваемого

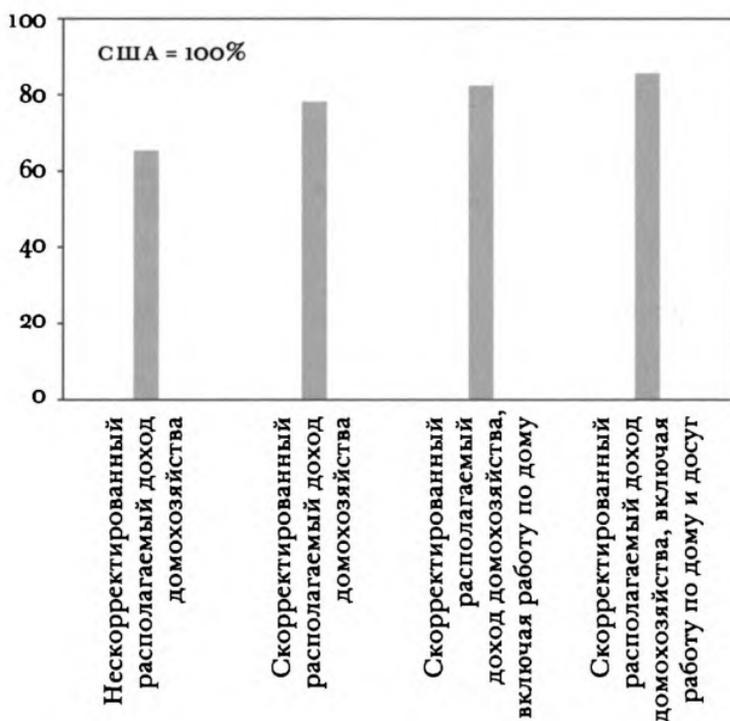

РИС. 1.7. Реальный доход на душу населения во Франции по сравнению с США, 2005 г.

дохода в США. Прибавление услуг, предоставляемых государством, таких как здравоохранение и образование, сужает разрыв при 79%. Если же, в добавление к этому, будут учтены работа по дому и досуг, в итоге получается относительный уровень дохода 87%.

Распределение полного дохода

Ранее утверждалось, что измерения среднего дохода должны сопровождаться измерениями, которые дают информацию о его распределении. Обоснова-

ние для изучения распределения дохода действует для рыночного дохода, но также и для более широких измерений, например для полного дохода. Учет домашнего производства услуг за свой счет и досуга влияет на совокупные измерения дохода и производства, но может также изменить сложившуюся картину распределения доходов.

Однако разработка распределительных измерений полного дохода — трудная задача. Самая сложная проблема — распределить по различным группам те потоки доходов, которые были вменены на макроуровне, когда выводились полные измерения доходов, например, вмененных рент за счет проживания в своем собственном жилье. Другие вмененные величины для услуг, производимых домохозяйствами за свой счет, также подпадают под эту категорию, равно как и распределительные последствия государственных услуг, которые представляются в неденежной форме.

Повторим, что трудности с измерением не должны помешать нам в разработке полной картины распределения дохода и богатства. Распределение полного дохода должно прочно закрепиться в повестке исследований.

Основная идея и рекомендации

РЕКОМЕНДАЦИЯ 1: *Смотреть на доход и на потребление, а не на производство.* ВВП — наиболее широко используемый показатель для измерения экономической деятельности. Существуют международные стандарты его расчета, и много сил ушло на осмысление его статистической и концептуальной основы. Но ВВП измеряет главным образом рыночное производство, хотя часто его рассматривали так, как будто он является показателем экономического

благосостояния. Смешение двух понятий может привести к ошибочным свидетельствам о том, насколько хорошо живут люди, и повлечь за собой неверные политические решения. Уровень материальной жизни теснее связан с измерением реального дохода и потребления — производство может расширяться, тогда как доход — падать, и наоборот, если принять во внимание амортизацию, потоки доходов, входящие и выходящие из страны, и различия между ценами выпущенной продукции и ценами потребительских продуктов.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 2: *Рассматривать доход и потребление совместно с богатством.* Доход и потребление имеют ключевое значение для оценки уровня жизни, но в конце концов они могут измеряться только в паре с информацией о богатстве. Жизненно важным индикатором финансового статуса фирмы является ее балансовый отчет, то же самое относится к экономике в целом. Для того чтобы составить балансовый отчет по всей экономике, нам нужны полные учетные данные по ее активам (физический капитал и, вероятно, даже человеческий, природный и социальный капитал) и ее пассивам (то, что она должна другим странам). Балансовые отчеты для стран — это не новая идея, но их по-прежнему мало и необходимо пропагандировать их составление. Также существует потребность в «стресс-тестах» балансовых отчетов при помощи альтернативных оценок в тех случаях, когда рыночные цены на те или иные активы отсутствуют или могут раздуться и лопаться. Измерение богатства также занимает центральное место при измерении устойчивости. То, что переходит в будущее, должно бы представлено в виде запасов — физического, природного, человеческого или социального капита-

ла. Здесь тоже играет ключевую роль правильная оценка этих запасов.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 3: Акцент на точке зрения домохозяйства. Хотя мониторинг развития экономики в целом дает много информации, за трендами в уровне материальной жизни граждан лучше следить через измерение дохода и потребления домохозяйств. Действительно, имеющиеся данные национальных счетов показывают, что в ряде стран ОЭСР рост реального дохода домохозяйства в значительной степени отличался от реального ВВП и, как правило, шел более медленными темпами. Перспектива домохозяйства предполагает, как следствие, учет платежей между секторами, таких как налоги, поступающие государству, социальные выплаты, исходящие от государства, и выплаты процентов по займам домохозяйств, поступающие финансовым корпорациям. Должным образом определенные доход и потребление домохозяйств должны также отражать стоимость неденежных услуг, предоставляемых государством, таких как субсидирование медицинских и образовательных услуг.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 4: Уделять больше внимания распределению доходов, потребления и богатства. Средние доход, потребление и богатство — это осмысленная статистика, но они не все сообщают об уровне жизни. Например, увеличение среднего дохода может неравномерно распределяться по группам, так что некоторые домохозяйства оказываются в худшем положении, чем другие. Таким образом, средние показатели дохода, потребления и богатства должны сопровождаться индикаторами, которые демонстрируют их распределение. В идеале такая информация должна поступать не изолированно,

а в связке, т. е. желательно получить информацию о благосостоянии домохозяйств с учетом всех трех аспектов уровня материальной жизни: дохода, потребления и богатства. В конце концов домохозяйство с низким доходом, но с богатством выше среднего, необязательно живет хуже, чем домохозяйство со средним доходом, но без богатства. О потребности в информации о «совместном распределении» этих аспектов будет сказано в Рекомендации 3 главы «Качество жизни».

Рекомендация 5: *Распределить измерения дохода на нерыночную деятельность.* Произошли крупные изменения в том, как функционируют домохозяйства и общество. Например, многие услуги, которые люди получали от членов своей семьи в прошлом, теперь покупаются на рынке. Этот переход отразился в росте доходов в том виде, в каком они измеряются в национальных счетах, и мог создать ложное впечатление об изменениях уровня жизни, тогда как он просто отражает переход от нерыночного к рыночному предоставлению услуг. Многие услуги, которые домохозяйства производили для себя, не учитываются в официальных измерениях дохода и производства, однако они образуют важный аспект экономической деятельности. Хотя их исключение из официальных измерений отражает скорее неуверенность в данных, чем концептуальное несогласие, в этой сфере необходимо осуществлять все больше систематической работы. Начать следует с информации о том, как люди тратят свое время, которую можно было бы сравнивать по времени и по странам. Полный и систематический учет деятельности домохозяйства в дополнение к ядру национальных счетов должен довершить эту картину.

ГЛАВА 2

Качество жизни¹

Введение

КАЧЕСТВО жизни — более широкая концепция, чем экономическое производство и уровень жизни. Оно включает в себя целый набор факторов, которые влияют на то, что мы ценим в жизни, помимо ее материальной стороны. Хотя виды расширенной экономической отчетности (обсуждающиеся в главе 1) позволяют включить некоторые из элементов, формирующих качество жизни, в традиционные измерения экономического благосостояния, любой подход, основанный на ресурсах (или на том, как люди распоряжаются товарами), остается ограниченным в некоторых важных отношениях. Во-первых, ресурсы — это средства, которые по-разному трансформируются в благосостояние у разных людей: индивиды, умеющие наслаждаться жизнью или наделенные большей способностью достигать успеха в ее ценных областях, могут жить лучше, даже имея в своем распоряжении меньше ресурсов. Во-вторых, многие ресурсы не выходят на рынок, а если и выходят, цены будут разными для разных индивидов, что делает проблематичным сравнение реального дохода этих людей. Наконец,

1. Факты и ссылки, подкрепляющие эти утверждения, представлены в сопроводительном техническом докладе.

многие определяющие факторы благосостояния человека являются аспектами жизненных обстоятельств: они не могут описываться в качестве ресурсов с вмененными ценами, даже если люди торгуют друг с другом. Этих аргументов самих по себе достаточно, чтобы понять, что ресурсы — недостаточное средство для измерения качества жизни. То, какой способ измерения следует избрать вместо оценки качества жизни, зависит от избранной философской перспективы.

Хотя существует давняя традиция философской мысли, задававшаяся вопросом о том, что определяет качество жизни, недавние успехи в исследованиях привели к измерениям, одновременно и новым и убедительным. Эти исследования подсказывают, что потребность выйти за пределы измерения экономических ресурсов существует не только у развивающихся стран (традиционно находившихся в центре внимания большинства работ о «развитии человеческого потенциала» в прошлом), но еще сильнее проявляется в случае богатых индустриальных стран. Эти измерения хотя и не *заменяют* традиционные экономические индикаторы, дадут возможность *обогатить* политические дискуссии и повлиять на то, как люди смотрят на условия в сообществах, в которых живут. Что еще важнее, новые методы измерения теперь имеют потенциальную возможность перейти из исследовательской в стандартную статистическую практику. Хотя одни из этих методов отражают структурные показатели, которые почти не зависят от времени, но систематически различаются по странам, другие больше зависят от политики и лучше подходят для мониторинга изменений в более короткие промежуточные времена. Оба вида индикаторов играют важную роль в оценке качества жизни.

Концептуальные подходы к измерению качества жизни

Внимание Комиссии привлекли к себе три концептуальных метода, которые представляются полезными для осмысления того, как измерять качество жизни:

- первый подход, разработанный в тесной связи с психологическими исследованиями, основан на понятии *субъективного благополучия*. Давняя философская традиция считает, что индивиды сами могут лучше всего судить о своих условиях. Этот подход тесно связан с традицией утилитаризма, но привлекателен и в более широком смысле в силу убедительного допущения, характерного для многих направлений древней и современной культуры, что дать людям возможность быть «счастливыми» и «удовлетворенными» своей жизнью — универсальная цель человеческого существования;
- второй подход уходит корнями в понятие *возможностей*. Этот подход рассматривает жизнь человека как комбинацию различных «дел и состояний» (функционирований) и его свободы выбора этих функционирований (возможностей). Некоторые из этих возможностей могут быть вполне элементарными, например, адекватное питание и возможность избежать преждевременной смерти, тогда как другие могут быть более сложными, например, получение уровня грамотности, дающего возможность активно участвовать в политической жизни. Основания этого подхода, прочно укорененного в философском понятии социальной справедливости,

отражают внимание к устремлениям человека и уважение способности индивида преследовать и осуществлять цели, которым он или она придают ценность; отказ от экономической модели индивида, чьи действия направлены на максимизацию своего эгоистического интереса без учета отношений и эмоций; акцент на взаимодополняемость разных возможностей и признание многообразия людей, подчеркивающее роль, которую в устройстве «хорошего» общества играют этические принципы;

- третий подход, разработанный в рамках экономической традиции, основан на понятии *справедливого распределения ресурсов*. Основная идея, которую разделяют социальные экономисты, состоит в том, что взвешивание различных неденежных аспектов качества жизни (помимо товаров и услуг, которые продаются на рынке) должно производиться с учетом предпочтений людей. Этот подход требует выбора конкретной исходной точки для каждого из разнообразных неденежных аспектов и получения информации о нынешнем положении людей и их предпочтениях в отношении данных позиций и позволяет избежать ловушек, которые таят в себе оценки, основывающиеся на «средней» готовности платить, которая может непропорционально отражать предпочтения более благополучных членов общества, и вместо этого сосредоточить внимание на равенстве всех его членов.

Между этими подходами имеются очевидные различия, но в то же время есть и некоторые сходства. Например, порой утверждают, что субъективное благополучие охватывает все возможности в той мере, в какой они отсылают к атрибутам и свобо-

дам, которые люди *ценят* (подразумевая, что подкрепление этих возможностей улучшит субъективное состояние людей). Однако сторонники подхода на основе возможностей также подчеркивают, что значение имеют не только субъективные состояния и что расширение возможностей людей важно само по себе, даже если оно не проявляется в росте субъективного благополучия. Точно так же подход на основе возможностей и подход на основе справедливого распределения полагаются на информацию об объективных атрибутах каждого человека, хотя и различаются по тому, как именно они их взвешивают и агрегируют. Хотя выбор того или иного подхода в конечном счете оказывается нормативным решением, все они указывают на важность целого ряда особенностей, которые не сводятся к распоряжению ресурсами. Измерение этих особенностей требует таких видов данных (т. е. ответов на анкеты и нерыночных наблюдений за психологическими состояниями), которые не передаются через рыночные трансакции.

Субъективное измерение качества жизни

Долгое время экономисты предполагали, что достаточно посмотреть на выбор людей, чтобы получить информацию об их благосостоянии, и что эти выборы будут соответствовать стандартному набору допущений. В последние годы, однако, большая часть исследований фокусировалась на том, что люди ценят и как они действуют в реальной жизни, в результате чего были выявлены значительные расхождения между стандартными допущениями экономической теории и явлениями

реального мира. Существенная часть этих исследований была выполнена психологами и экономистами на основе субъективных данных о восприятии благосостояния, полученных со слов самих людей.

Субъективные измерения всегда входили в традиционный инструментарий экономистов и статистиков, поскольку многие черты экономики и обществ измеряются на основе ответов людей на стандартный набор вопросов (например, измерения «безработицы», как правило, опираются на ответы людей о том, работали ли они хотя бы сколько-то в течение определенной недели, активно ли искали работу и готовы ли начать работать в ближайшем будущем). Специфическая черта обсуждаемых здесь субъективных измерений качества жизни — тот факт, что нельзя найти объективного аналога тому, что люди сообщают здесь о своей жизни: мы, например, можем сравнить «воспринимаемую» и «действительную» инфляцию, но только респонденты могут сообщить информацию о своих субъективных состояниях и ценностях. Несмотря на эту особенность, богатая литература, посвященная субъективным измерениям, приходит к заключению, что они полезны для предсказания поведения людей (например, работники, которые сообщают о более высоком уровне неудовлетворенности своей работой, с большей вероятностью могут с нее уйти) и действительны в отношении целого ряда другой информации (например, люди, которые относят себя к «счастливым», склонны больше улыбаться и чаще считаются счастливыми у окружающих их людей; подобные сообщения о себе коррелируют с показаниями электрических приборов, считывающих сигналы мозга).

Субъективные подходы различают *стороны* качества жизни и объективные *факторы*, их форми-

рующие. В свою очередь субъективные стороны качества жизни охватывают несколько аспектов. Первый представлен тем, как люди оценивают свою жизнь в целом или ее различные области, такие как семья, работа или финансовые условия. Эти оценки подразумевают когнитивные усилия со стороны каждого человека, а также усилия, направленные на то, чтобы накопить и суммировать полный набор элементов, которые ценят люди (например, их ощущение целесообразности, достижения целей и то, как они воспринимаются остальными). Вторым аспектом представляет реальные чувства людей, такие как боль, беспокойство и гнев или удовольствие, гордость и уважение. Когда об этих чувствах сообщают в реальном времени, они меньше подвержены влиянию искажений, связанных с памятью и социальным давлением того, что принято считать «хорошим» в обществе. В этой широкой категории человеческих чувств исследования субъективного благополучия различают позитивные и негативные аффекты, характеризующие опыт человека.

Для того чтобы получить удовлетворительную оценку жизни человека, все эти аспекты субъективного благополучия (когнитивные оценки, позитивные и негативные аффекты) следует измерять по отдельности. Какие из этих аспектов важнее и для каких целей, вопрос по-прежнему открытый. Множество фактов подсказывает, что люди ведут себя таким образом, чтобы получать удовлетворение от своего выбора, и что сам выбор основывается на воспоминаниях и оценках. Но воспоминания и оценки также могут привести к плохому выбору, кроме того, порой он делается бессознательно, а не путем взвешивания плюсов и минусов разных альтернатив.

Субъективные сообщения людей об оценке своей жизни и своих аффектах позволяют отслеживать изменение качества жизни во времени. Некоторые из такого рода измерений могут также надежным образом сравниваться по странам. Однако, по всей видимости, важнее, чтобы эти измерения давали информацию об определяющих факторах качества жизни на уровне *каждого человека*. Эти определяющие факторы включают в себя особенности окружения, в котором люди живут и работают, их индивидуальные условия, и они варьируются в зависимости от рассматриваемого аспекта. Например, виды деятельности (такие как поездки на работу, сама работа или общение) могут быть важнее для аффектов, тогда как условия (например, семейное положение или наличие приносящей удовлетворение работы) — для оценки жизни. Однако в обоих случаях эти измерения дают информацию, превосходящую информацию, отраженную в доходе. Например, в большинстве развитых стран более молодые и более старые люди сообщают о более высоких оценках своей жизни, чем люди, находящиеся в расцвете сил, — паттерн, разительно контрастирующий с уровнем дохода этих групп.

Одна область, в которой различные субъективные измерения благосостояния людей сходятся, — указание на высокие издержки безработицы для качества жизни. Люди, потерявшие работу, сообщают о более низкой оценке своей жизни, даже с поправкой на более низкий доход, при более низкой адаптации с течением времени; безработные люди также сообщают о преобладании различных негативных аффектов (печаль, стресс и боль) и о более низком уровне позитивных аффектов (радость). Эти субъективные измерения указывают на то, что издержки безработицы превышают потерю дохода,

от которой страдают те, кто лишился работы, отражая наличие неденежных последствий для безработных и страха и тревоги, порождаемые безработицей в остальном обществе.

Хотя инициативы отдельных исследователей и поставщиков коммерческих данных привели к значительным подвижкам в измерении субъективного благополучия, в целом данные остаются ограниченными с точки зрения статистических выводов, которые они позволяют делать. Национальные статистические системы должны наращивать усилия по включению вопросов о различных аспектах субъективного благосостояния в свои стандартные опросы. Они также должны развивать панельные исследования, которые могли бы стать основой для более убедительных заключений о роли различных факторов.

Объективные характеристики, формирующие качество жизни

И подход на основе возможностей, и подход, ориентированный на справедливое распределение, ставят акцент на объективных условиях жизни людей и имеющихся у них вариантах выбора, различаясь тем, как эти особенности оцениваются и ранжируются. Хотя эти объективные характеристики могут иметь инструментальную ценность для субъективного благополучия, оба этих концептуальных подхода приписывают принципиальное значение расширению возможностей человека в этих областях.

Диапазон объективных характеристик, которые должны рассматриваться в любой оценке качества жизни, будет зависеть от цели этого рассмотрения: состоит ли она в том, чтобы оценить изменения

в условиях внутри страны, или в том, чтобы сравнить условия в странах с разным уровнем развития? Некоторые характеристики могут быть важны для описания состояний людей (например здоровье), тогда как другие могут отражать то, насколько свободно люди могут стремиться к достижению целей, которые они ценят (например политическое представительство). Хотя вопрос о том, какие пункты входят в список объективных характеристик, неизбежно зависит от ценностных суждений, на практике большинство таких пунктов являются общими для разных стран и разных групп, и различные исследования, посвященные измерению «благополучия» и связанных с ним концепций, в значительной мере согласуются друг с другом². Как правило, измерения всех этих объективных характеристик подчеркивают, что организация общества влияет на жизнь людей и что это влияние не находит полного отражения в традиционных показателях экономических ресурсов.

Здоровье

Здоровье — это основная характеристика, влияющая на продолжительность и качество жизни людей. Его оценки требуют хороших измерений как смертности, так и уровней заболеваемости. В обеих областях до сих пор наблюдается большая нехватка данных. Статистика смертности с учетом возраста и пола документирует риск смерти, которому подвергаются люди, и используется для расчета ожидаемой продолжительности жизни. Сего-

2. См., например, «Таксономию», разработанную ОЭСР в контексте «Глобальный проект по измерению прогресса общества» (www.oecd.org/progress/taxonomy).

дня данные по этому индикатору имеются для всех развитых стран, но в развивающихся странах они ограничены, в особенности в отношении взрослых, что затрудняет мониторинг прогресса в достижении «Целей развития на тысячелетие» ООН. Кроме того, статистика смертности с учетом возраста является вектором: чтобы получить скалярные измерения срока жизни людей, необходимо их соответствующим образом агрегировать и стандартизировать с учетом различий в возрастной структуре разных стран и периодов времени. Пока существуют разные формулы агрегации и разные методы стандартизации, они ведут к разным результатам и ранжированию при сравнении стран с кривыми выживания (по возрасту), которые пересекаются. Отсюда следует, что необходимо сочетать разные варианты измерения смертности и регулярно заниматься их мониторингом. Тем не менее важно отметить, что неденежные оценки здоровья людей могут существенно расходиться с традиционными экономическими измерениями. Например, хотя у Франции более низкий ВВП на душу населения, чем у Соединенных Штатов Америки, ожидаемая продолжительность жизни при рождении там выше, и это преимущество продолжает расти (от менее 6 месяцев в 1960 г. до почти двух лет в 2006 г.), тогда как ее ВВП на душу населения по сравнению с США падал (рис. 2.1).

Гораздо более ограниченный прогресс наблюдается в статистике по заболеваемости — ситуация, которая привела к многолетним разногласиям по поводу того, сопровождалось ли снижение смертности таким же снижением заболеваемости. Существующие оценки заболеваемости основываются на целом ряде источников: записях о росте и весе людей; диагнозах, поставленных профессиональными

РИС. 2.1. Разрывы по ВВП на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни при рождении между США и Францией

Примечание: Отношение французских показателей к американским (величины больше единицы указывают на лучшие условия во Франции, чем в США). Например, в 2006 г. ВВП Франции на душу населения составлял 0,82 от американского уровня, тогда как ожидаемая продолжительность жизни французских мужчин была в 1,025 раз выше, чем у мужчин в США.

Источник: Данные ОЭСР.

врачами; регистрации специфических заболеваний и сообщениях о себе, полученных из переписей и исследований. Одни из этих измерений относятся к преобладанию заболеваний или травм, тогда как другие — к их последствиям для функционирования заинтересованного лица (которое также зависит от качества лечения). Вариации в изменениях и лежащих в их основе данных неизбежны, учитывая многочисленные проявления плохого здоровья, но это создает реальное препятствие для сравнения стран и мониторинга изменений в заболеваемости

людей в течение времени. Измерений станет еще меньше, если перейти от физических к психическим расстройствам, несмотря на свидетельства того, что от них страдает (по крайней мере, в мягкой форме) большая часть людей, что большинство этих расстройств остается без лечения и что в некоторых странах их доля растет.

Многообразие аспектов здоровья людей привело к нескольким попыткам создать совокупный показатель как смертности, так и заболеваемости. Однако хотя существует несколько комбинированных показателей здоровья людей, ни по одному из них в настоящее время нет всеобщего согласия. Более того, все они неизбежно базируются на этических суждениях, которые полны противоречий, и на взвешивании различных медицинских состояний, чья легитимность не всегда ясна.

Проблемы, которые ставит многообразие этих оценок здоровья, не ограничиваются сравнением по странам, но распространяются и на сравнения внутри страны. Недавние исследования неравенства в состоянии здоровья выявили несколько закономерностей. Во-первых, люди из более низкопрофессиональных групп с более низким уровнем образования и дохода часто умирают в более молодом возрасте и в течение жизни чаще имеют различные проблемы со здоровьем. Во-вторых, эти различия в состоянии здоровья не только отражают худшие исходы для людей, находящихся в самом низу социально-экономической шкалы, но и распространяются на людей по всей социально-экономической иерархии, т.е. демонстрируют «социальный уклон»: например, ожидаемая продолжительность жизни в Великобритании возрастает при переходе от неквалифицированных работников, занимающихся ручным трудом,

к квалифицированным, от ручного труда — к неручному, от офисных работников на более низких должностях — к высокопоставленным работникам. Хотя эти закономерности при неравномерном распределении здоровья имеют непосредственное отношение к оценке качества жизни, существующие измерения не позволяют проводить сравнение их степени по странам из-за различий в используемых методах измерения результатов, связанных со здоровьем, в рассматриваемых индивидуальных характеристиках (образование, доход, этническая принадлежность), референтном населении и географическом охвате различных национальных исследований³.

Образование

Долгая традиция экономических исследований подчеркивала важность образования для получения умений и навыков, которые лежат в основе экономического производства. Но образование важно для качества жизни независимо от того, как оно воздействует на доходы людей и производительность. Образование прочно ассоциируется с оценками жизни, даже без учета более высокого дохода, который оно приносит. Более того, у образованных людей обычно лучше состояние здоровья, среди них ниже безработица, у них больше социальных связей и они активнее вовлечены в гражданскую и политическую жизнь. Хотя имеющиеся факты не всегда

3. Отметим, однако, что идет исследование по измерению социально-экономического неравенства в состоянии здоровья стандартным образом, см., например, Рабочую группу ЕС по социально-экономическому неравенству в состоянии здоровья.

позволяют сделать вывод о прямой причинно-следственной связи между образованием и этими аспектами качества жизни (например, менее здоровые дети могут чаще пропускать занятия в школе), существует консенсус касательно того, что образование приносит целый ряд выгод (денежных и неденежных), которые получают и люди, инвестировавшие в образование, и сообщество, в котором они живут. Измерение этих обширных преимуществ образования — важный приоритет в исследованиях там, где прогресс требует более точного измерения характеристик людей в ряде областей и наблюдения за индивидами на протяжении определенного времени.

Имеющиеся образовательные индикаторы охватывают целый ряд областей. Одни относятся к затратам (например, запись в школы, расходы на образование и школьные ресурсы), тогда как другие — к промежуточным и конечным результатам (например, процент выпуска, число законченных классов, стандартные тесты, оценивающие грамотность и умение считать). Какие из этих индикаторов более релевантны, зависит от стадии развития страны и от цели образования. Имеющиеся индикаторы подчеркивают огромные расхождения по странам, в результате чего разные образовательные показатели порой выявляют противоречащие друг другу закономерности. Например, в некоторых странах успехи студентов, поступающих в университеты, могут сочетаться с распространением низких показателей у большого числа молодых людей, главным образом из семей, находящихся в самом низу социально-экономической лестницы. Такие различия будут сняты в агрегированных показателях образования (например среднего числа лет обучения), но важны для любых оценок качества

жизни. Внутри страны измерения неравенства в результатах обучения особенно важны для молодежи, находящейся в самом низу карьерной лестницы и рискующей оказаться в нищете или лишиться возможности получить высокооплачиваемую и приносящую удовлетворение работу во взрослой жизни. Поскольку образование — это важный прогностический фактор для многих сторон жизни человека, все социологические исследования обязаны систематически включать информацию, касающуюся опыта в сфере образования самих респондентов и их родителей, так же как и информацию о других факторах, формирующих качество жизни.

Один из наиболее релевантных показателей оценки влияния образования на качество жизни — оценка профессиональных навыков людей. В последние годы было разработано несколько инструментов для их стандартизированной оценки, хотя и имеющих существенные ограничения. Во-первых, и что более всего очевидно, не все страны в настоящее время начали такие исследования. Во-вторых, многие из этих инструментов разрабатывались не из расчета измерения способностей людей в широком смысле слова, но в целях оценки образовательной политики, что, как правило, требует сосредоточения на более узком наборе измеряемых навыков. В-третьих, существующие инструменты оценки часто имеют узкий охват, так как обучение в школе — это только один из способов получения знаний, развития навыков и улучшения качества жизни. Информации об опыте и «мягких» навыках, приобретаемых ребенком в ранние годы жизни, по-прежнему недостаточно, несмотря на растущие свидетельства того, что опыт раннего детства важен для обучения человека и качества его жизни в последующие годы. Инструменты измерения так-

же остаются ограниченными, когда дело доходит до сравнения уровня студентов высших учебных заведений и оценки опыта работников с точки зрения образования и обучения взрослых (хотя здесь должны наметиться изменения по мере разработки и осуществления новых исследований навыков взрослых). Что касается других характеристик качества жизни, главная проблема индикаторов — не нехватка детальной информации об образовании *как таковом*, а, скорее, нехватка исследований, измеряющих и образование, и другие результаты, важные для качества жизни на индивидуальном уровне.

Персональная деятельность

То, как люди проводят свое время, и характер их персональной деятельности имеют значение для качества жизни, независимо от порождаемого дохода. Та деятельность, которой занимаются люди, воздействует на их субъективное благополучие и с точки зрения их чувственного опыта (рис. 2.2), и с точки зрения их оценочных суждений. Говоря более широко, люди не всегда «выбирают» эти виды деятельности так же, как они распределяют свой бюджет между разными товарами, ввиду отсутствия реальных альтернатив. Кроме того, такой выбор влияет на других людей в семье и сообществе, тогда как некоторые из этих видов деятельности представляют косвенные затраты для производства (например ежедневные поездки на работу), а не для потребления.

В силу политических потребностей и возможности получения конкретных и поддающихся сравнению измерений основными видами деятельности, обсуждавшимися Комиссией, были оплачиваемые

НЕВЕРНО ОЦЕНИВАЯ НАШУ ЖИЗНЬ

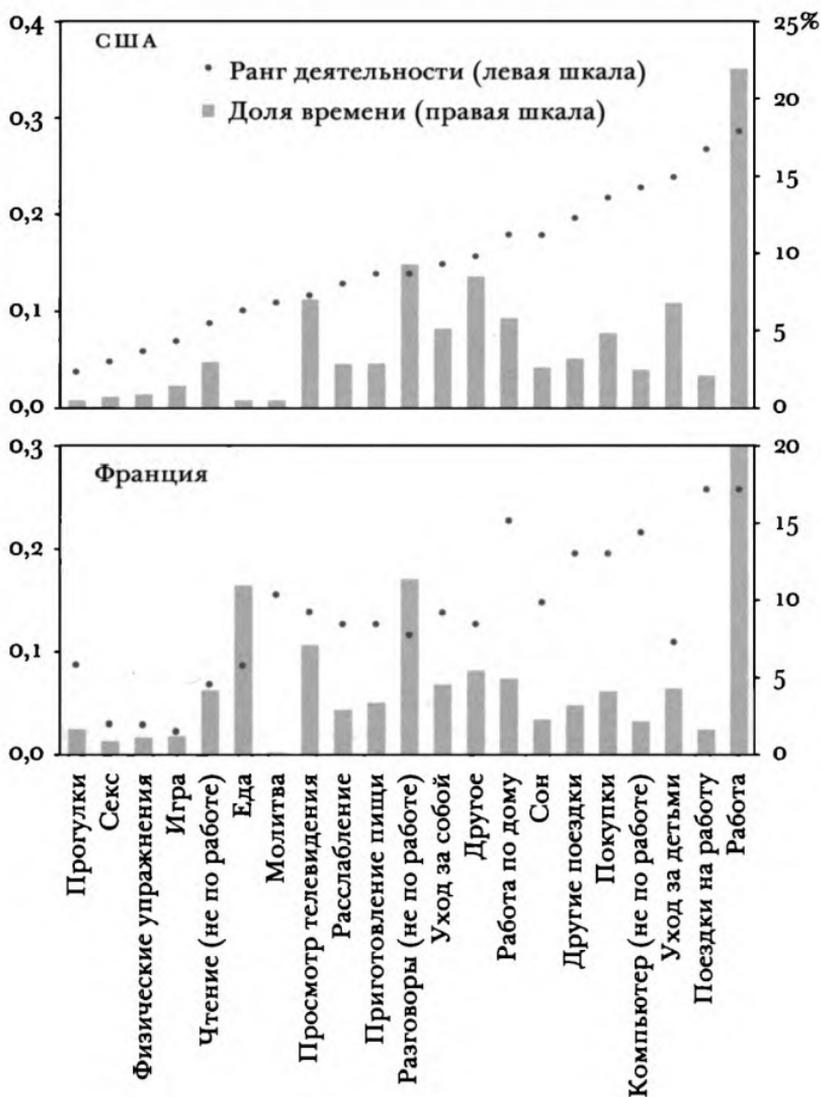

РИС. 2.2. Ранжирование персональных видов деятельности на основе чувственного опыта женщины и уделенного им времени в избранных городах Соединенных Штатов Америки и Франции

ПРИМЕЧАНИЕ: Деятельность расставлена в порядке убывания удовольствия в США. Ранжирование деятельности основано на информации о пропорции

мый труд, неоплачиваемый труд, поездки на работу и свободное время. Также обсуждалось жилье, *само по себе* и не являющееся деятельностью, но являющееся местом осуществления целого ряда видов деятельности:

- оплачиваемая работа имеет значение для качества жизни отчасти потому, что дает людям идентичность и возможности социализации среди других людей. Однако не все работы одинаково ценны в этом отношении. Это подчеркивает важность сбора более систематической информации о *качестве* оплачиваемого труда, как это уже делает ряд международных организаций в контексте продолжающихся исследований «приличной работы». Некоторые национальные исследования предоставляют информацию по многим аспектам приличной работы, таким как нестандартная занятость, возрастные разрывы в занятости и оплате, дискриминация на рабочем месте, возможности для обучения в течение всей жизни, доступ к работе для инвалидов, рабочее время и «необщественные часы», баланс между работой и жизнью, несчастные случаи на рабо-

15-минутных интервалов, когда чувственное переживание «стресса», «печали» и «боли» превосходило опыт «счастья». Данные касаются выборки женщин из Колумбуса (Огайо, США) и Ренна (Франция), опрошенных в 2006 г. в рамках «Исследования аффекта и времени» Принстонского университета.

Источник: *Alan B. Krueger, Daniel Kahneman, David Schkade, Norbert Schwarz and Arthur A. Stone. National Time Accounting: The Currency of Life, in Alan B. Krueger, (ed.), Measuring the Subjective Well-Being of Nations: National Accounts of Time Use and Well-Being. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2009. P. 9–86.*

- чем месте и физические риски, интенсивность труда, общественный диалог и автономия работников. Их практическое использование, однако, ограничено из-за небольших размеров выборки и различий в исследованиях по странам;
- неоплачиваемый домашний труд, такой как покупки и уход за детьми и другими членами семьи, важен с точки зрения оценки как суммарного количества услуг, производимых домохозяйством, так и того, как семейные обязанности распределяются между мужчинами и женщинами;
 - время на поездки на работу также имеет ключевое значение для качества работы, а его мониторинг требует информации о количестве часов, затраченных на поездку на работу и с работы за определенный период времени, а также о доступности, физической и ценовой, транспорта;
 - длительная традиция исследований подчеркивала важность свободного времени для качества жизни. Это исследование указывает на важность разработки индикаторов и количества (число часов), и качества досуга (число эпизодов, где именно его проводили, присутствие других людей), а также оценок участия в культурных событиях и «плохого досуга» (например, доли детей, которые в предшествующий год не уезжали на каникулы из дома);
 - наконец, несмотря на важность, которую жилище имеет для целого ряда социальных результатов (например образования детей), в настоящее время не существует ядра жилищных индикаторов, которые можно было бы использовать для международного сравнения. Исправление этой ситуации потребует лучшей информированности о числе людей, у которых нет жилья или которые живут в приютах, и о качестве жилья (на-

пример, в том, что касается наличия местных услуг и перенаселенности).

В нескольких случаях подходящие индикаторы в этих разных областях уже существуют, и задача в том, чтобы улучшить то, что уже было достигнуто в прошлом. Однако в других областях существующие измерения имеют серьезные недостатки, и прогресс требует инвестиций в новые статистические мощности. Для всех вышеописанных видов персональной деятельности то, что они в центре внимания, оценка того, как люди проводят свое время. Время — естественная единица измерения для сравнения видов персональной деятельности и (как утверждалось в главе 1) важнейший исходный параметр для построения вспомогательных счетов домохозяйств. Одним из приоритетов должна быть разработка инструментов измерения, фундированных в четких определениях и основанных на хорошо продуманных исследованиях, которые представляют закономерности, действующие в течение всего года, и проводятся с достаточной регулярностью, — все это требования, которые редко выполняются. В идеале эти исследования должны охватывать и количество времени, потраченное на разные виды деятельности, и чувства, которые они вызывают. Это важно, поскольку одна и та же деятельность может порождать самый разный чувственный опыт в зависимости от положения человека (например, от того, безработный он или нет); эта информация также важна для оценки неравенства разных групп общества (например по полу). Хотя эти инвестиции в статистические мощности недешевы и соперничают с другими приоритетами, их польза для исследований качества жизни потенциально велика.

*Политическое представительство
и управление*

Политическое представительство — это неотъемлемая сторона качества жизни. По сути, возможность участвовать в политической жизни в качестве полноправного гражданина, высказываться при разработке политики, без страха выражать несогласие и выступать против того, что человек считает неправильным, относится к основным свободам. Говоря практически, политическое представительство может скорректировать общественную политику: оно может усилить подотчетность официальных лиц и общественных институтов, выявить то, в чем люди нуждаются и что ценят, и привлечь внимание к существенным лишениям. Политическое представительство также сокращает потенциал для конфликтов и усиливает перспективу достижения консенсуса по ключевым вопросам, с выигрышами в экономической эффективности, социальном равенстве и включенности в общественную жизнь.

Открывающиеся возможности для политического представительства и степень восприимчивости политической системы зависят от институциональных особенностей каждой страны, таких как наличие работающей демократии, всеобщего избирательного права, свободных средств массовой информации и организаций гражданского общества. Они также зависят от некоторых ключевых аспектов управления, таких как законодательные гарантии и верховенство закона. Законодательные гарантии включают в себя и конституционные права, и права, предоставляемые общими законами, которые улучшают качество жизни всех жителей страны и отражают социальный консенсус, превалирующий в разных странах и в разное

время. Структура законодательства также может влиять на инвестиционный климат в стране и, тем самым, сказываться на функционировании рынка, экономическом росте, создании рабочих мест и материальном обеспечении. Однако чтобы реализовать свой потенциал, юридические гарантии требуют эффективного внедрения и независимо правосудия, которые зависят от того, как функционируют разные институты (например, полиция, судебная система и различные административные службы), свободны ли они от коррупции, политического вмешательства и социальных предрассудков и отчитываются ли за свои решения.

Сравнения, основывающиеся на существующих индикаторах политического представительства и управления, выявляют большие различия между странами, в особенности теми из них, в которых имеется долгая история функционирования демократии, и теми, которые только недавно перешли от авторитарных к демократическим режимам и еще не учредили всего спектра прав и свобод. Однако даже в развитом мире слабая вера в общественные институты и спад участия в политике указывают на растущую пропасть между тем, как граждане и политические элиты воспринимают функционирование демократических институтов. Кроме того, есть систематические различия в том, как разные политические группы осуществляют свое политическое представительство, а также различия в фундаментальных правах и возможностях участия в гражданской жизни этих стран, в особенности между гражданами и растущим числом иммигрантов.

Индикаторы политического голоса и управления должны помочь оценить функционирование многопартийной демократии и всеобщего избирательного

права, уровень участия в государственных решениях на местном уровне и наличие свободной прессы и различных свобод (например, свободы образовывать и вступать в гражданские организации, профессиональные союзы и органы, или участвовать в гражданской и общественной деятельности). Релевантные индикаторы должны охватывать права, заложенные в конституции, законодательстве (например, в том законодательстве, которое поддерживают гражданский и уголовный суд, равенство, включение, подотчетность и позитивная дискриминация), международных соглашениях по правам человека и основным свободам, а также функционирование судебной системы (например, ее независимость от коррупции и политических влияний, скорость, с которой она выносит судебные решения и ее доступность, как для граждан, так и резидентов). Многие из этих индикаторов обычно подсчитываются органами, выходящими за границы национальной статистической системы, и основываются главным образом на мнении экспертов. Эти индикаторы должны быть дополнены, а в некоторых случаях и заменены, исследованиями мнений самих граждан о том, насколько хорошо работают политические, юридические и исполнительные институты, о том, с какими трудностями доступа к ним они сталкиваются и какое доверие им оказывают. Такие исследования также должны фиксировать неравенство в доступе к подобным институтам разных социально-экономических групп.

Социальные связи

Социальные связи улучшают качество жизни разными способами. Люди, у которых больше социальных связей, сообщают о более высокой оценке жиз-

ни, поскольку многие из приятных видов личной деятельности включают в себя общение с другими людьми. Выгода от социальных связей распространяется на здоровье людей и на вероятность найти работу, а также на некоторые характеристики мест, в которых люди живут (например, на уровень преступности и успеваемость в местных школах). Эти социальные связи иногда называют «социальным капиталом», чтобы подчеркнуть выгоды (прямые и косвенные), которые они приносят. Как и с другими типами капитала, экстерналии, исходящие от социального капитала, иногда могут быть негативными: например, принадлежность к группе может усиливать чувство уникальной личной идентичности, которое питает климат насилия и конфронтации с другими группами. Это, однако, показывает, насколько важно совершенствовать анализ *природы* этих социальных связей и *широты* их эффекта, а также избегать недооценки их значения. Имеющиеся факты демонстрируют, что социальные связи приносят пользу людям из сетей, при этом их воздействие на неучаствующих людей зависит и от характера группы, и от рассматриваемых эффектов.

Движущие силы изменений в социальных связях людей не всегда понятны. Социальные связи обеспечивают услуги людям (например, страхование, безопасность), при этом развитие как рынков, так и государственных программ может привести к ослаблению связей индивидов с их сообществом в силу предоставления альтернативных вариантов. Ясно одно: упадок таких связей может негативно сказаться на жизни людей, даже когда их функции берут на себя рыночные или государственные альтернативы, повышающие уровень экономической активности (например, когда неформальный надзор со стороны соседей заменяется на получающих

зарплату охранников). Для того чтобы избежать предвзятой оценки благосостояния человека, необходимы измерения этих социальных связей.

Исследования социальных связей традиционно основывались на прокси-измерениях, например, на измерении индивидуального членства в ассоциациях или частотности деятельности, которая, предположительно, является результатом социальных связей (например, альтруистического поведения и порога явки). Однако сегодня принято считать, что это не очень удачные способы измерения социальных связей и что более надежные измерения требуют исследований поведения и деятельности людей. В последние годы целый ряд статистических агентств (в Великобритании, Австралии, Канаде, Ирландии, Нидерландах, а совсем недавно в Соединенных Штатах) начали исследования, измеряющие различные формы социальных связей. Например, специальные модули исследований рабочей силы в США спрашивают людей о степени их участия в гражданской и политической жизни, членстве в различных организациях и волонтерской работе, их отношениях с соседями и членами семьи и о том, откуда они получают информацию и новости. Повсюду должны быть внедрены подобные исследования, опирающиеся на вопросы и протоколы, которые позволяют делать надежные сравнения по странам и по времени. Также необходимо добиться прогресса в измерении дополнительных аспектов социальных связей (таких как доверие к людям, социальная изоляция, наличие неформальной поддержки в случае необходимости, вовлеченность в жизнь трудового коллектива и в религиозную деятельность, дружба, пересекающая границы расы, религии и социального класса) с опорой на опыт, накопленный в этих областях некоторыми странами.

Экологические условия

Экологические условия важны не только для устойчивости, но также и потому, что они непосредственно воздействуют на качество жизни людей. Во-первых, они влияют на здоровье человека прямо (через загрязнение воды и воздуха, опасные вещества и шум) и косвенно (через изменение климата, трансформации цикла углерода и воды, утрату биоразнообразия и природные бедствия, влияющие на здоровье экосистем). Во-вторых, люди получают выгоду от экологических услуг, таких как доступ к чистой воде и зонам отдыха, и их права в этой области (включая право на доступ к экологической информации) подверглись существенной реорганизации. В-третьих, люди оценивают природные удобства или неудобства, и эти оценки влияют на их выбор (например места жительства). Наконец, изменения в окружающей среде могут привести к климатическим изменениям или стихийным бедствиям, таким как засухи и наводнения, которые наносят вред и имуществу, и жизни пострадавших от них людей.

Однако измерение воздействия состояния окружающей среды на жизнь людей производить сложно. Эти эффекты проявляются на разной временной шкале, и их воздействие варьируется в зависимости от характеристик людей (например, того, где они живут и работают, их обмена веществ). Более того, сила этих отношений часто недооценивается из-за ограничений в существующем научном понимании и в степени того, насколько систематичным было изучение воздействия многих экологических факторов.

Большой прогресс был достигнут за последние два десятилетия с точки зрения измерения состоя-

ния окружающей среды (благодаря более точным данным об окружающей среде, регулярному мониторингу индикаторов и средств учета), понимания ее воздействия (например, оценка связанной с экологией заболеваемости и смертности, производительности труда, экономических ставок, ассоциирующихся с климатическим изменением, изменения биоразнообразия, ущерб от катастроф) и установления права на доступ к информации об окружающей среде. Целый ряд экологических индикаторов может использоваться для измерения давления человека на окружающую среду, реакции административных органов, фирм и домохозяйств на ее ухудшение и реальное состояние ее качества.

Однако в том, что касается качества жизни, существующие индикаторы остаются весьма ограниченными в важных отношениях. Например, показатели выбросов относятся в основном к совокупным количествам разных загрязняющих веществ, а не к доле людей, подвергающихся воздействию их опасных доз. Следовательно, существующие индикаторы должны быть заменены разными другими методами, включая регулярный мониторинг количества преждевременных смертей из-за загрязнения воздуха, количества людей, у которых нет доступа к услугам водоснабжения и к природе или которые подвергаются воздействию опасных уровней шума или загрязнения, мониторинг ущерба, наносимого экологическими бедствиями. Необходимы исследования, измеряющие чувства людей и их оценки состояния окружающей среды. Поскольку многие экологические эффекты, воздействующие на качество жизни, по-разному воспринимаются разными людьми, эти индикаторы должны относиться к людям, сгруппированным по различным критериям классификации.

Отсутствие личной безопасности

Отсутствие чувства личной безопасности включает в себя внешние факторы, которые ставят под угрозу физическую неприкосновенность каждого человека: преступления, несчастные случаи, стихийные бедствия и климатические изменения — одни из наиболее очевидных факторов⁴. В экстремальных случаях эти факторы могут привести к смерти человека. Хотя на эти факторы приходится меньшая доля всех смертей и они попадают в статистику по общей смертности, одно из обоснований необходимости заниматься их специальным измерением — тот факт, что их воздействие на эмоциональную жизнь людей значительно отличается от воздействия смертей, вызванных медицинскими причинами, как показывает то существенное воздействие, которое на субъективное благополучие людей оказывает тяжелая утрата.

Менее экстремальные проявления отсутствия личной безопасности, такие как преступность, влияют на качество жизни гораздо большего числа людей, а еще большее число людей сообщает о страхе стать жертвой физической агрессии. Одна из примечательных особенностей сообщений о субъективном страхе преступности — то, сколь мало он связан с пережитой виктимизацией: страны, в которых выше доля людей, сообщающих о боязни преступности, не сталкиваются с более высокой виктимизацией, тогда как внутри стран более старые и более богатые люди чувствуют себя в меньшей безопасности, чем более молодые и более бедные, несмотря на это, у них меньше вероятности стать жертвой преступления.

4. Об отсутствии экологической безопасности здесь не говорится, поскольку эта проблема рассматривается выше.

Эти закономерности выявляют важность разработки более регулярных и надежных способов измерения личной безопасности, чтобы сориентировать общественное обсуждение. Исследования виктимизации — важнейший инструмент оценки уровня преступности и страха, который она порождает. Другие инструменты должны быть мобилизованы для того, чтобы оценить угрозы личной безопасности, такие как домашнее насилие и насилие в странах, раздираемых конфликтами и войнами.

Экономическая неуверенность

Неуверенность в отношении материальных условий, которые могут возобладать в будущем, отражает целый ряд рисков, связанных, в частности, с безработицей, болезнями и старостью. Реализация этих рисков имеет негативные последствия для качества жизни, зависящие от того, насколько страшен шок, его продолжительности, связанной с ним стигматизации, степени неприятия человеком рисков и финансовых последствий.

Потеря работы может привести к экономической неуверенности, когда безработица постоянная или рекуррентная (повторяющаяся) и когда выплаты по ней низки по сравнению с прошлыми доходами или когда работники в поисках новой работы вынуждены мириться с урезанием заработной платы, сокращением часов работы или и с тем и с другим одновременно. Отсутствие гарантий по трудоустройству имеет одновременно и сиюминутные последствия (поскольку замещающий доход, как правило, ниже дохода на прошлой работе), и долгосрочные (из-за потенциальной потери в заработной плате, когда человек все-таки находит работу). Хотя для этих последствий имеются индикаторы,

проводить сравнение по разным странам сложно, поэтому требуются специальные капиталовложения в это направление. Неуверенность в трудовой занятости также можно измерить, попросив работников оценить надежность нынешней работы или свои ожидания касательно возможности потери работы в ближайшем будущем. Страх потерять работу может иметь негативные последствия для качества жизни работников (например, физические и психические заболевания, конфликты в семейной жизни), а также для фирм (например, отрицательное воздействие на мотивацию и производительность работников, более слабая идентификация с корпоративными задачами) и для общества в целом.

Болезнь может вызвать экономическую неуверенность и прямо и косвенно. Людей без медицинского страхового полиса (или с частичной страховкой) расходы на лечение могут полностью разорить, загнав в долги, заставив продать дом и имущество или обходиться без лечения, что может привести к еще более серьезным последствиям в будущем. Один из индикаторов экономической неуверенности, связанной с болезнями, — доля людей, не имеющих медицинского страхового полиса. Однако медицинская страховка может покрывать разные случаи, но даже застрахованные люди могут столкнуться с высокими расходами, которые придется покрывать из своего кармана в случае болезни. К этим расходам на медицину следует добавить потерю дохода, которая случается, когда человеку приходится приостанавливать работу, а медицинская (или любая другая) страховка не обеспечивает замещающего дохода.

Пожилкой возраст *сам по себе* не является риском, но он все-таки предполагает экономическую неуверенность в своих потребностях и ресурсах после

ухода с рынка труда. Особое значение имеют два типа риска. Первый — риск недостатка ресурсов после выхода на пенсию, из-за недостаточных пенсионных выплат или увеличения потребностей в связи с болезнями или инвалидностью. Второй — риск волатильности пенсионных выплат: хотя все системы пенсионного дохода подвергаются *некоторым* типам риска, увеличение роли частного сектора в финансировании пенсий по старости (в форме как трудовых пенсий, так и пенсионных накоплений) позволило пенсионным системам многих стран расширить охват населения, но за счет перекладывания риска с государства и компаний на частных лиц, что привело к еще большему росту их неуверенности.

Множество факторов, формирующих экономическую неуверенность, отражается в целом ряде разнообразных подходов к их измерению. Некоторые подходы пытаются рассчитывать частотность специфических рисков, тогда как другие обращены на материализующиеся последствия риска и на имеющиеся у людей средства защиты от них (в особенности, ресурсы, которые дают программы социального страхования). Всеобъемлющая мера экономической неуверенности в идеале учитывала бы частотность каждого риска и его последствий, и некоторые попытки в этом направлении уже делаются. Следующая проблема — агрегирование по разным категориям рисков, которые формируют экономическую неуверенность, поскольку для оценки степени интенсивности индикаторов, описывающих эти риски, не хватает общих методов измерения. Последняя, еще более сложная проблема — учет долгосрочных последствий для качества жизни различных мер, используемых для ограничения экономической неуверенности (через их воздействие на безработицу и участие трудовой силы).

Перекрестные вопросы

Большинство из вышеописанных проблем с измерениями имеют свою специфику применительно к каждому отдельному аспекту качества жизни, и Комиссия только наметила ту работу, которую требуется проделать, оставив агентствам, имеющим специальные знания в каждой из областей, разработку детальных планов конкретных действий. Другие вопросы, однако, являются общими и едва ли будут затронуты инициативами, предпринимаемыми по отдельности в каждой области⁵. Три из этих проблем заслуживают особого внимания.

Неравенство в качестве жизни

Первая перекрестная проблема, связанная с индикаторами качества жизни, — детально отразить *неравенство* в индивидуальных условиях с точки зрения различных аспектов жизни, а не просто описать *средние* условия жизни в каждой стране. В некоторой степени неспособность учесть такое неравенство объясняет «растущую пропасть», на которую указал президент Франции, образовав эту комиссию, между совокупной статистикой, господствующей в обсуждениях политики, и чувствами, которые люди испытывают в отношении своей жизненной ситуации.

5. Хотя отсутствие безопасности трактуется как объективный фактор, влияющий на качество жизни, он может также рассматриваться как междисциплинарный вопрос из-за большого многообразия рисков, которым подвергаются индивиды. Отнесение отсутствия безопасности к объективным факторам много обсуждалось и является общепринятым.

Если традиционные методы и источники данных могут использоваться для измерения неравенства в распределении экономических ресурсов весьма надежным образом, в том, что касается неденежных аспектов качества жизни, ситуация гораздо менее удовлетворительная. Это особенно верно, учитывая, что это неравенство не всегда может быть описано при помощи информации о *размере* распределения конкретных характеристик вокруг их средней величины. Например, различия в продолжительности жизни людей могут отражать генетические различия, которые распределены среди населения случайным образом: в этих обстоятельствах сужение общего распределения продолжительности жизни не сделало бы общество менее «неравным» в каком-либо моральном смысле.

Проблемы, однако, глубже разработки подходящих показателей. Существует много видов неравенства, и каждое значимо само по себе: отсюда следует, что мы должны избегать допущения, что одно из них (например неравенство в доходах) всегда будет охватывать все остальные. В то же время некоторые виды неравенства могут взаимно подкреплять друг друга. Например, половое неравенство, будучи весьма распространенным в большинстве стран и групп, обычно гораздо острее в домохозяйствах с более низким социально-экономическим статусом: во многих развивающихся странах комбинированный эффект пола и социально-экономического статуса часто не дает молодым женщинам из бедных семей посещать школу и получать хорошую работу, лишая их возможностей самовыражения и политического представительства и подвергая воздействию вредных факторов, угрожающих здоровью. Измерение некоторых видов такого рода неравенства (например, связанных с классом и со-

циально-экономическим статусом) с годами внесло вклад в широкий инструментарий мероприятий и институтов, ставящих перед собой цель уменьшить их силу и последствия. Другие виды неравенства, такие как неравенство этнических групп, имеют недавнее происхождение (по крайней мере, в странах, которые пережили большие волны иммиграции) и неизбежно будут обостряться в будущем по мере роста иммиграции.

Очень важно, чтобы эти виды неравенства оценивались целиком, с изучением различий в качестве жизни между разными людьми, группами и поколениями. Более того, поскольку люди могут классифицироваться по разным критериям, каждый из которых будет иметь некоторое отношение к их жизни, необходимо измерять и документировать разные виды неравенства для множества разных групп. Нужно разрабатывать подходящие исследования для оценки взаимодополняемости разных видов неравенства и для выявления их причин. Перед сообществом статистиков стоит задача регулярного предоставления подходящих данных для такого рода анализа.

*Оценка связей между разными аспектами
качества жизни*

Вторая междисциплинарная проблема, которая уже отчасти упоминалась выше, — совершенствование оценки *отношений* между разными аспектами качества жизни. Некоторые из самых важных вопросов политики, возникающих в этой связи, относятся к тому, как изменения в одной области (например в образовании) влияют на изменения в других областях (например, на состояние здоровья, политическое представительство и социальные связи) и как

эти изменения во всех областях соотносятся с изменениями в доходе. Хотя некоторые из этих отношений, особенно на уровне индивида, плохо измеряются и неадекватно понимаются, игнорирование кумулятивных эффектов множества несчастий ведет к субоптимальной политике. Например, потеря в качестве жизни из-за бедности и болезни значительно превосходит сумму двух этих эффектов, взятых по отдельности, из чего следует, что государства, возможно, должны четче нацеливать свои действия на тех, кто аккумулирует эти несчастья.

Оценка этих связей между разными аспектами качества жизни — непростое дело, поскольку статистическая система продолжает оставаться крайне сегментированной по дисциплинам, в результате чего инструменты измерения в каждой области обращают мало внимания на достижения в других областях. Но прогресса можно достичь путем развития информации о «совместном распределении» большинства выделяемых характеристик качества жизни (таких как чувственный опыт, состояние здоровья, образование, политическое представительство) среди всего населения. Хотя в полном объеме такая информация может быть получена только в отдаленном будущем, конкретные шаги в этом направлении могут быть сделаны, если включать во все исследования несколько стандартных вопросов, позволяющих классифицировать респондентов на основании ограниченного набора характеристик и описывающих их положение в широком диапазоне областей. Должны также производиться инвестиции в развитие панельных исследований, которые позволили бы одновременно изучить личные характеристики людей и лучше проанализировать направление действия причинности, исходящей от различных факторов, определяющих жизнь.

*Агрегирование перекрестных данных
по разным аспектам качества жизни*

Третья перекрестная проблема, с которой сталкиваются исследования качества жизни, — *агрегирование* богатого арсенала измерений экономным образом. Вопрос об агрегации данных оказывается одновременно и специфическим для каждого параметра качества жизни (как в случае сочетания смертности и заболеваемости в области здравоохранения), и более общим, требуя оценки и накапливания достижений в различных областях жизни, для каждого человека и для общества в целом. Поиски скалярных измерений качества жизни часто воспринимаются как единственный наиболее важный вызов, с которым сталкивается изучение качества жизни. Хотя акценты расставлены не совсем верно — информационное содержание любого совокупного индекса всегда будет отражать качество измерений, использовавшихся для его расчета, — в этой области много вопросов, и статистические агентства должны сыграть свою роль в ответе на них.

Традиционно наиболее общий ответ на этот запрос на экономность в исследованиях качества жизни состоял в том, чтобы агрегировать несколько индикаторов (подходящим образом выбранных и масштабированных) *среднего* развития в различных областях на уровне страны. Наиболее известный пример этого подхода — Индекс развития человеческого потенциала. Этот показатель сыграл (и продолжает играть) важную роль в коммуникации, приводя к рейтингованию стран, существенно отличающемуся от рейтингования, основанного на среднедушевом ВВП, в особенности, в случае некоторых менее развитых стран. Однако выбор весов, использующихся для создания этого и других

подобных индексов, отражает ценностные суждения, имеющие противоречивые последствия: например, добавление *логарифма* среднедушевого ВВП к *уровню* ожидаемой продолжительности жизни (как это делается в Индексе развития человеческого потенциала) имплицитно оценивает дополнительный год ожидаемой продолжительности жизни в США в 20 раз выше, чем дополнительный год жизни в Индии. В более фундаментальном смысле, поскольку эти измерения основаны на средних значениях по странам, они игнорируют значимые корреляции между различными параметрами качества жизни у разных людей и ничего не говорят о распределении этих индивидуальных состояний в каждой стране. Например, скалярный индекс не изменится, если среднее развитие в каждой области останется тем же, тогда как накопление преимуществ и недостатков для одного и того же человека по разным областям жизни со временем будет меняться.

Возможно несколько агрегатных измерений качества жизни в зависимости от избранной философской перспективы и рассматриваемого вопроса. Одни из таких показателей уже спорадически используются (например, средние уровни удовлетворенности жизнью для страны целом и составные индексы, такие как Индекс развития человеческого потенциала, в центре которого, главным образом, развивающиеся страны) и могли бы быть расширены благодаря основанным на опросах измерениям психологического здоровья людей, чувств и оценок и рассмотрению дополнительных аспектов качества жизни. Другие могут быть внедрены, если национальные статистические системы сделают необходимые инвестиции, чтобы предоставить вид данных, требующийся для проведения их расчетов. Например, U-индекс, т. е. пропорция вре-

мени человека, в течение которого самое сильное из испытываемых им чувств, по его словам, является негативным (см. рис. 2.2), требует сбора информации об эмоциональных ощущениях во время конкретных эпизодов из исследований использования времени. Сходным образом методы, основанные на подсчете частоты и интенсивности различных объективных черт для каждого человека (что связано с подходом с точки зрения возможностей), прежде чем перейти к определению среднего по стране, требуют информации о совместном распределении различных объективных характеристик. Наконец, понятие «эквивалентного дохода» (которое связано с подходом с точки зрения справедливого распределения) требует информации о положении людей с учетом разных аспектов качества жизни и об их предпочтениях в отношении этого положения (для данного референтного уровня в каждой области).

В целом разные подходы приведут к разным скалярным измерениям качества жизни для каждой страны и к разным характеристикам людей, классифицируемых как «живущие плохо». Например, в выборке российских респондентов люди в нижнем квинтиле распределения эквивалентного дохода сообщают о худшем состоянии здоровья и более высоком проценте безработицы по сравнению с людьми, идентифицированными в качестве «живущих плохо» на основе либо их потребительских трат, либо субъективных оценок жизни (рис. 2.3). Отсюда можно сделать вывод, что вместо того чтобы заниматься конструированием единой суммарной меры качества жизни, статистические системы должны предоставлять данные, требующиеся для расчета различных агрегатных измерений в соответствии с философской перспективой каждого, кто пользуется данными.

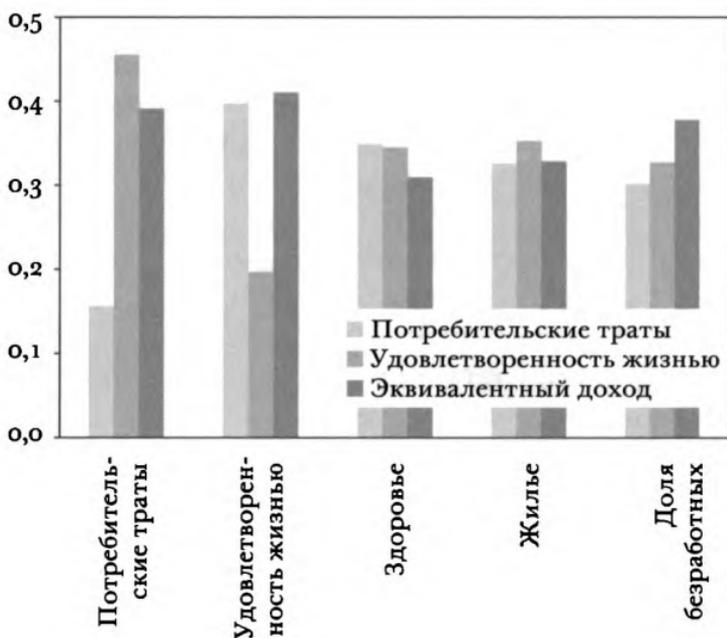

РИС. 2.3. Характеристики наиболее обездоленных людей согласно различным измерениям качества жизни, Россия, 2000 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Данные относятся к людям, считающимся «живущими плохо» (т. е. находящимся в нижнем квинтиле распределения) согласно трем различным измерениям их качества жизни: а) потребительским тратам домохозяйства (с поправкой на число людей в каждом домохозяйстве); б) удовлетворенности жизнью (основываясь на вопросе «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» с ответами по пятибалльной шкале) и в) измерению эквивалентного дохода на основе четырех «функционирований», т. е. на сообщениях о здоровье, статусе занятости, качестве жилья и о фактах задержки зарплаты. Для каждого из этих трех измерений качества жизни цифра указывает на средний уровень различных факторов, определяющих качество жизни среди тех, кто «живет плохо», основываясь на одном измерении относительно тех, что основываются на всех остальных.

Источник: *Marc Fleurbaey, Erik Schokkaert and Koen Deconck*. What good is happiness? CORE Discussion Paper,

Основные идеи и рекомендации

Качество жизни включает целый ряд факторов, делающих жизнь стоящей, включая те, что не продаются и не покупаются на рынках и не фиксируются монетарными измерениями. Хотя некоторые системы расширенного экономического учета включают кое-какие дополнительные элементы, определяющие качество жизни в общепринятых монетарно-ориентированных измерениях экономического благосостояния, существуют пределы того, что можно достичь при помощи такого подхода. Другие индикаторы призваны сыграть важную роль в измерении социального прогресса, и недавние успехи в исследованиях привели к созданию новых надежных измерений для, по крайней мере, некоторых аспектов качества жизни. Эти оценки, хотя они и не замещают общепринятые экономические индикаторы, дают возможность обогатить политические дебаты и повлиять на то, как люди смотрят на сообщества, в которых живут; сегодня они имеют потенциал для перехода из науки в стандартную статистическую практику. Рекомендации Комиссии в этой сфере можно резюмировать следующим образом:

РЕКОМЕНДАЦИЯ 1: *Измерения субъективного благополучия дают ключевую информацию о качестве жизни людей.* Статистические агентства должны включать в свои анкеты вопросы, выясняющие, как люди оценивают свою жизнь, чувственный опыт и приоритеты.

2009/17, Université catholique de Louvain, Belgium. Расчеты основаны на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения.

Исследования показали, что возможно собрать осмысленные и надежные данные о субъективном благополучии. Субъективное благополучие охватывает разные аспекты (когнитивная оценка своей жизни, позитивные эмоции, такие как радость и гордость, и негативные эмоции, такие как боль и беспокойство): каждый из них должен измеряться по отдельности, чтобы получить более полную оценку жизни людей. Количественные измерения этих субъективных аспектов позволят надеяться на то, что возможно не только хорошее измерение качества жизни *самого по себе*, но также лучшее понимание его определяющих факторов, помимо дохода и материального положения людей. Несмотря на то что многие вопросы по-прежнему остаются нерешенными, такие субъективные оценки дают важную информацию о качестве жизни. Поэтому типы вопросов, доказавшие свою ценность в мелкомасштабных, неофициальных исследованиях, следует включать в широкомасштабные исследования, проводимые официальными статистическими органами.

Рекомендация 2: *Качество жизни также зависит от объективного положения людей и имеющихся у них возможностей.* Должны быть предприняты шаги для улучшения измерения состояния здоровья людей, образования, персональной деятельности, политического представительства, социальных связей, условий окружающей среды и отсутствия безопасности.

Информация, относящаяся к оценке качества жизни, не сводится к тому, что люди сообщают о себе, и к их восприятию, включая в себя измерения их функционирования и свобод. Хотя точный перечень этих параметров будет неизбежно основываться на ценностных суждениях, существует

консенсус в отношении того, что качество жизни зависит от здоровья и образования людей, их повседневной деятельности (которая включает в себя право на приличную работу и жилье), их участия в политическом процессе, социальной и природной среды, в которой они живут, и факторов, определяющих личную экономическую безопасность. Измерение всех этих параметров требует как объективных, так и субъективных данных. Проблема, стоящая во всех этих областях, — усовершенствовать уже достигнутое, выявить пробелы в имеющейся информации и инвестироваться в статистические мощности в областях (таких, например, как использование времени), где существует дефицит индикаторов.

Рекомендация 3: Индикаторы качества жизни во всех областях должны полностью охватывать неравенство. Неравенство в положении людей — неотъемлемая часть любой оценки качества жизни по разным странам и его развития во времени. Каждый аспект качества жизни требует специальных измерений неравенства, каждое из которых значимо само по себе и не претендует на абсолютный приоритет над другими. Должно оцениваться неравенство среди разных людей, социально-экономических групп и поколений, при этом особое внимание должно уделяться неравенству, возникшему в недавнее время, например в связи с иммиграцией.

Рекомендации 4: Исследования должны разрабатываться таким образом, чтобы оценивать связи между различными аспектами качества жизни для каждого человека, и эта информация должна использоваться при разработке политики в различных сферах. Крайне важно обратиться к вопросам о том, как развитие

в одной из областей качества жизни влияет на другие области и как развитие во всех разнообразных областях соотносится с доходом. Это важно, поскольку последствия наличия множества неудобств для качества жизни далеко превосходят сумму их индивидуальных эффектов. Разработка измерений этих кумулятивных эффектов требует информации о «совместном распределении» наиболее выделяющихся особенностей качества жизни по всем людям в стране посредством специальных исследований. Шаги в этом направлении уже могут быть сделаны, если включать в исследования несколько стандартных вопросов, позволяющих классифицировать респондентов на основе ограниченного набора характеристик. При разработке политики в конкретных областях индикаторы, относящиеся к различным аспектам качества жизни, должны рассматриваться вместе, чтобы учесть взаимодействие между ними и потребности людей, оказавшихся в неблагоприятном положении сразу в нескольких отношениях.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 5: Статистические агентства должны предоставлять информацию, необходимую для агрегирования перекрестных данных по аспектам качества жизни, что позволяет конструировать разные скалярные индексы. Хотя оценка качества жизни требует плюрализма индикаторов, существует сильная потребность в создании единого скалярного измерения. Возможно несколько скалярных измерений качества жизни в зависимости от изучаемого вопроса и избранного подхода. Некоторые из этих измерений уже используются, например средний уровень удовлетворенности жизнью для страны в целом или составные индексы, которые агрегируют средние величины по разным областям, такие как Индекс развития человеческого потенциа-

ла. Другие показатели можно было бы внедрить, если бы национальные статистические системы сделали бы необходимые инвестиции, чтобы обеспечить данные, требующиеся для их расчета. Они включают в себя измерения пропорции времени, в течение которого, по словам респондента, самое сильное из испытываемых им чувств — негативное, измерения, основанные на подсчете частоты и интенсивности различных объективных особенностей жизни людей, и измерения (эквивалентного дохода), основанные на положении и предпочтениях людей.

Устойчивое развитие и окружающая среда¹

Введение

В ДВУХ первых главах пространно обсуждались измерения текущего благосостояния: тех его аспектов, которые могут быть суммированы в денежных единицах (см. главу 1), или тех, которые хуже поддаются переводу в них (см. главу 2).

Вопрос об устойчивости, который поднимает последняя глава, носит иной характер. Устойчивость ставит проблему определения того, можем ли мы надеяться, что текущий уровень благосостояния будет, по крайней мере, сохраняться в будущие периоды времени и для будущих поколений, или же вероятнее сценарий, в котором он пойдет на спад. Это уже не вопрос об измерении настоящего, а о предсказании будущего, и это перспективное измерение умножает трудности, которые уже встречались нам в первых двух главах.

Несмотря на эти трудности, было сделано множество предложений по количественному измерению устойчивости, которое берет свое начало в основополагающих трудах, таких как «Устойчивое измерение экономического благосостояния» Нордхауса и Тобина в 1970-е гг., или идет вслед за мощным толчком, данным докладом Брантлэнда в 1987 г.

1. Факты и ссылки, подкрепляющие эти утверждения, представлены в сопроводительном техническом докладе.

и саммитом в Рио на переломе 1990-х гг. В начале этой главы даётся краткий обзор этих предложений. Мы увидим, что многим из них не удалось провести четкого различия между измерением текущего благосостояния и оценкой устойчивости. Говоря простыми словами, многие предложения пытаются охватить все три области, изучаемые в трех подгруппах Комиссии, и порой пытаются суммировать их при помощи одного числа. Но Комиссия структурировала свой подход совершенно иначе, и у нее были на то веские основания. Мы твердо убеждены, что устойчивость заслуживает отдельного измерения, и в этой главе мы сосредоточим внимание на вопросе устойчивости *в строгом смысле слова*.

Такое ограничение позволяет сосредоточиться на том, что в литературе называется «богатством» или подходом к устойчивости, «ориентированным на запасы». Идея состоит в следующем: благосостояние будущих поколений по сравнению с нашим будет зависеть от тех ресурсов, которые мы им оставим. Это касается самых разных форм ресурсов. Будущее благосостояние будет зависеть от размеров запасов исчерпаемых ресурсов, которые мы оставим будущим поколениям. Оно будет зависеть также от того, насколько хорошо мы поддерживаем количество и качество всех остальных возобновимых природных ресурсов, которые необходимы для жизни. Со строго экономической точки зрения оно также будет зависеть от того, сколько физического капитала — машин и зданий — мы передадим будущим поколениям, и от того, сколько мы вкладываем в создание человеческого капитала этих поколений, в особенности через затраты на образование и науку. Кроме того, благосостояние будущих поколений зависит от качества институтов, которые мы им передадим и которые представляют

собой еще одну форму «капитала», имеющую ключевое значение для правильного функционирования человеческого общества.

Как мы можем измерить, достаточно ли активов будет оставлено или накоплено для будущих поколений? Иными словами, когда мы можем сказать, что живем сейчас не по средствам? В частности, есть ли какая-то разумная надежда на то, что это можно охарактеризовать одной простой цифрой, которая могла бы сыграть для устойчивости ту роль, которую ВВП уже давно играет для измерения экономического развития? Одна из причин подобных поисков — желание избежать размножения конкурирующих друг с другом цифр. Однако если мы хотим этого добиться, нам нужно преобразовать весь запас ресурсов, передаваемых будущим поколениям, в общую систему мер, денежную или нет.

Мы должны более подробно обсудить, почему такая цель кажется слишком амбициозной. Агрегирование гетерогенных показателей кажется до некоторой степени возможным в случае физического и человеческого капитала или некоторых природных ресурсов, которые продаются и покупаются на рынках. Но эта задача представляется гораздо более сложной для большинства природных активов из-за отсутствия релевантных рыночных цен и многочисленных неопределенностей в отношении того, как эти природные активы будут взаимодействовать с другими аспектами устойчивости в будущем. Это побуждает нас предложить прагматический подход, сочетающий денежный индикатор, который мог бы посылать нам разумные сигналы об экономической устойчивости, и набор физических индикаторов, относящихся к проблемам окружающей среды. Мы приводим некоторые примеры таких физических индикаторов, од-

нако в конечном счете выбор наиболее релевантных из них должен быть оставлен специалистам из других дисциплин, прежде чем эти индикаторы будут представлены для общественного обсуждения.

Инвентаризация запасов

Сделать краткий обзор крайне обширной литературы, посвященной вопросу измерения устойчивости или длительного развития, — непростая задача. Мы будем пользоваться несовершенной, но простой типологией, которая различает (1) крупные и эклектичные панели индикаторов, (2) составные индексы, (3) индексы, вносящие более или менее широкие корректировки в ВВП и (4) индексы, которые измеряют в основном то, насколько далеко в данный момент зашло наше «чрезмерное потребление» ресурсов. Эта последняя категория является гетерогенной, поскольку мы будем включать в нее столь разные индексы, как экологический след и скорректированные чистые сбережения, которые, как мы увидим, выражают совершенно разные идеи.

Панели или наборы индикаторов

Панели или наборы индикаторов — один из распространенных подходов к вопросу устойчивого развития вообще. Этот подход предполагает сбор и упорядочивание серии показателей, которые имеют прямое или косвенное отношение к социально-экономическому прогрессу и его длительности. В последние два десятилетия международные организации сыграли большую роль в появлении панелей индикаторов устойчивости, основная роль при этом принадлежала ООН. В частности, на саммите

в Рио в 1992 г. была принята «Программа 21», сороковая глава которой призывает страны-подписанты заниматься разработкой количественной информации о своих действиях и достижениях.

Другие международные инициативы по построению панелей показателей устойчивого развития были предприняты ОЭСР и Евростатом вслед за принятием Европейским советом своей собственной Стратегии устойчивого развития в 2001 г. Текущая версия данной панели включает в себя 11 индикаторов для уровня 1 (табл. 3.1), 33 индикатора для уровня 2 и 78 индикаторов для уровня 3, при этом индикаторы уровней 2 и 3 охватывают 29 подтем. Это общее движение сопровождалось похожими инициативами на национальном уровне, хотя и в несколько спорадической форме. Местные инициативы, некоторые из которых основывались на первоначальном толчке, полученном от «Программы 21», также росли как грибы в течение последнего десятилетия,

Для пользователя самая поразительная черта этой весьма обширной литературы — крайнее разнообразие предлагаемых индикаторов. Некоторые из них широки по охвату — рост ВВП удерживает свое место и даже становится первым индикатором на европейской панели — тогда как другие гораздо более специфичны, например процент курильщиков среди населения. Одни касаются результатов, другие — инструментов. Одни могут быть легко отнесены как к развитию, так и к устойчивости — показатели грамотности важны и для текущего благосостояния, и для будущего роста — тогда как другие касаются либо только текущего развития, либо долгосрочной устойчивости. Есть также несколько пунктов, чья связь с обоими измерениями сомнительна или, по крайней мере, находится под знаком неопределенности: благотворен ли

высокий уровень рождаемости для устойчивости? Возможно, да с точки зрения устойчивости пенсий, но может быть и нет с точки зрения экологической устойчивости. И всегда ли это показатель хорошего экономического развития? Это, вероятно, зависит от того, что мы считаем «высоким» или «низким» в плане рождаемости.

Эти панели полезны по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, они являются первым шагом в любом анализе устойчивости, который сложен по самой своей природе и поэтому нуждается в том, чтобы был составлен список релевантных переменных и чтобы международные статистические агентства поощряли к улучшению измерения этих индикаторов. Последнее относится к различию между «слабой» и «сильной» устойчивостью. «Слабый» подход к устойчивости предполагает, что хорошие показатели в одних областях могут компенсировать низкие показатели в других. Это делает возможной глобальную оценку устойчивости с использованием однонаправленных индексов. «Сильный» подход утверждает, что устойчивость требует отдельного поддержания количества или качества множества различных показателей, относящихся к окружающей среде. Отслеживание этого процесса, таким образом, требует создания широких наборов конкретных статистических данных, каждый из которых охватывает один из подразделов глобальной устойчивости.

Тем не менее недостатком панели индикаторов является их гетерогенность, по крайней мере в случае очень больших и эклектичных панелей, и большинство из них не дает никаких указаний касательно причинных связей, их отношения с устойчивостью и/или иерархий используемых индикаторов. Кроме того, их часто критикуют за то, что как

ТАБЛИЦА 3.1. Перечень европейских индикаторов устойчивого развития, вошедших в обзор (уровень 1)

Тема	Индикаторы уровня 1
1. Социально-экономическое развитие	Темпы роста ВВП в расчете на жителя страны
2. Устойчивое потребление и производство	Производительность ресурсов
3. Социальное включение	Доля находящихся на грани бедности после социальных трансферов
4. Демографические изменения	Доля занятости пожилых работников
5. Общественное здоровье	Годы здоровой жизни и ожидаемая продолжительность жизни при рождении
6. Устойчивое развитие	Общее количество выбросов парниковых газов Потребление возобновляемых ресурсов
7. Устойчивый транспорт	Потребление энергии транспортом
8. Природные ресурсы	Индекс распространенных птиц Вылов рыбы, превосходящий безопасные биологические лимиты
9. Глобальное партнерство	Официальная помощь в развитии (ОПР)

Источник: Eurostat, 2007//http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-77-07-115/EN/KS-77-07-115-EN.PDF

инструменты коммуникации они лишены того, что сделало столь популярным ВВП: притягательности одной единственной цифры, позволяющей легко производить сравнение социально-экономического развития во времени или по странам.

Составные индексы

Составные индексы — один из способов обойти проблему, которую ставит разнообразие панелей индикаторов, и произвести синтез обильной и предположительно релевантной информации в одной цифре. В техническом докладе дан обзор некоторых из них.

Например, Индекс экономического благосостояния Осберга и Шарпа — это составной индикатор, который одновременно охватывает текущее процветание (основываясь на измерениях потребления), устойчивое накопление и социальные вопросы (снижение неравенства и защита от «социальных» рисков). Вопросы окружающей среды поднимаются в связи с рассмотрением стоимости выбросов CO_2 на душу населения. Потоки потребления и накопление богатства (которое определяется широко, включая запасы научных исследований и разработок, заместитель для человеческого капитала и стоимость выбросов CO_2) оцениваются в соответствии с методологией национальных счетов. Каждый аспект нормализуется через линейное масштабирование (девять стран ОЭСР) и агрегирование, основанное на равном взвешивании. Однако на этой стадии «зеленый» аспект индекса все еще остается второстепенным.

Другие примеры фокусируют внимание на экологическом аспекте, например Индекс устойчивости окружающей среды (ESI) и Индекс развития окружающей среды (ERI). Индекс устойчивости окружающей среды охватывает пять областей: экологические системы (статус их глобального здоровья), экологические стрессы (антропогенное давление на экологические системы), человеческую уязвимость (степень, в которой жители подвергаются

рisku экологических бедствий), возможности общества и институтов (их способность должным образом отреагировать на экологические проблемы) и глобальное разумное руководство (кооперация с другими странами в решении общих экологических проблем). Он использует 76 переменных, чтобы охватить эти пять областей. Есть, например, стандартные индикаторы качества воздуха и воды (например SO_2 и NO_x), параметры здоровья (например доля детской смертности от респираторных заболеваний), экологическое управление (например местные инициативы «Программы 21» в расчете на миллион человек) и т. д. Индекс устойчивости окружающей среды — это сокращенная форма Индекса устойчивого развития, основанная на 16 индикаторах (результатах) и в большей степени ориентированная на политику.

Из такого рода индексов можно сделать амбивалентные выводы. Глобальное рейтингование стран имеет определенный смысл, но часто, как считается, представляет слишком оптимистический взгляд на вклад развитых стран в проблемы окружающей среды. Возникают также проблемы и между развитыми странами. Например, индекс показывает очень узкий разрыв между США и Францией, несмотря на сильные различия по выбросам CO_2 . По сути, индекс информирует нас о сочетании текущего качества окружающей среды, нагрузок на ресурсы и интенсивности экологической политики, но не о том, находится ли страна на пути устойчивости: не может быть установлена ни одна пороговая величина, позволяющая нам сказать, устойчивое у нее развитие или нет.

В целом эти составные индикаторы лучше рассматривать как приглашение повнимательнее взглянуть на различные компоненты, лежащие в их основе. Та-

кая функция составных индикаторов часто подчеркивалась в качестве одного из главных их *оснований*. Но это недостаточное основание для того, чтобы сохранять их как меру устойчивости *в строгом смысле слова*, которая могла бы иметь столь же надежную репутацию, как ВВП или другие концепции учета. На то есть две причины. Во-первых, как и в случае больших панелей индикаторов, существует нехватка четкого определения того, что имеется в виду под устойчивостью. Вторая причина — общая критика, которой часто подвергались комплексные индикаторы, точнее, произвольный характер процедур, используемых для взвешивания различных компонентов. Часто дело представляют так, как будто эти процедуры лучше монетарного агрегирования, которые используются для построения большинства экономических индексов, потому что не связаны ни с одной формой рыночной оценки. Мы еще не раз вернемся к этому пункту, так как существует множество причин, по которым нельзя полагаться на рыночные цены при решении проблем устойчивости и, в особенности, при обращении к их экологическому компоненту. Но независимо от того, монетарная она или нет, процедура агрегирования всегда означает приписывание относительной стоимости параметрам, включенным в индекс. В случае комплексных индикаторов устойчивости мы плохо понимаем аргументы в пользу приписывания той или иной относительной стоимости всем различным переменным, от которых зависит устойчивость. Проблема не в том, что эти процедуры взвешивания скрыты, непрозрачны или невозпроизводимы — очень часто они вполне ясно представлены авторами этих индексов, и это одно из достоинств этой литературы. Дело, скорее, в том, что их нормативные последствия редко проговариваются или обосновываются.

Скорректированный ВВП

Другие кандидаты на измерение устойчивости — те, что исходят от общепринятого понятия ВВП, но пытаются его систематически усилить или откорректировать, используя элементы, которые стандартный ВВП обычно не учитывает и которые важны для устойчивости.

Показатель устойчивого экономического благосостояния Нордхауса и Тобина (Sustainable Measure of Economic Welfare — SMEW) может рассматриваться как общий исток этого течения. Они давали два индикатора. Первым было «чистое экономическое благосостояние» (Measure of Economic Welfare — MEW), полученное путем вычитания из суммарного частного потребления числа компонентов, которые не вносят позитивного вклада в благосостояние (среди них, например, поездки на работу и юридические услуги), и путем прибавления денежных оценок деятельности, которая, наоборот, вносит позитивный вклад в благосостояние (такой как досуг или работа на дому). Второй шаг состоял в конвертировании чистого экономического благосостояния (MEW) в показатель «устойчивого экономического благосостояния» (SMEW) с учетом изменений в суммарном богатстве. Показатель устойчивого экономического благосостояния измеряет уровень чистого экономического благосостояния, совместимый с сохранением запаса капитала. Для того чтобы конвертировать чистое экономическое благосостояние в показатель устойчивого экономического благосостояния, Нордхаус и Тобин использовали оценку суммарного общественного и частного богатства, включая воспроизводимый капитал, невозпроизводимый капитал (ограниченный землей и чистыми иностранными активами),

образовательный капитал (основываясь на кумулятивной стоимости лет, проведенных в образовательной системе людьми, составляющими трудовую силу) и оздоровительный капитал, основываясь на методе перманентной инвентаризации с темпами амортизации 20% в год. Но они в конечном счете не включили туда оценку ущерба окружающей среде и истощения природных ресурсов.

Из этой основополагающей работы вышли два направления. Первое пыталось обогатить подход Нордхауса и Тобина, порой существенно отклоняясь от критерия непротиворечивости в отчетности. Примеры включают Индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare — ISEW) и Генеральный индикатор прогресса (Genuine Progress Indicator — GPI). Эти индикаторы выводят некоторые оценки стоимости загрязнения воды и воздуха и шума из потребления, а также пытаются учесть потерю заболоченных земель, сельскохозяйственных земель, девственных лесов и истощение других природных ресурсов, ущерб от выбросов углекислого газа и истощения озонового слоя. Истощение природных ресурсов оценивается через измерение инвестиций, необходимых для создания постоянного эквивалентного потока возобновляемых заместителей.

Во всех странах, для которых имеется и Индекс устойчивого экономического благосостояния (ISEW), и Генеральный индикатор прогресса (GPI), их величины очень похожи и в какой-то момент времени начинают расходиться с ВВП. Это заставило некоторых авторов выдвинуть так называемую гипотезу «порога», согласно которой ВВП и благосостояние движутся в одном направлении до какого-то момента, после которого продолжение роста ВВП больше не дает расти благосостоянию.

Иными словами, согласно таким индикаторам, устойчивость у нас давно позади, и мы уже вошли в фазу упадка.

Другое течение лучше интегрировано с национальными счетами. Оно основывается на так называемой Системе экологической экономической отчетности (SEEA), вспомогательном счете при Стандартных национальных счетах (SNA). Система экологической экономической отчетности соединяет в одном аппарате экономическую и экологическую информацию, чтобы измерить вклад окружающей среды в экономику и влияние экономики на окружающую среду. Комитет экспертов ООН по эколого-экономическому учету (UNCEEА), созданный в 2005 г., обратился к мейнстримной эколого-экономической отчетности, чтобы утвердить Систему экологической экономической отчетности в качестве международного статистического стандарта к 2010 г. и пропагандировать его внедрение по странам.

Система экологической экономической отчетности включает четыре категории счетов. Первая рассматривает чисто физические данные, относящиеся к потокам материалов (материалы, привлеченные в экономику, и выбрасываемые остатки) и энергии, и упорядочивает их в наибольшем соответствии со структурой стандартных национальных счетов. Вторая категория счетов берет те элементы существующих стандартных национальных счетов, которые имеют отношение к правильному управлению окружающей средой, и делает более понятными транзакции, затрагивающие окружающую среду. Третья категория счетов включает счета экологических активов, измеренные в физических и денежных единицах (счета лесных запасов, например).

Эти три первых категории Системы экологической экономической отчетности — важнейший строительный материал для создания любых форм индикаторов устойчивости. Но на карту здесь поставлена четвертая и последняя категория счетов SEEA, задачей которой является корректировка существующих стандартных национальных счетов таким образом, чтобы они учитывали (исключительно в денежных единицах) воздействие экономики на окружающую среду. Рассматриваются три вида корректировок: те, что касаются истощения ресурсов, те, что относятся к так называемым защитным расходам (расходы на защиту окружающей среды могут быть в данном случае наиболее показательными), и те, что относятся к ухудшению окружающей среды.

Именно эти экологические корректировки агрегатов стандартных национальных счетов более широко известны под довольно неопределенным названием «зеленый ВВП», который является продолжением концепции чистого внутреннего продукта. На самом деле подобно тому, как ВВП (валовой) обращается в ЧВП (чистый) с учетом потребления основных фондов (амортизации произведенного капитала), идея в том, что целесообразно подсчитать «экологически откорректированный ЧВП», учитывающий потребление природного капитала. Последнее будет включать истощение природных ресурсов (злоупотребление природными активами как исходным материалом для процесса производства) и ухудшение условий окружающей среды (величину упадка качества ресурса).

Зеленый ВВП и экологически откорректированный ЧВП остаются, однако, наиболее спорными результатами Системы экологической экономической отчетности, и в меньшем объеме внедряются стати-

стическими агентствами из-за множества проблем, которые порождают эти две концепции. Оценка вклада окружающей среды в экономическую систему — это (относительно) простой шаг. Поскольку эти исходные вложения инкорпорируются в продукты, которые затем продаются на рынках, (в принципе) возможно использовать прямые средства для приписывания им стоимости, основываясь на рыночных принципах. Наоборот, поскольку загрязняющие выбросы являются конечным продуктом, нет прямого способа приписать им стоимость. Все косвенные методы оценки будут в некоторой степени зависеть от сценария «что если». Таким образом, перевод оценок ухудшения в корректировку макроэкономических агрегатов выводит нас за пределы области *отчетности по факту* в более гипотетическую ситуацию. Сама спекулятивная природа такого рода отчетности объясняет существенный дискомфорт и сильное сопротивление, которое эта практика встречает среди многих составителей отчетности.

Но у зеленого ВВП есть и более фундаментальная проблема, которая относится также и к показателю устойчивого экономического благосостояния (SMEW) Нордхауса и Тобина и к индексам ISEW/GNI. Ни один из этих показателей не характеризует устойчивость *саму по себе*. Зеленый ВВП просто обвиняет ВВП в истощении ресурсов окружающей среды или нанесении им ущерба. Это только одна часть ответа на вопрос об устойчивости. В конечном счете нам требуется оценка того, насколько далеко мы ушли от этих целей по устойчивости. Иными словами, нам нужно измерение *чрезмерного потребления* или, в двойной терминологии, *недостаточных капиталовложений*. Именно на это направлена наша последняя категория индикаторов.

Индикаторы, указывающие на чрезмерное потребление или недостаток капиталовложений

Под этой рубрикой мы группируем всевозможные виды индикаторов, которые рассматривают вопрос об устойчивости с точки зрения чрезмерного потребления, недостатка инвестиций или чрезмерной нагрузки на ресурсы. Хотя такие индикаторы, как правило, предстают в категориях потока, они основаны на допущении, что некоторые запасы, релевантные для устойчивости, соответствуют измеренным потокам, например, запасы, которые передаются будущим поколениям и определяют их наборы возможностей. Как и в случае с ВВП и другими агрегатами, попытка выполнить эту задачу при помощи одной единственной цифры требует выбора метода измерения и четко прописанных процедур агрегирования для этих запасов и их вариаций.

Скорректированные чистые накопления (Adjusted Net Savings – ANS)

Скорректированные чистые накопления (также известные как истинные сбережения или истинные инвестиции) — это индикатор устойчивости, который построен на концепции зеленых национальных счетов, но заново формулирует эту концепцию в категориях запаса или богатства, а не потоков дохода или потребления. Теоретической основой в данном случае является идея, что устойчивость требует поддержания постоянного запаса «богатства в расширенном понимании», которое не ограничивается природными ресурсами, но также включает в себя физический, производственный

капитал в том виде, в каком он измеряется в традиционных национальных счетах, и человеческий капитал. Скорректированные чистые накопления рассчитываются как изменение этого суммарного богатства за определенный период времени, например за год. Подобная концепция, очевидно, представляется релевантным экономическим аналогом понятия устойчивости, поскольку включает не только природные ресурсы, но также (по крайней мере, в принципе) и другие ингредиенты, необходимые для того, чтобы будущие поколения имели набор возможностей, по меньшей мере, столь же обширный, как тот, который имеется у ныне живущего поколения.

Эмпирически скорректированные чистые накопления выводятся из показателя валового национального накопления стандартных национальных счетов путем введения четырех типов корректировок. Во-первых, вычитается предположительное потребление основного капитала, чтобы получить чистые национальные накопления. Во-вторых, текущие расходы на образование прибавляются к чистым национальным накоплениям как величина вложений в человеческий капитал (в стандартных национальных счетах эти расходы считаются потреблением). Наконец, вычитается предположительная величина истощения ряда природных ресурсов, чтобы отразить уменьшение активов, связанных с их добычей и освоением. Оценки истощения ресурсов основываются на расчете ресурсных рент. Экономическая рента представляет собой «сверхприбыль» от использования данного фактора производства. Ренту извлекают, забирая разницу между мировыми ценами и средней ценой добычи или сбора единицы продукта (включая «нормальный» доход с капитала). Наконец, вычитается гло-

бальный ущерб от выбросов диоксида углерода². Отрицательные значения скорректированных чистых накоплений подразумевают, что «расширенное богатство» идет на спад и тем самым предупреждает об отсутствии устойчивости.

Насколько этот индикатор сравним со стандартными показателями накопления и капиталовложений в национальных счетах? Скорректированные чистые накопления, подсчитанные Всемирным банком для развитых стран, таких как Франция и США, показывают, что в основе изменений во времени лежат почти исключительно валовые накопления, в то время как разрыв между скорректированными чистыми накоплениями и валовыми накоплениями связан, главным образом, с потреблением капитала и накоплением человеческого капитала, а изменения природного капитала, согласно данному индексу, играют лишь относительно маргинальную роль. Более того, цифры скорректированных чистых накоплений показывают, что большинство развитых стран идут по пути устойчивости, тогда как многие страны с переходной экономикой или развивающиеся страны — нет. В частности, согласно этим оценкам, большинство стран, экспортирующих ресурсы, не идет по пути устойчивости (рис. 3.1).

Такого рода подход привлекает многих экономистов, поскольку в его основе лежит четкий теоретический аппарат. Однако нынешняя методоло-

2. Что касается ущерба от местного загрязнения, его трудно оценить без специальных данных по местам. Тем не менее существует и расширенная версия скорректированных чистых накоплений с учетом местного загрязнения, если принять во внимание ущерб здоровью, вызванный загрязнением городского воздуха (вопрос РМ10).

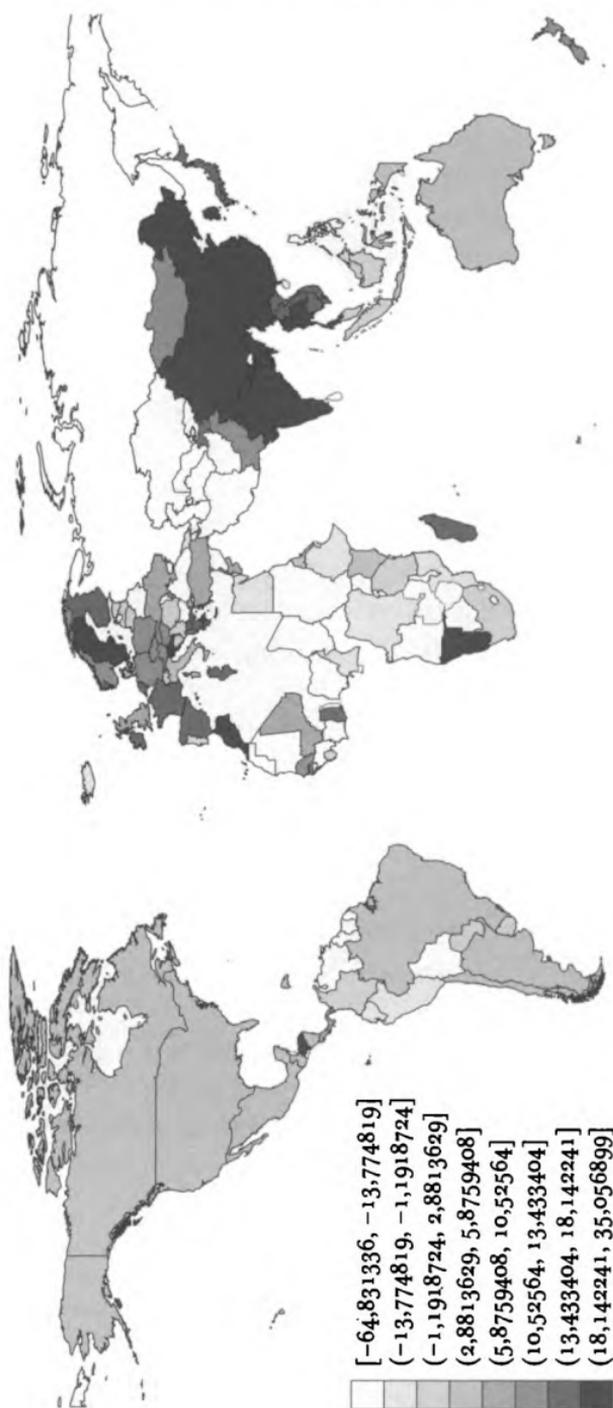

РИС. 3.1. Географическое распределение для скорректированных чистых накоплений

Страны расставлены от наиболее неустойчивых (белым) к наиболее устойчивым (темным). Неустойчивость может быть связана либо с чрезмерной добычей исчерпаемых ресурсов, либо с низкими вложениями в человеческий и физический капитал. Границы стран, по которым нет данных, не представлены.

Источник: Всемирный банк, данные на 2006 г.

гия, стоящая за эмпирическими расчетами, имеет хорошо известные недостатки: релевантность подхода, опирающегося на скорректированные чистые накопления, ключевым образом зависит от того, *что именно* считается (различные формы капитала, передаваемые будущим поколениям), т. е. что включается в «расширенное понимание богатства», и от *цены*, используемой для подсчета и агрегирования в контексте несовершенных или вообще несуществующих рыночных оценок — проблемы, которую мы уже упоминали при обсуждении имплицитных цен, используемых в комплексных индикаторах.

В самом деле, основной недостаток оценок скорректированных чистых накоплений в том, что поправка на ухудшение условий окружающей среды ограничивается лишь узким набором факторов загрязнения, наиболее важным из которых оказываются выбросы диоксида углерода. Авторы признают, что расчеты не включают другие важные источники ущерба окружающей среде, такие как истощение подземных вод, чрезмерный вылов рыбы, ухудшение качества почвы, потеря биоразнообразия.

Для учета этих природных активов самой большой проблемой остаются технологии ценообразования. В случае исчерпаемых ресурсов оценки Мировым банком скорректированных чистых накоплений основываются на текущих ценах. Теоретически использование рыночных цен для оценки потоков и запасов гарантировано только в контексте совершенных рынков, которых, конечно же, не существует в реальности, и в особенности не для природных ресурсов, в случае которых крайне велики экстерналии и неопределенности. Кроме того, рыночные цены на ископаемые источники энергии и другие полезные ископаемые в последние годы имели тенденцию к мощным колебаниям, приво-

дившим к резким скачкам в оценках скорректированных чистых накоплений на основе рыночных цен, и это очень сильно уменьшило практическую релевантность скорректированных чистых накоплений для соответствующих стран.

Что касается определения стоимости ухудшения окружающей среды, то все оказывается еще сложнее из-за отсутствия каких бы то ни было рыночных оценок, которые могли бы использоваться в качестве исходной точки: теоретически мы должны оценивать так называемые расчетные цены путем моделирования долгосрочных последствий данных изменений для экологического капитала и будущего благосостояния. Но практическое осуществление ставит большие проблемы. При нынешнем состоянии методологии цены, использовавшиеся для оценки выбросов углерода в существующих расчетах скорректированных чистых накоплений, не в состоянии придать им сколь бы то ни было важную роль в глобальной оценке устойчивости, и это ставит под сомнение полезность этого индикатора как ориентира в разработке политики.

Наконец, подсчитывая скорректированные чистые накопления по стране, мы упускаем из виду природу устойчивости. В самом деле, можно испытать некоторое неудобство от того, какое именно послание передают скорректированные чистые накопления в отношении стран, экспортирующих ресурсы (например нефть). С точки зрения этого показателя, в этих странах отсутствие устойчивости связано с недостаточной ставкой реинвестирования дохода, получаемого от эксплуатации природных ресурсов: «чрезмерное потребление» в странах-импортерах не рассматривается вовсе. Развитые страны, которые обычно наделены меньшим числом природных ресурсов, но богаче, чем развиваю-

щиеся страны, человеческим и физическим капиталом, покажутся необоснованно устойчивыми. Как следствие, некоторые авторы выступали за то, чтобы вменить потребление исчерпаемых ресурсов их конечному потребителю, т. е. странам-импортерам. Если бы нехватка ресурсов полностью отражалась в ценах, по которым исчерпаемые ресурсы продаются на международных рынках, тогда действительно для подобной корректировки не было бы оснований. Однако когда цены не являются результатом конкуренции, страна-импортер платит за импортируемый продукт меньше, чем требовалось бы; на нее ложится доля ответственности за нарушение устойчивости, не учитываемая через денежную стоимость импорта. Низкие цены дают этим странам возможность чрезмерного потребления и перекладывания его долгосрочных издержек на страны-экспортеры.

Следы

Хотя они внешне и отличаются от «расширенного понятия богатства», различные попытки измерения устойчивости с использованием «следов» также берут начало от общего подхода к сравнительному анализу текущих потоков потребления и их воздействия на некоторые аспекты окружающей среды и существующие запасы. В этом смысле они также могут считаться измерениями «богатства». Однако в центре их внимания находится исключительно природный капитал, и общепринятый подход к оценке отличается от метода скорректированных чистых накоплений тем, что эксплицитно не использует никаких рыночных цен.

Экологический след (ecological footprint, далее — ЭС) измеряет, какая доля регенеративной спо-

способности биосферы задействована в человеческой деятельности (потреблении). Для этого подсчитывается количество биологически продуктивных земель и водных площадей, требующихся для поддержания текущего уровня потребления у данного населения. След страны (сторона спроса) — это общая площадь, необходимая для производства пищи, волокна и древесины, которые она потребляет, поглощения отходов, которые она порождает, и предоставляющая место ее инфраструктуре (застроенные площади). На стороне предложения биомощность — это производительная мощность биосферы и ее способность обеспечивать поток биологических ресурсов и услуг, полезных для человека.

Результаты хорошо известны и весьма удивительны: с середины 1980-х гг. след человечества был больше, чем способность планеты к ассимиляции, и в 2003 г. общий след человечества превзошел биомощность Земли приблизительно на 25%. Хотя во всем мире на человека приходится 1,8 глобальных гектаров земли, европейцы используют 4,9 глобальных гектара на человека, а американцы — в 2 раза больше, т. е. гораздо больше нынешней биомощности этих двух географических зон (рис. 3.2).

Этот индикатор объединяет с подходом с точки зрения национальных счетов идея сведения гетерогенных элементов к одной общей единице измерения (глобальный гектар, например, один гектар с производительностью, равной средней производительности 11,2 млрд биопродуктивных гектаров на Земле). Подразумевается, что разные формы природного капитала взаимозаменяемы и что различные природные капиталы взаимодобавительны в терминах территории земли, одновременно высказываются решительные аргументы против слабых допущений относительно устойчивости. Дей-

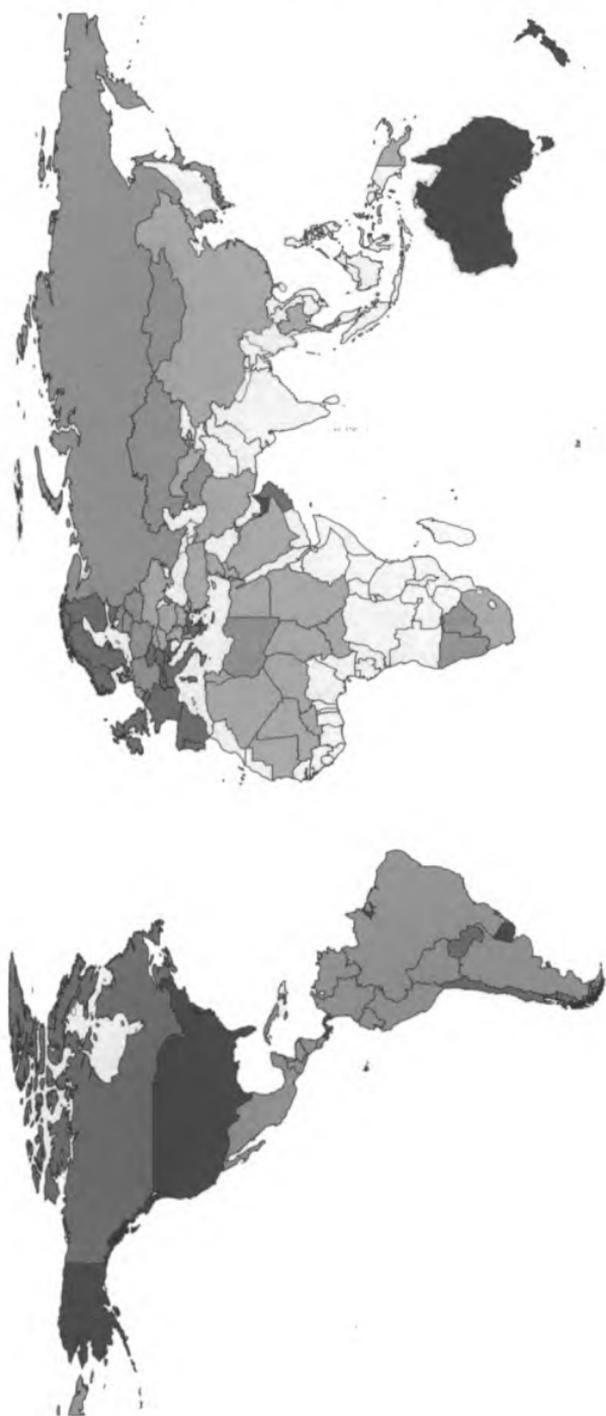

РИС. 3.2. Экологический след по странам

Затемненные зоны соответствуют странам с самыми высокими показателями по экологическому следу, т.е. с самым большим вкладом в нарушение мировой устойчивости. Страны, по которым нет данных, не представлены.

Источник: Global Footprint Network, данные на 2005 г.

ствительно, данный индикатор не придает никакой роли сбережениям и накоплению капитала: никакая дополнительная экологическая прибавка (биомощность, превышающая экологический след) не влечет за собой увеличения запаса природного капитала и, как следствие, улучшения будущей производительной мощности. Сбережение и накопление произведенного или человеческого капитала заведомо не способствует устойчивости. С другой стороны, следует заметить, что этот индикатор игнорирует угрозу устойчивости, возникающую в связи с истощением невозобновимых ресурсов (например нефти): последствия для устойчивости рассматриваются только с точки зрения ассимиляции отходов (имеются в виду выбросы CO_2), а не с точки зрения анализа, основанного на динамике истощения.

Результаты также проблематичны для измерения собственной устойчивости страны из-за существенного предубеждения против торговли, присущего методологии ЭС. Тот факт, что густонаселенные (низкая биомощность) страны, такие как Нидерланды, имеют экологические дефициты, тогда как слабонаселенные (высокая биомощность) страны, такие как Финляндия, имеют экологические излишки, можно рассматривать как часть нормальной ситуации, в которой торговля, скорее, указывает на взаимную выгоду, чем на недостаток устойчивости. Исследования последних лет имеют тенденцию отходить от сравнения ЭС страны с ее *собственной* биомощностью и предлагают вместо этого делить ЭС всех стран на *глобальную* биомощность. Тем самым мы признаем, что ЭС являются измерением не собственной устойчивости страны, а ее вклада в глобальный недостаток устойчивости.

В целом это означает, что ЭС может в лучшем случае быть индикатором одномоментной неустой-

чивости *на всемирном уровне*. ЭС для отдельных стран должен применяться как индикатор неравенства в эксплуатации природных ресурсов и взаимозависимости географических зон друг от друга. Более того, даже всемирный экологический дефицит, который акцентирует ЭС, может не нести того сообщения, которое ему приписывается. На самом деле, можно показать, что всемирный дисбаланс вызван в основном выбросами CO_2 , выраженными в гектарах леса, который необходимо сохранить. По определению, общемировой спрос на сельскохозяйственные земли, застроенные земли и пастбища не может превосходить мировую биомощность.

В результате, следы, не столь широкие по охвату, но с более четким определением, такие как «углеродный след» (УС), кажутся более подходящими, поскольку в них более ярко выражен характер физических измерений запасов, которые не полагаются на специфические допущения в отношении производительности или фактор эквивалентности. Что касается коммуникации, такой индикатор ничуть не меньше способен посылать громкие сигналы о злоупотреблении способностью планеты к поглощению. УС также имеет интересную особенность: его можно подсчитать при любом уровне деагрегирования. Это делает из него мощный инструмент мониторинга поведения индивидуальных агентов.

Квантификация устойчивости общепринятым способом: основные препятствия

Резюмируем то, что излагалось выше. В предыдущем разделе было представлено большое число предшествующих попыток квантифицировать

(провести количественный анализ) устойчивость. Такое изобилие измерений — серьезный недостаток, поскольку различные обобщенные индикаторы передают совершенно разные сообщения. Это приводит к большой путанице среди статистиков и разработчиков политики. Отсюда настоятельная потребность вернуться к фундаментальным вопросам: что именно мы хотим измерять? Каковы реальные препятствия для того, чтобы делать это при помощи одной единственной единицы измерения?

Что мы хотим измерять?

Со времени доклада Брантлэнда понятие устойчивого развития получило столь широкое хождение, что стало всеохватной концепцией, которая вбирает в себя все аспекты будущего экономического, социального и экологического благосостояния. Такое стремление оправдано, но она охватывает все области, рассматриваемые тремя подгруппами Комиссии. Наша группа по окружающей среде/устойчивости имела более узкие полномочия: она сосредоточилась на компоненте «устойчивости» в «устойчивом развитии». Вопрос о длительности может быть сформулирован следующим образом: если допустить, что мы могли бы оценить настоящий уровень благосостояния, вопрос в том, позволяет или нет продолжение настоящих тенденций поддерживать его на том же уровне?

Представляется разумным разделять два понятия текущего благосостояния и его устойчивости, потому что оба вопроса интересны сами по себе. Это дает ориентиры для того, чтобы разобраться с множеством различных подходов, представленных в первой половине этой главы:

- расширенные панели индикаторов устойчивого развития, рассматривавшиеся в разделе 2.1, по сути, смешивают измерение текущего благосостояния и измерение его устойчивости. Это не значит, что такие панели бесполезны. Совсем наоборот: наш вывод состоит в том, что единообразный взгляд на устойчивость пока остается недостижимым. Но мы хотим получить в конечном счете ограниченный набор индикаторов («микрпанель»), и такой, который будет специально направлен на проблемы устойчивости, поскольку будет основан на четком понимании того, что такое устойчивость;
- комплексные индикаторы ставят похожие проблемы с той дополнительной трудностью, что способ взвешивания различных компонентов произволен, а последствия этого редко излагаются эксплицитно;
- измерения *устойчивого уровня жизни*, такие как зеленый ВВП, также недостаточны для оценки устойчивости. Близость к стандартному ВВП, которая неизбежно проявится у этого индикатора, может стать источником путаницы. Если есть два индикатора ВВП, то каким из них в каком контексте мы должны пользоваться? Какой вывод мы должны сделать из того факта, что зеленый ВВП данной страны составляет $x\%$ или $y\%$ от ВВП в традиционном понимании? Обязательно ли из этого следует, что страна не идет по пути устойчивости?

По сути, зеленый ВВП сосредоточен только на одной части проблемы, т.е. на измерении того, что можно потреблять каждый год, не опустошая окружающую среду. Он не говорит нам о том, стоим мы на пути устойчивости или нет. Если мы хотим из-

мерять устойчивость, требуется сравнение между этой концепцией истинного производства и текущим потреблением. Все это делает специальный индекс устойчивости более похожим на концепцию чистого инвестирования или дезинвестирования, и это именно тот путь, который представлен расширенным пониманием богатства или скорректированными чистыми накоплениями, но по которому неявным образом следуют также и индикаторы следа, которые более четко фокусируются на возобновлении или исчерпании природных активов. Аргумент состоит в следующем: способность будущих поколений иметь уровень благосостояния, по меньшей мере, равный нашему, зависит от того, передадим ли мы им достаточное количество важных для благосостояния активов. Если мы обозначим как W индекс «расширенного понимания богатства», используемый для подсчета этого запаса ресурсов, измерение устойчивости будет заключаться в проверке того, позитивно или негативно развиваются глобальные запасы или некоторые из их составляющих, т. е. в подсчете их текущих темпов измерения, dW или dW_i . Если негативно, то это означает, что рано или поздно потребуются произвести корректировку потребления или благосостояния в сторону уменьшения. Именно это и следует понимать под «нарушением устойчивости».

На наш взгляд, такая формулировка вопроса об устойчивости имеет потенциал для того, чтобы дать новый общий язык, необходимый для конструктивных дебатов между людьми с самыми разными точками зрения. Взять только один пример, который полностью отвечает многолетним возражениям против ВВП, выдвигавшимся экологами, а именно тот факт, что экологические катастрофы могут увеличить ВВП благодаря их предполагаемо-

му воздействию на экономическую активность. При подходе на основе расширенного понимания богатства экологическая катастрофа рассматривается в качестве разрушения капитала. Это объясняет тот факт, что она ослабляет устойчивость, сокращая ресурсы, которые могут породить будущее благосостояние. Такого исхода можно избежать, если только принять меры по возмещению ущерба, при этом считая эти меры позитивными капиталовложениями.

*Суммирование устойчивости в одной цифре:
реалистично ли это?*

Мы увидели, что и скорректированные чистые накопления, и оценки следа сталкиваются с многочисленными возражениями и могут в лучшем случае рассматриваться как заместители настоящих индикаторов изменений богатства в его расширенном понимании или компонентов этого богатства. Вернуться к основам означает спросить, что именно требуется для удовлетворительного измерения вышеуказанных индексов dW ? Если для начала оставить в стороне проблемы измерения, мы должны конкретнее высказаться о нескольких концепциях: что должно быть устойчивым? Как различные активы, которые будут передаваться будущим поколениям, влияют на это измерение благосостояния? И как они должны взвешиваться по отношению друг к другу?

Ясно, что именно этот последний вопрос наиболее проблематичен и имеет тенденцию кристаллизовать противостояние между защитниками монетарных индикаторов и защитниками физических индикаторов. В самом деле, есть ли какая-то разумная перспектива оценки всего в денежных еди-

ницах или же мы должны смириться с тем, что это возможно лишь до определенных пределов?

Если бы все активы продавались и покупались на идеальных рынках идеально прозорливыми агентами, полностью учитывающими благосостояние будущих поколений, можно было бы утверждать, что их текущие цены отражали бы дисконтированные потоки их вкладов в будущее благосостояние. Но многие активы вообще не торгуются на рынках, и даже в случае тех, которые торгуются, маловероятно, чтобы текущие цены полностью отражали эту ориентированность на будущее из-за недостатков рынка, близорукости или неопределенности. Отсюда следует, что настоящее измерение устойчивости требует такого индекса dW , в котором активы учитываются не по рыночным ценам, но, скорее, с использованием вмененных «отчетных цен», основанных на объективном физическом или экономическом моделировании того, как в будущем ущерб окружающей среде повлияет на благосостояние, точно так же, как они требуют точной оценки того, как текущие добавления к запасам человеческого или физического капитала могут улучшить или поддержать благосостояние в будущем.

Недавние исследования прояснили обязательные условия для такой оценки. Одно из них — полный набор экономических и физических прогнозов того, как первоначальные условия определяют будущий общий путь экономических, социальных и экологических переменных. Другое — априорное определение того, как этот путь конвертируется в категории благосостояния во все будущие моменты, т. е. знание функций социальной полезности, обычно формулируемых как дисконтированная сумма благосостояния за все будущие промежутки времени.

При наличии таких инструментов должна появиться возможность вывести индексы устойчивости с ожидаемыми свойствами, т. е. со способностью предугадывать будущий спад в благосостоянии ниже его текущего уровня. Отдельные симуляции, предлагаемые в техническом отчете, иллюстрируют некоторые аспекты этой способности. Прежде всего такой индекс устойчивости лучше подходит для того, чтобы посылать предупредительные сигналы странам, которые вступили на путь нарушения устойчивости из-за недостаточных темпов накопления или возобновления их капитала, человеческого или физического. И это, конечно, важная особенность: даже если экологические вопросы имеют существенное значение, мы не можем игнорировать и другие стороны устойчивости.

Во-вторых, такой индикатор противоречит «строгому» взгляду на нарушение устойчивости (т. е. проблемам, возникающим в связи с амортизацией экологических активов, имеющих первоочередное значение для благосостояния или даже выживания человека), только когда он опирается на фиксированные уровни цен на природные и неприродные активы. Но если бы мы могли вывести этот индекс из физико-математической модели, надежным образом предсказывающей будущие взаимодействия между экономикой и окружающей средой, тогда этот индекс посылал бы нам правильные предупредительные сигналы о нарушении устойчивости через резкое увеличение относительных учетных или «временных» цен на эти критические природные активы.

Однако проблема в этом самом «если». Эта конструкция остается исключительно теоретической. Она показывает нам в лучшем случае направление, в котором могут попытаться двигаться создатели индексов. Она также может использоваться

как инструмент для выявления многочисленных препятствий для построения общего индекса и потребности в более прагматичных компромиссных решениях.

*Технологические неопределенности
говорят в пользу более гибридного подхода*

Измерение устойчивости при помощи единого индекса dW может сработать только при двух сильных допущениях: первое, что будущее экологическое развитие можно полностью предсказывать, и второе, что есть идеальное знание о том, как это развитие повлияет на благосостояние. Эти два допущения очевидным образом расходятся с ситуацией в нашем реальном мире. В дебатах об экологических перспективах преобладают неведение и неопределенность в отношении будущего взаимодействия между этими двумя сферами и отсутствует консенсус по поводу определения объективной функции.

Давайте вкратце разовьем первый тезис. Будущее является неопределенным по самой своей сути. Неопределенность принимает множество форм, некоторые из которых поддаются расчету вероятностей, хотя многие другие оказываются гораздо более радикальными. Это влияет не только на параметры любых моделей, которые можно попытаться использовать для прогнозирования взаимодействий с окружающей средой, но и на структуру самих моделей, измерение текущих запасов и даже на список природных активов, текущие и будущие запасы которых подлежат учету. Большая часть дебатов, касающихся долгосрочных экологических изменений, отражает различные представления о будущих экологических сценариях. Было бы странно, если бы эти трудности не затронули измерения устойчивости.

Можно рассмотреть несколько решений этой проблемы. Одно — сделать то, что делают все прогнозисты, когда хотят подчеркнуть неопределенную природу будущих трендов, т. е. работать со сценариями или давать интервалы доверия. Можно также рассмотреть возможность проведения стресс-тестов для индексов, т. е. пересчитывать их с допущением внешнего шокового воздействия на стоимость активов. Этот процесс может включать в себя внезапные корректировки стоимости экологических активов в сторону увеличения, а также резкое снижение стоимости других компонентов — таких как произведенный капитал и человеческий капитал. Можно исследовать и по возможности применять такие способы презентации.

Но это может оказаться недостаточным или труднопредставимым общепринятым способом. Такие вопросы, как изменение климата, требуют специального рассмотрения, которое возвращает нас к различию между сильной и слабой устойчивостью. Идея не в том, что агрегатные показатели по природе своей неспособны описывать ситуации сильной неустойчивости. А в том, что мы сможем это сделать, только приняв крайние оценки критических экологических активов, а мы не настолько хорошо оснащены, чтобы рассчитывать то, чем должны быть эти крайние оценки. В таких случаях, и тем более в случае элементов, для которых у нас даже нет единой оценки денежной ценности, раздельный физический учет неизбежен.

Тогда проблема в том, чтобы представить индекс в привлекательном виде. Денежные индексы имеют то преимущество, что они пользуются понятными для всех единицами. Кроме того, они могут соотноситься с другими денежными количествами: именно это мы делаем, когда подсчиты-

ваем расширенные нормы сбережений, и порядок таких норм можно легко понять. С другой стороны, объем выбросов CO_2 в тоннах — не особенно информативная цифра, если у нас нет ссылки на то, сколько тонн CO_2 можно выбрасывать ежегодно без тяжелых последствий для климата. Специалисты по климату выступали за то, чтобы использовать другие индикаторы, включая «радиоактивный перегрев CO_2 », измеряющий воздействие CO_2 на энергетический дисбаланс Земли, и измерение сокращения зоны вечной мерзлоты. Но тем, кто не является экспертами, трудно пользоваться такими индикаторами. Очень важно найти более убедительные способы представлять подобные цифры, если мы хотим, чтобы индикатор повлиял на дебаты. Одним из главных достижений экологического следа была его способность выражать давление на окружающую среду при помощи легко понятной единицы. Экологический след имеет ограничения, которые делают его проблематичным по мнению многих наблюдателей. Но с учетом задачи по сдерживанию изменений климата общая идея использования следа как обобщенной единицы для различных форм давления, которое человечество оказывает на регенеративную способность Земли, — это возможный вариант решения проблемы. Такого рода способ измерения используется, например, в случае более узкой концепции углеродного следа или родственной концепции бюджета CO_2 .

Неопределенность тоже нормативна

Помимо технологических вопросов, измерение устойчивости при помощи одного единственного числового показателя ставит перед нами ряд трудных нормативных вопросов. Дело в том, что индек-

сов устойчивости может быть столько же, сколько есть нормативных определений того, *какая именно* устойчивость нас интересует. В стандартной практике национальных счетов нормативного вопроса об определении предпочтений обычно избегают при помощи допущения, что наблюдаемые цены раскрывают истинные предпочтения людей. Таким образом, статистику не приходится делать никакого эксплицитного нормативного выбора. Но как только мы признаем, что рыночным ценам нельзя доверять, возникает необходимость рассчитывать альтернативные вмененные цены, чья величина будет сильно зависеть от нормативных выборов.

Можем ли мы решить эту нормативную проблему? Можно было бы попытаться решить ее эмпирическим путем вывода определения благосостояния из текущих наблюдений за тем, насколько люди ценят экологические факторы в сравнении с экономическими, используя контингентные оценки или прямые измерения воздействия экологических удобств на индексы субъективного благосостояния. Но может ли контингентная оценка и субъективные измерения, проведенные сегодня в нашей специфической экологической обстановке, использоваться для предсказания оценок будущих поколений, которые могут оказаться в экологической среде, сильно отличающейся от нашей? Можно предположить, что наши потомки, вероятно, начнут очень болезненно воспринимать относительный дефицит каких-то экологических благ, на которые мы сегодня не обращаем особого внимания, потому что они находятся в относительном избытке, и что в связи с этим необходимо незамедлительно начать придавать высокую ценность этим благам, потому что так, по нашим предположениям, хотели бы наши потомки.

Еще один пример этих нормативных проблем — вопрос определения того, как индексы устойчивости должны агрегировать индивидуальные преференции. Его решение зависит от того, как в наших измерениях текущего благосостояния принимают во внимание соображения распределения. Например, если мы считаем, что общим индикатором текущего благосостояния должен быть суммарный располагаемый доход нижних (беднейших) 80% населения или нижних 50% населения, а не глобальный располагаемый доход, тогда индикаторы устойчивости должны адаптироваться к такой объективной функции. Это согласовывалось бы с одним из аспектов определения устойчивости в докладе Брантлэнда, который часто упускают из виду, а именно с озабоченностью распределением ресурсов как *внутри* одного поколения, так и *между* поколениями. В мире, где неравенство внутри стран естественным образом имеет тенденцию к росту, сигналы, касающиеся устойчивости, будут существенным образом различаться в зависимости от цели, которую мы перед собой ставим. Особое внимание к вопросам распределения может даже привести к расширению списка капитальных благ, которые важны для устойчивости: «устойчивость» благосостояния для нижних $x\%$ населения может подразумевать какие-то специальные капиталовложения в институты, которые предлагают эффективную помощь в защите этого населения от бедности. В принципе теоретический аппарат, основанный на расширенном понимании богатства, говорит нам, как мы могли бы в идеале приписывать ценность такого рода «институциональным» капиталовложениям. Но излишне говорить, что реализация этого на практике имеет еще более отдаленную перспективу, чем в случае других видов активов.

*Дополнительный источник сложности:
глобальный аспект*

Глобальный контекст ставит дополнительные проблемы для индикаторов устойчивости. Защитники концепции скорректированных чистых накоплений утверждают, что проблемы устойчивости обычно концентрируются в бедных странах — экспортерах ресурсов, хотя эти ресурсы в конечном итоге потребляются развитыми странами. Аргумент состоит в том, что, если рынки работают правильно, давление, которое развитые страны оказывают на ресурсы других стран, уже нашло отражение в ценах, которые они платят за импорт этих ресурсов. Если, несмотря на цены их импорта, развитые страны по-прежнему могут поддерживать положительные скорректированные чистые накопления, это означает, что они инвестируют достаточно, чтобы компенсировать свое потребление природных ресурсов. Тогда на странах-экспортерах лежит ответственность за то, чтобы реинвестировать в достаточных количествах доход от своего экспорта, если они тоже хотят идти по пути устойчивости.

Однако эта логика выполняется только при допущении эффективных рынков. Если рынки неэффективны и если цена на природный ресурс занижена, страны-импортеры выигрывают от скрытой субсидии, тогда как страны-экспортеры в действительности облагаются налогом. Это означает, что нынешняя устойчивость развитых стран переоценена, а устойчивость развивающихся стран недооценена. И эта проблема приобретает еще большую важность, когда рынки отсутствуют вовсе или при наличии сильных экстерналий.

Чтобы проиллюстрировать эту проблему, представим себе очень простую ситуацию двух стран,

в которой обе страны производят и потребляют с внешними последствиями для запаса природного ресурса, который является глобальным общественным благом со свободным доступом. Страна 2 использует чистую технологию, которая не оказывает воздействия на природный ресурс, тогда как страна 1 пользуется «грязной» технологией, которая ведет к обесцениванию ресурса. Давайте еще больше усилим асимметрию, допустив, что упадок ресурса сказывается только на стране 2. Уровень упадка ресурса никак не влияет на страну 1, например, потому, что ее географические характеристики полностью защищают ее от последствий этой деградации.

В такой ситуации вполне естественно переопределить страны 1 и 2 как «загрязнителя» и «загрязненного» соответственно. В этом случае есть два пути рассмотрения устойчивости. Один — подсчитать изменения в богатстве в его расширенном понимании для каждой из стран, используя учетные цены природного ресурса, установленные для данной страны. Идея в том, что природное благо — это общий актив, но он по-разному оценивается в каждой из стран, потому что на них по-разному воздействует упадок этого ресурса. В этом примере учетная цена для загрязнителя будет равна нулю, потому что мы предположили, что изменения в окружающей среде никак на него не влияют, из чего следует, что он вообще не приписывает никакой ценности данному природному активу. С другой стороны, загрязненная страна будет приписывать положительную ценность этому активу. Если использовать концепцию расширенного богатства, получится, что страна-загрязнитель идет по пути устойчивости, а загрязненная страна — нет.

С определенной точки зрения корректно говорить, что загрязнитель, в отличие от загрязненного,

не сталкивается с перспективой снижения благосостояния. Но, с другой точки зрения, это сообщение с очевидностью вводит в заблуждение. Загрязненная страна ничего не может сделать для того, чтобы восстановить устойчивость. Только изменение технологии загрязнителя может помочь восстановить устойчивость в загрязненной стране. Нам нужны индикаторы, которые передавали бы именно это послание. Популярность индикаторов следа связана именно с тем фактом, что, каковы бы ни были их ограничения, они способны посылать такие сообщения тем, кто определяет политику, и общественному мнению. Это еще один аргумент в пользу эклектического подхода, который использует разные точки зрения. Подход, сосредоточивающий внимание на национальной устойчивости, может быть релевантен для одних ее аспектов, но нерелевантен для других. Типичный пример последнего случая — глобальное потепление, так как будущие последствия изменения климата распределяются крайне неравномерно, вовсе необязательно коррелируя с выбросами CO_2 конкретной страны.

Выводы

Это путешествие по миру индикаторов устойчивости несколько затянулось, и мы не смогли полностью избежать технических деталей. Уже сейчас имеется широкий набор индикаторов, и мы проанализировали причины того, почему так трудно прийти к консенсусу в отношении проведения полной оценки устойчивости. Она требует множества допущений и нормативных выборов и еще больше усложняется из-за наличия взаимодействия между социально-экономическими и экологическими

моделями, которых придерживаются разные страны. Вопрос в самом деле сложный, более сложный, чем и так запутанный вопрос об измерении текущего благосостояния или развития. Но мы, тем не менее, постараемся сформулировать ряд рекомендаций, которые постараемся сделать максимально прагматическими:

РЕКОМЕНДАЦИЯ 1: *Оценка устойчивости требует, чтобы Комиссия порекомендовала хорошо идентифицируемую субпанель глобальной панели индикаторов.* Вопрос об устойчивости является дополнением к вопросу о текущем благосостоянии или экономическом развитии и должен изучаться отдельно. Рекомендация разделять эти два вопроса может показаться тривиальной. Однако ее следует подчеркнуть, потому что некоторые подходы не сумели применить этот принцип, из-за чего возникла путаница в посланиях, которые они хотят передать. Эта путаница достигает апогея, когда эти два аспекта пытаются соединить в одном индикаторе. Эта критика относится не только к комплексным индикаторам, но и к понятию зеленого ВВП. Если провести аналогию, счетчик, соединяющий в одном показателе текущую скорость автомобиля и уровень топлива, оставшегося в бензобаке, был бы совершенно бесполезен для водителя. Обе информации крайне важны и должны показываться в разных, четко разделенных между собой областях приборной панели.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 2: *Отличительной чертой этой субпанели должно быть предоставление информации обо всех «запасах», которые лежат в основе благосостояния человека.* Для того чтобы измерять устойчивость, нужны индикаторы, которые укажут нам на при-

знаки изменений в объемах различных факторов, имеющих значение для благосостояния. Формулирование вопроса об устойчивости в этих категориях вынуждает признать, что устойчивость требует одновременного сохранения или увеличения нескольких «запасов»: количества и качества не только природных ресурсов, но также человеческого, социального и физического капитала. Любой подход, фокусирующийся лишь на отдельных видах капитала, не дает полного представления об устойчивости.

Применение таких категорий также позволяет избежать множества неправильных представлений о том, какие послания передают традиционные национальные счета. Например, ВВП часто критикуют за то, что он классифицирует экологические катастрофы как благотворные для экономики из-за дополнительной экономической активности в связи с восстановлением и ремонтом. Подход к устойчивости с точки зрения запасов, конечно же, избегает этой двусмысленности. Катастрофы будут регистрироваться как форма амортизации природного или физического капитала. Любой связанный с ними прирост экономической деятельности будет иметь положительную ценность, только если способствует восстановлению первоначального уровня запасов капитала.

Рекомендация 3: Монетарный индекс устойчивости находит свое место в такой панели индикаторов, но при нынешнем состоянии методологии он должен по-прежнему сосредотачиваться на экономических аспектах устойчивости. Подход к устойчивости с точки зрения запасов может в свою очередь быть подразделен на два варианта. Один вариант будет смотреть на изменения каждого запаса по отдель-

ности с точки зрения того, чтобы сделать все необходимое, чтобы предотвратить его убывание или, по крайней мере, удерживать его на уровне выше критического порога, после которого любое сокращение капитала окажется крайне вредным для будущего благосостояния. Или же можно попытаться суммировать все изменения запаса в обобщенных цифрах.

По этому второму пути идут подходы на основе так называемого расширенного понимания богатства или скорректированных накоплений, которые объединяет идея перевода всех активов в денежный эквивалент. Мы обсуждали потенциал такого подхода, а также его ограничения. При некоторых условиях он позволяет предсказать многие формы нарушения устойчивости, но требования в отношении такой способности крайне высоки. Это происходит потому, что агрегирование, которого требует этот подход, не может основываться на рыночных стоимостях: для весьма большого числа активов, которые важны для будущего благосостояния, не существует рыночных цен. Даже когда они есть, нет гарантии того, что они адекватно отражают то, какую роль эти разные активы будут играть в будущем благосостоянии. В отсутствие таких ценовых сигналов нам приходится прибегать к вменению, что увеличивает и нормативные, и информационные трудности.

Все это подсказывает, что требуется более скромный подход, а именно необходимо сосредоточиться на тех пунктах, для которых существуют разумные технологии оценки, таких как физический капитал, человеческий капитал и природные ресурсы, которые торгуются на рынках. Это более или менее соответствует ядру скорректированных чистых накоплений, как они рассчитываются Миро-

вым банком и разрабатываются далее несколькими авторами. «Озеленение» этого индекса — это, конечно, релевантная цель, и мы можем включить ее в повестку дня, но мы знаем, что для решения этой задачи требуется сложный аналитический аппарат: масштабные модели прогнозирования взаимодействий между окружающей средой и экономикой, предсказывающие изменения по отношению к дефицитам соответствующих активов и их воздействие на относительные учетные цены, а также позволяющие правильно подходить к неопределенностям или потенциальной необратимости, которая воздействует на эти взаимодействия. Между тем мы должны стараться применять этот индикатор в основном для того, что он делает относительно хорошо, а именно для оценки «экономического» компонента устойчивости, т. е. того, не чрезмерно ли страны потребляют свое экономическое богатство.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 4: *Экологические аспекты устойчивости заслуживают последующего наблюдения на основе правильно отобранного набора физических индикаторов.* Что касается экологической устойчивости, ограничения монетарных подходов не означают, что усилия по монетизации ущерба окружающей среде больше не требуются: хорошо известно, что полный отказ от любого рода монетизации часто приводит к политике, которая осуществляется так, как будто экологические блага вообще не имеют никакой ценности. Идея состоит в том, что мы далеки от того, чтобы конструировать монетарные величины для экологических благ, которые могли бы на макроуровне разумно сравниваться с рыночными ценами других капитальных активов. Учитывая наше состояние неведения, принцип предосторож-

ности оправдывает отдельное отслеживание этих экологических благ.

Еще одна причина отдельного рассмотрения состоит в том, что экологические вопросы часто касаются глобальных общественных благ, как, например, в случае климата. В таких случаях проблема стандартного подхода с точки зрения расширенного понимания богатства в том, что он в основном занимается устойчивостью каждой страны в отдельности. Глобальные общественные блага касаются чего-то большего, чем вклад разных стран в глобальную неустойчивость.

Экологический след, возможно, мог бы послужить основой для последующего наблюдения. В частности, в отличие от скорректированных чистых накоплений, он в основном касается вкладов в глобальное нарушение устойчивости, указывая на то, что основная ответственность лежит на развитых странах. Однако группа учла его ограничения и, в частности, то, что он далеко не является чисто физическим показателем давления на окружающую среду: в нем сохраняются некоторые правила агрегирования, которые могут оказаться проблематичными. По сути, большая часть информации о степени участия страны в нарушении устойчивости, которую он сообщает, заложена в более простом индикаторе, углеродном следе, который в связи с этим является хорошим кандидатом для мониторинга давления, которое человечество оказывает на климат — в одном из многих индикаторов, предложенных климатологами, которые вкратце рассматриваются в техническом докладе.

Касательно других аспектов экологической устойчивости, таких как качество воздуха, качество воды, биоразнообразие и так далее, можно снова

позаимствовать индикаторы из больших эклектичных панелей. Среди нескольких индикаторов, уже включенных в такие панели, мы могли бы упомянуть загрязняющие выбросы, образующие смог, нагрузку по питательным веществам на водные объекты, численность ключевых природных видов, скорость изменения назначения природных сред обитания, долю вылова рыбы, превосходящую лимиты безопасности, и многое другое. На сегодняшней стадии дебатов экономисты не способны сказать, какой выбор является правильным. Поэтому мы не будем предлагать здесь никакого окончательного перечня таких индикаторов.

Вкратце наш прагматический компромисс — предложить небольшую панель индикаторов, твердо придерживающуюся подхода к устойчивости с точки зрения «запаса», которая будет сочетать:

- индикатор, выведенный на основе расширенного понимания богатства, «озелененный» настолько, насколько это возможно при имеющихся на настоящий момент знаниях, чьей основной функцией, однако, были бы предупредительные сигналы об «экономической» неустойчивости. Эта экономическая неустойчивость может быть вызвана низким уровнем сбережения, низкими инвестициями в образование или недостаточным реинвестированием дохода от добычи полезных ископаемых (для стран, которые в значительной мере полагаются на этот источник дохода);
- набор правильно подобранных *физических* индикаторов, которые сосредоточились бы на тех аспектах экологической устойчивости, которые либо уже важны, либо могут оказаться важными в будущем и которые по-прежнему трудно поддаются выражению в монетарных категориях.

Этот сценарий по нескольким пунктам сходится с выводами, достигнутыми в других недавних докладах на эту тему, таких как доклад ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН по измерению устойчивости, чьи выводы были обнародованы в 2008 г., или более новый доклад Французского экономического, социального и экологического совета, выпущенный в 2009 г. Авторы первого доклада, в частности, особенно активно выступают за подход к устойчивости с точки зрения запасов и предлагают небольшую панель индикаторов, где четко разделяются активы, которые могут быть разумным образом монетизированы, и прочие активы, для которых необходимы отдельные физические единицы измерения. Второй доклад предупреждает об ограничениях метода экологического следа и, применительно к изменению климата, выступает за индекс углеродного следа. Подобные точки соприкосновения вселяют уверенность: они подсказывают, что от относительно запутанной ситуации, которая описывалась в разделе 2, мы твердо движемся в сторону более приемлемого для всех аппарата понимания проблем устойчивости (см. ниже)³.

Физические и другие неденежные индикаторы: что выбрать?

Вся Комиссия разделяла ту позицию, что следует избегать формулирования окончательных предложений «под ключ» по любому из множества постав-

3. Некоторые другие точки соприкосновения можно найти в реакциях Европейского агентства охраны окружающей среды на первый вариант сокращенного доклада данной Комиссии.

ленных вопросов. Все предложения, скорее, направлены на то, чтобы стимулировать дальнейшие дебаты. Это тем более верно в области индикаторов *физической* устойчивости, в которой экспертные знания специалистов из других дисциплин имеют ключевое значение, а они лишь косвенно были представлены в составе Комиссии.

Однако определенные рекомендации в связи с выводами некоторых из последних докладов все-таки были даны.

В 2008 г. рабочая группа ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН выпустила доклад об оценке устойчивого развития, некоторые положения которого совпали с выводами, представленными в нашем докладе. Его авторы твердо выступили в защиту подхода к устойчивости с точки зрения запасов как к релевантному способу структурирования микропанелей индикаторов устойчивости, объединяющих и запасные, и потоковые переменные. В нем также предлагается провести демаркационную линию между определяющими факторами «экономического» благосостояния (которые самым непосредственным образом поддаются монетарной оценке) и определяющими факторами «фундаментального» благосостояния, в состав которых входили четыре пары экологических показателей запаса/потока, связанных соответственно с глобальным потеплением, другими формами загрязнения атмосферы, качеством воды и биоразнообразием. Детали и позиции этих индикаторов представлены в табл. 3.2.

Не так давно Французский совет по экономике, социальным проблемам и экологии (CESE) выпустил доклад, чьей первоначальной целью была оценка экологического следа, но в котором при этом шире исследовались имеющиеся различные

ТАБЛИЦА 3.2. Малый набор индикаторов устойчивого развития, предложенный рабочей группой ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН по измерению устойчивости

Индикатор области	Индикатор запаса	Индикатор потока
Фундаментальное благосостояние	Ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на здоровье	Индекс изменений смертности с учетом возраста и заболеваемости
	Процент населения с образованием выше среднего	Поступление в высшие учебные заведения
	Отклонения температуры от нормы	Выбросы газов, способствующие образованию парникового эффекта
	Нулевая отметка уровня озона и концентрация твердых частиц	Выбросы загрязняющих веществ, способствующих образованию смога
	Доступность чистой воды	Нагрузка по питательным веществам на водные объекты
	Фрагментирование природной среды обитания	Изменение назначения природных сред обитания
Экономическое благосостояние	Реальные чистые вклады в иностранные финансовые активы на душу населения	Реальные инвестиции в иностранные финансовые активы на душу населения
	Реальный произведенный капитал на душу населения	Реальные чистые инвестиции в произведенный капитал на душу населения
	Реальный человеческий капитал на душу населения	Реальные чистые инвестиции в человеческий капитал на душу населения

Индикатор области	Индикатор запаса	Индикатор потока
	Реальный природный капитал на душу населения	Реальное чистое истощение природного капитала на душу населения
	Резервы энергетических ресурсов	Истощение энергетических ресурсов
	Резервы полезных ископаемых	Истощение запасов полезных ископаемых
	Запасы лесных ресурсов	Истощение лесных ресурсов
	Запасы морских ресурсов	Истощение морских ресурсов

Источник: ОЭСР/Евростат/Европейская экономическая комиссия ООН (2008)

пути квантификации устойчивости. Он содержит те же самые послания, что и текущий доклад, в отношении ограничений индекса экологического следа, а также указывает на тот факт, что большая часть релевантной информации, которая в нем передана, более непосредственным и четким образом представлена в одном из компонентов экологического следа, углеводородном следе. Как следствие, авторы данного доклада активно выступают за применение этого индекса. В сравнении с глобальными выбросами парниковых газов, которые предлагаются в панели ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН, углеводородный след имеет то преимущество, что он выражен в единице «следа», которая интуитивно крайне привлекательна и способствовала успеху экологического следа. Кроме этого доклад Французского совета по экономике, социальным проблемам и экологии

порекомендовал сделать акцент на других физических индикаторах, уже имеющихся в составе информационных панелей, например, для той из них, которая была разработана для Стратегии устойчивого развития Европейского союза. На некоторые из них панель ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН уже ссылалась.

Что касается климатических изменений, то можно рассмотреть и некоторые другие индикаторы. Прямое наблюдение за средней температурой — одна из возможностей, но не самая подходящая, потому что имеет тенденцию отставать от основного компонента изменения климата, кроме того, всегда могут существовать разногласия касательно причин роста температуры и, следовательно, того, носит ли он постоянный или временный характер. Как следствие, климатологи предпочитают использовать термодинамическую концепцию, радиационное воздействие CO_2 , которое измеряет энергетический дисбаланс, вызванный действием CO_2 как парникового газа.

Или же можно напрямую использовать понятие остатка бюджета CO_2 : по мнению климатологов, есть верхний предел в 0,75 трлн т углеводорода, которые можно выбрасывать в атмосферу, если риск того, что температура на два градуса по Цельсию превзойдет доиндустриальный уровень, ограничен с вероятностью один к четырем. Эта верхняя граница в два градуса по Цельсию в основном принимается экспертами по климату в качестве «переломного момента», открывающего дверь необратимым эффектам обратной связи (метан от таяния вечной мерзлоты, CO_2 и метан от гниения тропических лесов, всевозможные парниковые газы, поступающие в атмосферу из-за нагревания океанов и т. д.). Из 0,75 тотального бюджета выбросы до 2008 г. уже истратили около 0,5.

Отсюда важность мониторинга остатка бюджета CO_2 . Привлекательность этого индикатора в том, что он очень хорошо согласуется с подходом к устойчивости, ориентированным на запасы. Его также можно переформулировать в очень выразительной форме индекса отчета, т. е. времени, оставшегося до истощения этого запаса, если допустить, что текущая тенденция, характеризующая выбросы, сохранится и дальше. Такого рода презентации часто используются для других форм исчерпаемых ресурсов.

Другие косвенные индикаторы глобального потепления — это отступление вечной мерзлоты или кислотность океана. Отступление вечной мерзлоты имеет то преимущество, что оно носит предварительный характер и напрямую связано с манифестированными эффектами. Кислотность океана возрастает с ростом количества CO_2 , который естественным путем закачивается в океаны. Последствие этого роста — сокращение количества фитопланктона, что само по себе является фактором снижения количества углеводорода не менее важным, чем леса. Можно, таким образом, сказать, что физический спад (морская вода, растворяющая атмосферный CO_2) разрушает биологический. В этом причина того, почему кислотность океана представляет собой еще один хороший предварительный индикатор изменения климата, указывая на один из самых вредоносных обратных эффектов. Два критерия выбора индикаторов имеют особую важность. Один — возможность его легкого усвоения общественностью, второй — возможность использования на национальном или даже субнациональном уровне: в этом отношении углеродный след имеет целый ряд преимуществ.

Что касается биоразнообразия, эта проблема в настоящий момент исследуется группой ТЕЕВ

(«Экономика окружающей среды и многообразия»), работающей под эгидой Европейского союза, а также не так давно к ней обращались в докладе французского Совета по стратегическому анализу, в данном случае с идеей как можно большей монетизации этого аспекта. Причина для этих поисков денежного эквивалента, по сути, состоит в том, что он помог бы встроить этот аспект в инвестиционные выборы: многие публичные решения, например, решение построить автодорогу, подразумевает некоторую потенциальную потерю биоразнообразия из-за фрагментации среды обитания. Но в данном докладе приводится также очень подробное техническое описание существующих физических методов измерения биоразнообразия, к которым читатель может обратиться за дополнительной информацией.

Наконец, если отойти от озабоченности экологией, по-прежнему оставаясь на «немонетарной» стороне, один из важных вопросов — вопрос о социальном капитале и «институциональных активах», которые мы передадим будущим поколениям. Можно заметить, что представленная выше панель ОЭСР/Евростата/Европейской экономической комиссии ООН не предлагала никакого подобного индикатора не по тому, что вопрос не имеет значения, но главным образом из-за отсутствия консенсуса касательно того, как его измерять. Подгруппа 3 была не в состоянии далее исследовать этот вопрос, но усилия в этом направлении, несомненно, представляются необходимыми.

Вспомогательный вопрос касается руководства для пользователя по таким панелям индикаторов. Необходимо предупредить о том, что ни один ограниченный набор цифр не может претендовать на точное предсказание устойчивого или неустой-

чивого характера развития исключительно сложных систем. Цель, скорее, в том, чтобы получить набор индикаторов, которые начнут бить «тревогу» в ситуации, которая создает высокий риск нарушения устойчивости. Однако, что бы мы ни делали, панели и индексы — это только часть истории. Большая часть усилий, направленных на оценку устойчивости, фокусируется на увеличении нашего знания о том, как экономика и окружающая среда взаимодействуют сейчас и будут взаимодействовать в будущем.

Научное издание

**ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ, АМАРТИЯ СЕН,
ЖАН-ПОЛЬ ФИТУССИ**

**НЕВЕРНО ОЦЕНИВАЯ НАШУ ЖИЗНЬ:
ПОЧЕМУ ВВП НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА?**

**Доклад Комиссии по измерению эффективности
экономики и социального прогресса**

**Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор ГАЛИНА ЛАКЕЕВА
Дизайн обложки ВЛАДИМИР ВЕРТИНСКИЙ
Верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ**

**Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1**

✠

Подписано в печать 11.01.2016.

Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32. Заказ 445.

**Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «Ульяновский Дом печати»**

тел. 8 (8422) 41-12-12

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14